

ГЕННАДИЙ ВИННИЦА

**ГОРЕЧЬ
И
БОЛЬ**

ГЕННАДИЙ ВИННИЦА

ГОРЕЧЬ

И

БОЛЬ

*Геннадий!
Ваша боль.*

Орша
1998

УДК 947.6 "1941/1945"+343.337
ББК 63.3 (4 Бей) 622
В48

Автор выражает благодарность
Нирману Юрию Аркадьевичу

и

благотворителю, пожелавшему остаться неизвестным,
за помощь в издании книги.

В48 Винница Г.Р. Горечь и боль. Отдел культуры Горецкого райисполкома. Орша. 1998.-240 с.

ISBN 985-6120-33-0.

Книга состоит из двух разделов. Первый, составляющий большую часть издания, рассказывает о трагедии евреев Беларуси во время Второй Мировой войны. Он охватывает 15 районов трёх областей – Витебской, Минской, Могилёвской. Во втором – повествуется о судьбах людей, опалённых войной. Книга адресует широкому кругу читателей.

ISBN 985-6120-33-0.

© Винница Г.Р. 1998.

От автора.

История, в своём многовековом развитии, переполнена напластованиями событий и фактов, отражающих ход времени. Они, эти отрезки прошлого, окрашены как в мрачно-тёмные, так и в радужно-светлые тона, определяемые эпохой, местом и движущими силами происходившего. Особый привкус у международных потрясений – войн. Их горечь и боль познали многие народы и страны. Вторая Мировая война ещё долго будет тревожить умы и сердца людей, ошеломлённых грандиозным опустошением, произведённым ею. Летопись той суровой години испытаний пестрит непознанными “белыми пятнами”. Человечеству нужна правда несмотря на тяжесть восприятия этой темы. О массовом уничтожении евреев, получившем название Холокост, надо говорить, кричать наконец, когда столько недосказанного. Тьма неизвестности должна растаять в лучах света узнанного. Труд исследователя тому и служит, являясь благородной целью и долгом перед погибшими. Предлагаемая читателю книга “Горечь и боль” – плод нелёгких и упорных изысканий, проводимых автором в последние несколько лет. В первом разделе, названном “Катастрофа”, собрана информация по двенадцати районам Витебской, двум – Минской и одному – Могилёвской областей. Публикуемый материал посвящён истории Холокоста в Беларуси.

“Война” – вторая и совсем небольшая часть издания. В ней внимание фокусируется на драматизме людских

становясь подчас актёрами-статистами в драме, разыгрываемой не на сцене театра, а в реальном мире.

Память времён военного лихолетья стала центральной идеей этой книги. Память заслуживает того, чтобы её сохранить.

КАТАСТРОФА

ХОЛОКОСТ В БОБРЕ. (КРУПСКИЙ РАЙОН).

Поселок этот у железнодорожной магистрали окружают стеной леса, слышущие грибной житницей. Разноцветье ландшафта окрестных мест впечатляет. Здесь в Бобре почти шестьдесят лет назад жили евреи. Сейчас их уже нет. Никого не осталось. Тому есть причина – война. Она вошла в местечко, уже в конце июня 1941 года, бурей разметав прошлое. Евреев взяли на учет, поместили желтыми звездами, водили на работу – мостить улицы булыжником. Только жили они в своих домах и никакого гетто. Чем не жизнь? Насторожило ли это евреев? Кто знает. Однажды полицай из близлежащей деревни убил пятилетнего мальчика. Вот тут кажется до людей стало доходить чего следует ожидать. Бунт по сценарию оккупантов не планировался. Полицая того на следующий день застрелили, чтобы, как всем объяснили, не нарушал возложенных полномочий. Успокоили. Ждали 10 октября.

Вспоминает Зайцева Мария Степановна 1925 г.р.: “Утром 10 октября 1941 года по 3 улицам Бобра, где жили евреи, стали разезжать грузовики. Машины подъезжали к домам и полицайи загоняли людей в кузов. Крик, плач, стоны наполнили местечко. После того как всех погрузили, автомобили повезли евреев из Бобра, в двух километрах от которого в яме и расстреляли 961 человека”.¹

Вспоминает Кнотько Владимир Максимович 1923 г.р.: “Моего отца заставили закапывать убитых евреев. Он рассказывал, что еврейку Овчинникову – врача увезли со всеми. Так ее четырехлетний сын, от русского мужа, бежал за машиной пока не выбился из сил и не упал. Еще одна страшная история произошла с учительницей Мельник Любовью. Во время следования к месту расстрела она в

порыве нервного возбуждения так сильно сжимала своего годовалого сынка, что нечаянно удушила его”²².

Вспоминает Шанькова Людмила Андреевна 1928 г.р.: “10 октября 1941 года в 3 часа дня к нам в дом пришел полицай и велел отцу взять лопату и идти к месту расстрела закапывать. Отказаться было нельзя, иначе – расстрел. На следующий день ходили с подружкой смотреть место

Место расстрела евреев Бобра.

гибели евреев. Жутко. Земля шевелилась. В тот же день местные грабили еврейские дома, вернее то, что осталось

визита полицаев. До того жаждали наживы, что всю землю в огородах перекопали”²³.

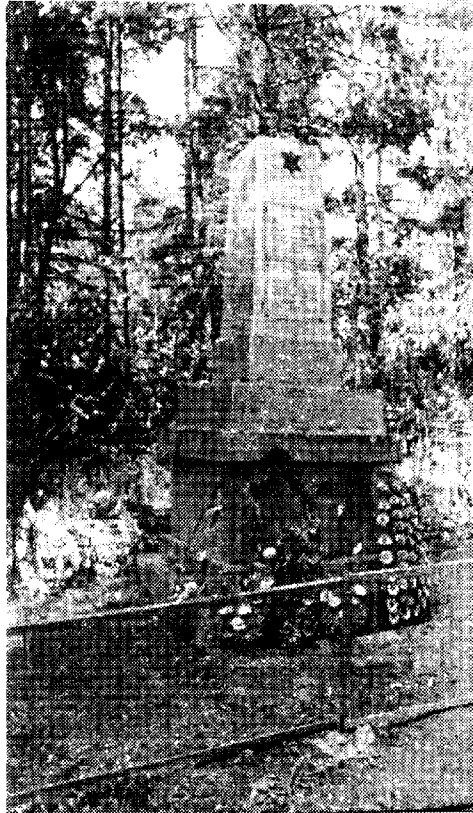
Сошло в могилу еврейское население Бобра в количестве 961 человек, но есть на этом жутком, леденящем кровь фоне и удивительная история спасения.

Вспоминает Иванович Леонид Ефимович 1932 г.р.: “10 октября 1941 года, в день расстрела мама рано утром разбудила меня и моих маленьких сестер Веру и Соню. Взяла с собой только один узел с едой и одеждой и по заросшему берегу реки Бобр, прячась в высокой траве, провела нас к деревне Плиса. Там, в заброшенном сарае мы переночевали. На следующий день вечером наша семья пришла в Толочин. Используя то, что все мы были блондинами, она обратилась к местному коменданту Ивану Ивановичу (фамилию не помнит - Г.В.), представившись беженкой. Человек тот был поволжским немцем и он ей поверил, выдав справку и определив на место жительства в деревню Бошарово. Когда наша семья оказалась там, сам староста Матюшевский выдал нам два ведра картошки. Помогали и другие: кто одеждой, кто продуктами. За время нашей жизни в Бошарово маму трижды арестовывали и трижды комендант Толочина хлопотал за нее, подсказывая ей как вести себя на допросах и что говорить. Вернулись мы в Бобр в июле 1944 года, узнав о гибели 961 еврея”²⁴.

Сколько же еще разорванных судеб! Сколько безвинно сложивших свои головы!

Гетто в Дриссе (Верхнедвинск).

В 1962 году изменилось название города, и стал он именоваться Верхнедвинском, хотя раньше был известен как Дрисса. Здесь в порубежье еще до войны жило много евреев. Так случилось, что узнав о начале войны, снялось с

Верхнедвинск. Первое место гибели узников гетто.

проверку в немецкую управу”.⁶

Вспоминает Бодушанская Софья Моисеевна: “Уже после войны мне рассказал майор НКВД Дедов, что местный

насиженных мест и подалась на Восток лишь небольшая их часть. О чем думали оставшиеся? На что надеялись? Война сразу все объяснила, придя в Дриссу со своей родной сестрой – смертью. Оккупанты немедленно поместили свои жертвы.

Из воспоминаний Жидковой Людмилы Моисеевны, 1912 г.р.: “Сразу же, как только немцы появились в Дриссе, приказали евреям носить желтые звезды”.⁵

Вспоминает Казаченок Галина Викторовна: “Еще до появления гетто евреев обязали являться на

житель Гирдюк запряг моего дядю Бейлина Лейбу Абрамовича в тележку, погрузив в нее отобранное у него же зерно, а после заставил возить к себе домой. Произошло это до переселения евреев в гетто”.⁷

Приход немцев в Дриссу, как оказалось, не сулил еврейскому населению ничего хорошего. Первое, что сделали фашисты, появившись в городе, – выделили евреев из общего числа жителей. Им следовало носить желтые нашивки, их взяли на учет и контролировали. Вероятнее всего, существовал и комендантский час. Обычно в таких случаях с пяти или шести часов вечера запрещалось появляться на улице. Помимо этого, коллабаранты, да и, конечно, немцы спокойненько примерялись к имуществу евреев, начиная грабить все приглянувшееся. Дабы упростить себе задачу гитлеровцам нужно было собрать еврейское население в одном месте, раскручивая спираль начатого. Решение, а за ним и действия последовали.

Выделив территорию и оградив ее, евреев заселили в новый район с неизвестным и зловеще-мрачным названием – гетто.

Вспоминает Попкович Виктор Игнатьевич 1928 г.р.: “Гетто в г. Верхнедвинске (Дрисса) было создано осенью 1941 года и находилось у моста через реку Дрисса по улице Советской за Акционерным обществом “Мила” (фабрика художественных изделий). Людей других национальностей, живших на этой территории, выселили из домов. Сюда затем согнали евреев из Дриссы, а также таких населенных пунктов как Волынцы, Жовнино, Кохановичи, Янино и др. Гетто расположилось как в домах, так и под открытым небом. Оно было огорожено колючей проволокой и охранялось часовыми, У всех без исключения узников на спине нашивалась желтая шестигранная звезда. Всего

собрано в гетто людей было примерно 800. Евреев водили работать. Работа же та выбиралась самая трудоемкая и длилась с 9.00 до 18.00. Никто людей из гетто не кормил. Они сами обменивали вещи на продукты, да и знакомые помогали. Немцы, а особенно полицаи, грабили евреев, постоянно требуя драгоценности”.⁸

Вспоминает Цветинская Розалия Казимировна, 1921 г.р.: “Гетто находилось по улице Советской сразу же за фабрикой художественных изделий, около моста. Немцы его организовали осенью 1941 года. Гетто охраняли немцы и полицаи. Евреев не кормили”.⁹

Жидкова Л.М.: “В гетто у моста через реку Дрисса осенью 1941 года согнали евреев не только из города, но и со всего района. Здесь были люди всех возрастов, начиная с младенцев и кончая стариками. При переселении особенно зверствовали полицаи, разграбившие дома евреев и забравшие все более-менее ценное из обнаруженного. Люди, собираемые в гетто, не знали о своем будущем, а поэтому с собой брали узелки с ценными вещами. Многое из этого уже потом, находясь в гетто, они обменяли у местных жителей на еду. Белорусское население часто приходило к ограждению, принося пищу обреченным. Узники гетто порой сами выбирались из заточения и просили кушать, а фашисты их не кормили”.

Вспоминает Крылова Мария Викентьевна, 1911 г.р.: “Молодых евреев водили из гетто на работу. Им позже была дана свобода передвижения, и в гетто они ходили только ночевать. С немцами разговаривали на немецком языке. (Вероятно речь идет о языке идиш. Общеизвестно, что свое происхождение он ведет от немецкого и не представляет трудности объяснить такое общение. - Г.В.). Случаев ухода евреев к партизанам не знаю”.¹⁰

Не просто сейчас, когда река времени унесла воды своих

лет далеко за горизонт, объяснить происходившее много лет назад. Память, словно догорающая свеча, угасает, растаивая в пламени срока давности. Исследователю лишь остается попытаться склеить те немногие осколки, оставшиеся еще в поле зрения. Гетто как мы видим, в городе Дрисса аккумулировало евреев всего района. Сюда их собирали для подготовки к будущей кровавой резне. Люди, не зная на что им надеяться, верили все же в лучшее. Они терпели голод, грабежи, издевательства, но не теряли надежду. Надежда у них была одна – жить. Как наивны были эти грезы. Даровать жизнь евреям фашисты не собирались.

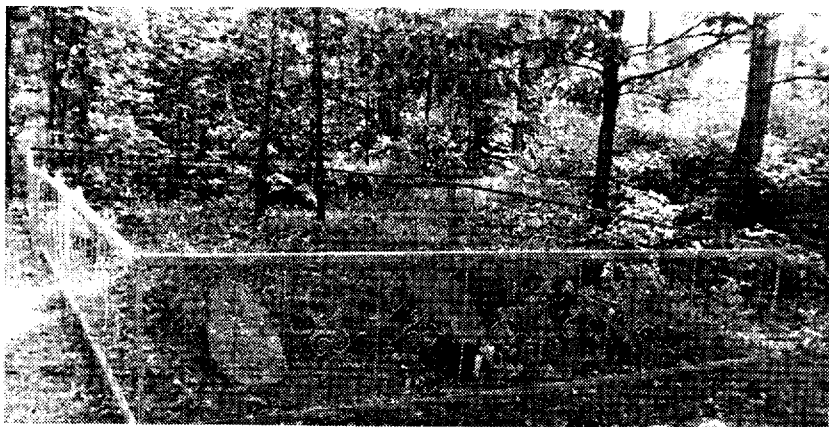
Попкович В.И.: “Узников гетто расстреляли 2 февраля 1942 года на территории еврейского кладбища, в его северо-западной части. Копать ямы для казни заставляли местных жителей. Они вырыли два рва длиной в несколько десятков метров. Стариков и детей везли на машинах, остальные сами шли к месту расстрела. Никто не уцелел. Детей бросали в ров живыми, а затем закопали. После расстрела немцы сожгли все гетто и несколько парней, спрятавшихся в домах, сгорели заживо. На месте же расстрела земля шевелилась три дня”.

Цветинская Р.К.: “Когда евреев вывозили из гетто, один немец проткнул двухлетнего ребенка штыком и бросил его в костер”.

Жидкова Л.М.: “2 февраля 1942 года на еврейском кладбище были вырыты две траншеи. Сюда немцы, ведшие на поводке собак, и полицаи конвоировали измученных людей. Всех ставили на краю ямы и расстреливали. Стон, крики, плач слышались оттуда”.

Унесло свою боль в могилу гетто Дриссы. Палачи, насыщавшиеся кровью жертв, действовали по не раз проверенной и отработанной изуверской технологии.

Надломленные люди, истязаемые в гетто, загонялись под усиленной охраной к месту гибели, а там уже живой или мертвый никого не интересовало. Всех укрыла земля.

Верхнедвинск. Второе место гибели узников гетто.

Крылова Мария Викентьевна вспомнила погибших Рохлиных Мишу и Каумана, принявших смерть вместе со своей матерью.

Бодушанская Софья Моисеевна назвала погибших:

семья Бейлиных (Моисей, Хана, сыновья: Израиль, Абрам, Пейсах, дочь Люба);

семья Муха (муж и жена);

семья Хидекель (отец, мать, дочь Мирра с тремя детьми);

семья Соркиных (мать, сын);

Макутонин Эля;

семья Сокольских (мать Зельда, трое детей);

семья Тресковых (Михаил, Хая, трое детей);

семья Клубт (муж, жена);

семья Люхтиных;

семья Бейлиных (отец Лейб, жена, шесть детей);

семья Яновских (мать, трое детей);

семья Риц (отец Израиль, три его дочери и их дети);

семья Ганварг (отец, мать, дочь Лиза);

Раппопорт Циля;

Пилов Рувим;

семья Коноваловых (мать, две дочери и их дети);

семья Коган;

семья Ривкиных;

семья Млечиных.

Мир их праху. На памятнике, установленном на месте гибели гетто, на двух языках – русском и еврейском – написано: “Вечная память жертвам фашистского террора, зверски замученным 2.02.1942г.”. В тот февральский день сложили свои головы 769 евреев.¹¹

Холокост в Дубровенском районе

Баево

Здесь до войны проживало около 200 евреев, которые работали в местном колхозе им. Дзержинского, а также традиционно сапожниками, портными, плотниками, кузнецами. В одноэтажном доме размещалась синагога, получившая у белорусского населения название “богомольня”. Жило еврейское население компактно на одной улице. С приходом оккупантов в июле 1941 года изменений не произошло, и евреи продолжали проживать в своих домах. Гетто в Баево не создавалось. Вспоминает Долженкова Варвара Ильинична 1921 года рождения: “Это было в конце сентября – начале октября 1941 года, когда все убрали картофель. Я услышала выстрелы и увидела старого еврея, убежавшего от немца. Правда, далеко не убежал. Каратель застрелил его у дома Василия Гусенцова, которого заставили потом выкопать на том же месте яму и похоронить убитого”.¹²

Фролов Александр Иванович 1928 года рождения: “В первых числах октября 1941 года в Баево приехали гестаповцы из Горецкого района. Ходили по деревне, собирали евреев. Помню, как еврей-плотник, стекливший окно в больнице, увидев это, побежал в сторону реки, но спастись не смог и был убит”.¹³ Все еврейское население деревни собрали на улице в колонну и повели за речку Мерея. Там в противотанковом рву недалеко от деревни Пахомово обрели они свое последнее пристанище. Погибло, примерно, 200 человек. Вспоминает Борисова Лидия Борисовна: “Мама моя Эйдлина Елизавета Наумовна – еврейка, отец, Бруев Борис Мефодьевич – русский. В октябре 1941 года наша семья жила в Баево.

Когда пришли каратели и начали сгонять евреев на расстрел, мы спрятались в погребе и нас не нашли. Бабушка Эйдлина Бася, попав в лапы фашистов, была убита. Дедушка отсутствовал в тот день в деревне и остался жив. Потом он скрывался в бане, где заболел и умер. Мама, папа, я и сестра Люба прятались у дяди по отцу до марта 1942 года. В этом весеннем месяце меня, мать, сестер Любу и Милу отвезли в гетто в Ляды. Отца не тронули как русского”.¹⁴ Фролов А.И. “Немцы отпустили двух братьев пяти и восьми лет. Оба были беленькие. Мать их расстреляли. Вскоре пришел их отец и еще четверо мужчин, проживавшие затем в одном доме. Где-то в марте 1942 года за ними приехали немцы и отвезли в ляднянское гетто”.

Борисова Л.Б.: “Вернувшись их ляднянского гетто в Баево, наша семья вынуждена была оставаться в деревне на нелегальном положении. В 1944 году в Баево жить стало опасно. Мы отправились в город Оршу и там скрывались до прихода Красной Армии”.

Дубровно.

Подумать только: местечко это когда-то олицетворяло собой еврейскую “черту оседлости”. К концу девятнадцатого века, а точнее в 1880 году

Дубровно. Обелиск на могиле погибших евреев Дубровно.

на 2336 евреев Дубровно приходилось одна синагога и тринадцать молитвенных школ.¹⁵ Мало того, четыре талесные фабрики местечка считались лучшими в округе, придя в итоге к вершине центра еврейского ткачества в Российской империи.

В 1897 году численность евреев увеличилась чуть ли не вдвое – 4364.¹⁶ Спустя девяносто лет их оставалось 18. Два числа, названных последними, разделяют многое, но только один временный отрезок отчасти позволит ответить на вопрос “что же произошло” – война. Она наполнила существование людей ужасом пришедшей беды.

Из акта от 30 марта 1945 года, составленного комиссией по определению злодеяний, учиненных фашистскими извергами за время их хозяйничанья в Дубровенском районе Витебской области Белорусской ССР, в составе председателя комиссии Казака Антона Даниловича, члена комиссии Пузако Александра Ивановича и ответственного секретаря комиссии Околова Игнатия Любиновича: “С первых дней вторжения гитлеровских извергов в Дубровенский район и районный центр Дубровно началось бесчеловечное хозяйничанье. Все население поголовно было превращено в рабов и использовалось на каторжных работах: постройке мостов, исправлении дорог, рытье траншей и других земляных сооружений и укреплений. Всякое ослушание или промедление безжалостно наказывалось резиновыми палками. Были случаи избивания до полусмерти”.¹⁷

Из воспоминаний Золотарской Марфы Васильевны: “Ходила в комендатуру получать аусвайс и видела, как полицаи уложили на землю 10 евреев и избивали их палками”.¹⁸

Фашисты, пытаясь обратить время вспять, устремились в эпоху феодализма, где были возможны зревшие исподволь и прораставшие в садистских экспериментах преступления. Не из тех ли времен полузабытое слово “Гетто”? Им для дубровенских евреев стал двухэтажный дом на улице Левобереговой.

Из акта от 30 марта 1945 года: “Осенью 1941 года еврейское население города Дубровно было согнано в лагерь “жилкоп”, где применялись бесчеловечные методы притеснения. Телесные истязания, чрезмерное изнурение физическим трудом не удовлетворяло озверелых извергов. Они стали искать больших мер удушения живых мирных людей. Стали заставлять рыть общие могилы и в декабре 1941 года за фабричным двором Дубровенской фабрики в общую могилу согнали и расстреляли 1500 человек. В могилу загонялись полураздетые дети, подростки, взрослые и старики, укладывались и пристреливались в затылок. Картина ужаса, слез, воплей и стонов не поддается описанию.

Золотарская М.В.: “На краю карьера были установлены два пулемета. Выводили семьями. Дети обнимали мать и таким образом принимали смерть. Затем, независимо от того, живой или мертвый, сбрасывали в яму. В конце расстрела пригнали детей дошколят и один немец садист брал по одному и ударял о колено, ломая им позвоночник. После расстрела земля колыхалась несколько дней”.

Вспоминает Арутюнова Екатерина Ивановна: “У кого из евреев была хорошая одежда, раздевали. После расстреливали. Убитых и еще живых закапывали. Я также видела изуверский способ убийства, когда некоторых людей обливали горячей смесью и поджигали живьем. Дрибинский и его дочь бежали. Полицай, погнавшийся за ними, убил его дочь, а отец откупился: дал ему золотую

монету. Потом мой отец, Сахаров Иван, прятал его несколько дней, а потом он ушел в лес”¹⁹

Убивали палачи Дубровенское гетто, бывшее таковым в течение месяца или двух, в районе льнозавода вблизи еврейского кладбища в песчаном карьере (сейчас это улица Витебская). Да не всех казнили тогда. Видно нужны были еще семьи ремесленников. Недолго прожили.

Из акта Чрезвычайной государственной комиссии по определению злодеяний, учиненных фашистскими извергами, от 30 марта 1945 года: “Вторая очередь оставшихся специалистов и их семей, около 300 человек, расстреляли в феврале 1942 года теми же способами и методами. Кроме массовых расстрелов еще группами и одиночками расстреляно 185 человек. Всего по городу расстреляно 1985 человек”.

Приведенный документ указывает на убийство евреев, а речь идет о цифре 185 человек, начиная с самой оккупации местечка. Даже казненные, даже присыпанные землей не знали еврейского покая.

Из акта от 30 марта 1945 года: “Чтобы скрыть следы и избежать ответственности за бесчеловечные злодеяния немецкие заправилы распорядились по способу взрывов раскопать общие могилы и трупы сжечь, предварительно облив горючим”.

Нет умиротворения ни живым, ни мертвым, пока по земле ходит война.

Ляды.

Местечко, прильнувшее в шоссейной дороге, убегавшей за косогором на Смоленщину, в ту пору укутывалось убранством трав, кустарников, деревьев, буйно разросшихся здесь и наполнявших летние вечера ароматом какой-то удивительно-пряной свежести. Люди, жившие в

Лядах, не раз и не два любовавшиеся огненными закатами и розовыми рассветами, трудились на своей земле, продолжая дело отцов или торя свой путь. Среди евреев-лядян широко распространялись ремесла и почтение к сельскохозяйственному труду. Неудивительно, что в числе лучших хозяйств района находился и местный еврейский колхоз “Наес лебн”. Ощущение умиротворенности создавали и существовавшие здесь синагога и еврейская школа.

Радости мирной жизни угасли с оккупацией 15 июля 1941 года немцами местечка. Вспоминает Афанасий Евсеевич Семенов: “Грабежи, убийства, издевательства над населением были обычным явлением в оккупированных Лядах. Местечко выглядело пустынным, мертвым. Люди боялись выходить на улицу”²⁰. Вместе с тем часть еврейского населения решила сопротивляться. Из воспоминаний Тамаркина Вячеслава Львовича: “Мы стали замечать, что некоторые парни и девушки уходят из местечка, а потом снова появляются. Однажды мы с Ефимом (братом) “случайно” зашли в большой колхозный сарай, стоявший на высоком крутояре у р. Мереи. Там застали несколько еврейских парней с оружием. Это были пистолеты, гранаты, ящики с толом”²¹. И подобное происходило, несмотря на запрет под страхом смерти иметь у себя оружие. Еще один интересный эпизод из воспоминаний В.Л. Тамаркина: “Ефим, как кошка, тихо вышел из-за амбарчика и аккуратно приклеил плакат с надписью “Гитлер- освободитель – народов душитель” в то время, как мы отвлекали разговором охранника комендатуры”.

Оккупанты не церемонились с евреями, демонстрируя свое звериное лицо. Вспоминает Чванов Лука Иванович: “В августе-сентябре 1941 года были расстреляны бухгалтер

артели Моисей Фрадкин, Арон Бенциан и еще несколько человек на восточном берегу реки Мереи неподалеку от деревни Пльвуны".²² Тамаркин В.В.: "Каждый день все взрослое население выгоняли на работу. Трудились без отдыха, а кто останавливался, били прикладами, резиновыми дубинками".

Чванов Л.И.: "Некоторые евреи работали портными, сапожниками в организованной мастерской. Им говорили, что жизнь их будет сохранена". Тамаркин В.Л.: "Каратели прибывшего подразделения арестовали группу комсомольцев. У них на груди были дощечки с надписью "Комсомольцы-бандиты". Среди них были и мои знакомые, прятавшие оружие, Юзик Юхвич, Сара Малкина, Таня Кальнер. Их подвели к выкопанным ямам и расстреляли. Еще один факт: Тамаркину Ефиму, Тамаркину Лазарю, Черняку Матвею, Драбкину Борису приказали дорогу от штаба к комендатуре выложить кирпичом и по ним заставили юношей ползать на животе, при этом смеясь над ними", Чванов: "Гитлеровцы требовали золото, ценности, грабили, выгоняли под конвоем улучшать дорогу. Некоторых евреев они заставляли самих рыть себе могилу, а затем расстреливали".

Тамаркин: "25 мужчин из числа интеллигентов и кустарей расстреляли... Молодежь, до крови избитую, заключили в амбар в качестве заложников и затребовали за них драгоценности из золота, серебра. Объявили, что в случае, если выкупа не будет, молодежь расстреляют. Начали собирать, у кого что было: ложки, вилки, ножи, серьги, кольца, часы и т.п. — и сдали. Каратели, получив драгоценности, уехали. Измученную голодом и холодом молодежь отпустили... Зимой отряд власовцев, заменивший карателей, отобрал у евреев всю теплую одежду вплоть до рукавиц".

Временной период существования гетто точно установить не удалось. Тамаркин Вячеслав Львович в своих воспоминаниях рассказывает, что гетто создано в начале марта, но если оно прекратило свое существование 2 апреля, то по протяженности это где-то месяц. "В течение нескольких месяцев люди томились в этой тюрьме" (имеется ввиду гетто. - Г.В.). Рабочий хлебопекарни Семенов А.Е. утверждал подобное корреспонденту газеты Западного фронта "Красноармейская правда" Юнусалиеву в октябре 1943 года. Скажем, ссылок на его старость и удаленность по времени не может быть. Фактически, точная дата образования гетто в Лядах неизвестна. Чванов Л.И.: "Всех евреев из домов выгнали и поместили в здании школы и поставили часовых".

Семенов А.Е.: "Здание школы-десятилетки немцы превратили в гетто-тюрьму для местных евреев. Фашисты мордовали их голодом и холодом, без конца издевались так, что некоторые из узников сами просили их убить. Гетто было окружено местными полициями, которые внимательно следили, чтобы никто из ляднян-белорусов не передал что-нибудь покушать".

Из акта о зверствах немцев в местечке Ляды Дубровенского района Витебской области Белорусской ССР, который составили местные жители Е.Дмитрухина, Н.Ерофеев, А.Горбачева и представители воинской части майор юстиции И.Шапошник, майор А.Битюков: "Когда население было ограблено, гитлеровцы приступили к истреблению ни в чем ни повинных женщин, детей, стариков, Они арестовали все еврейское население, на левую руку каждого прицепили желтый отличительный знак. В гестаповском застенке женщины, дети, старики подверглись пыткам и избиениям. Ежедневно умирало 2-3 человека. Трупы умерших не убирались по 5-6 дней.

Гитлеровцы заставляли евреев ползать по снегу, купаться в ледяной воде, бить друг друга палками по спине”.²³

Тамаркин В.Л. “В марте 1942 года здание школы огородили двумя рядами колючей проволоки, на углах поставив деревянные вышки с пулеметами. По улицам гнали к школе колонны людей. Они несли больных тифом, мертвых. Наполнили помещение школы до такой степени, что заходить было уже некуда, а людей все загоняли и загоняли, вталкивая как в бочку селедку. Автоматчики никого не выпускали. Здание было набито битком. Все стояли, дети плакали”. Остается догадываться, сколько может выдержать человек, находясь постоянно в таком положении, а правда о фашистском садизме поражает своим изуверством.

Тамаркин В.Л.: “Из гетто выпускали колхозников на работу, и за проволоку также выходила группа, хоронившая мертвых. Каждый день увозили по 10-15 и больше трупов. В школе становилось свободнее. Люди могли уже не только сесть, но даже прилечь. Голод, тиф косили людей. Знакомые крестьяне каким-то образом передавали отцу хлеб, вареную картошку, даже молоко”.

Семенов А.Е.: “Евреев пачками увозили в “душегубках”, зверски избивали”. Вспоминает Борисова Лидия Борисовна: “Помню, как наша семья сидела в школе на полу, накрытом собственным одеялом. Было холодно, кругом много народа. Мой папа – русский, приехал из деревни Баево со своим братом и выкупил у полицаев ночью сначала меня, а потом маму и сестру Любу. В школе-гетто осталась еще моя сестра Мила 1942 года рождения, которую также ночью вынес выпущенный с семьей один еврей, кузнец по профессии. Он ковал немецких лошадей, потому и выпустили. Остался он жив или нет, я не знаю. Мы же сначала прятались в одной семье в деревне Пахомово, а затем вернулись в Баево”.²⁴

Казнь Ляднянского гетто.

Из акта комиссии по определению злодеяний учиненных фашистскими извергами за время их хозяйничанья по Дубровенскому району Витебской области Белорусской ССР от 30 марта 1945 года: "В марте 1942 года производились массовые расстрелы в м.Ляды и Россасно Дубровенского района. ... производилась масса единичных актов террора. Расстреливались, морились в заключении голодной смертью, люди разных возрастов и сословий".²⁵

Чванов Л.И.: "2 апреля 1942 года в Ляды прибыла отдельная специальная немецкая команда, которая построила в колонну детей, женщин, стариков, мужчин среднего возраста и под конвоем повела за реку Мерея, где находилась траншея. Евреев заставляли снимать верхнюю одежду, ложили лицом вниз и убивали. Член ВКП(б) Сарра Иоффе перед расстрелом сказала: «Да здравствует Сталин. Победа будет за нами. На нашей могиле будет установлен памятник». Всего было расстреляно более 2 тысяч человек".

Семенов А.Е.: "Никогда не забуду апрельские дни 1942 года. Тишина была взорвана криками и плачем, доносившимся из здания школы. Людей гнали на расстрел по 100-200 человек. Массовые убийства длились целый день. Кровавая расправа продолжалась и на другой день. Немцы и полицаи делали облавы, хватали всех, кто прятался у местных жителей-белорусов, и расстреливали".

Из документа, носящего название "Трагедия Белорусского местечка Ляды" акт о зверствах немецко-фашистских мерзавцев в местечке Ляды Дубровенского района Витебской области Белорусской ССР от 10 октября 1943 года, который составили: капитан Равкин, капитан Бабурин, председатель Дубровенского Районного Совета депутатов трудящихся Стефанович, секретарь Дубровенского райкома КПБ(б) Еленский, местные жители:

Прокопцева, Маринкина, Панулина А. И Панулина Е.: "В "чистый четверг", перед пасхой, немцы учинили чудовищную расправу над своими пленными. Группами по 200 и более человек гитлеровцы выводили их к противотанковому рву, раздевали догола, приказывали ложиться, а затем расстреливали из пулеметов и автоматов. Многих детей бросали в ров живыми и закапывали вместе с расстрелянными. Некоторым детям перед мученической смертью немцы ударом о колено переламывали позвоночники, руки, ноги... Общее руководство расстрелом и сам расстрел осуществлялись отрядом СС, а также отрядом карателей, который возглавлял обервахмистр Генрих Буль. В расстреле принимали участие также гнусные предатели и изменники Родины бургомистр волости Остапенко и начальник полиции Куликовский".²⁶

Семенов А.Е.: "Гитлеровцы глумились над своими жертвами. Они кололи людей штыками, переламывали им кости, живыми закапывали в землю. Не щадили палачи и детей. Мерзавцы выламывали им руки, ноги, живыми бросали на трупы расстрелянных и закапывали".

Из акта о зверствах немцев в местечке Ляды Дубровенского района Витебской области Белорусской ССР, который составили местные жители Е.Дмитрухина, Н.Ерофеевко, А.Горбачева и представители воинской части майор юстиции И.Шапошник, майор А.Битюков: "В последний четверг перед пасхой гитлеровцы стали группами выводить евреев за реку Мерея к противотанковому рву, где была вырыта большая могила. Группам обреченных на смерть людей, по 20-50 человек в каждой, палачи приказывали ложиться на дно рва и открывали по ним огонь из автоматов. Маленьких детей убийцы брали в руки и переламывали им хребты о колени. Еле передвигавшихся девушек садисты насильовали,

отрезали у них груди, распарывали животы, после чего толкали в яму. Многие были погребены заживо. Всего в селе Ляды было замучено около 1200 человек, в том числе много стариков, женщин, детей. Гитлеровцы руками подневольных людей насыпали на эту могилу высокий холм земли". Совершили побег из гетто накануне расстрела Тамаркин Лейба, Тамаркин Вячеслав, Тамаркин Ефим и Фрадкин Шмуэль. Они ушли в лес к партизанам. Смело воевали Тамаркин Лейба и Фрадкин Шмуэль, однако во время одного из боевых действий были схвачены немцами и переправлены в поселок Красный в гестапо. Здесь, после мучительных пыток их убили изуверским способом. Повесили, как убойную скотину горлом на железный крюк. Отчаянным бойцом зарекомендовал себя в рядах партизан Ефим Тамаркин. Во время боевой операции, раненый, попал в руки фашистов. Находясь в застенках гестапо, зубами перегрыз себе вены.

Из узников Леднянского гетто спаслись и дожили до мирных дней только Фрида Великовская, Арон Длы, Илья Фрадкин. Дора Малкина, Вячеслав Тамаркин.

Леднянское гетто испило свою чашу терпения и страдания. Кровь стынет в жилах только от прочтения творимого зверями, обрядившимися людьми. Мученическая жизнь и смерть евреев местечка будут вечным укором и болью.

Россасно

До войны в местечке проживало немало евреев. Война опалила их судьбы, разбросав по свету. Только часть из них осталась дома, в надежде на лучшее. Оккупанты поначалу не переселяли евреев в гетто, и они проживали в своих домах. Покидать пределы местечка запрещалось и,

очевидно, поэтому, полицией была расстреляна женщина по имени Хая, прятавшаяся в деревне Гончарово. Возможно, по этой же причине погибла и шестидесятилетняя Хася. Обоих убили в восьмистах метрах от местечка, на месте, где находился скотомогильник.

Приблизительно за месяц до расстрела, в начале марта 1942 года, евреев собрали в помещение школы, в котором они находились до апреля. Преимущественно, это были дети и старики, женщины. Время, к сожалению, стирает в памяти людей то, что позволило бы более подробно выяснить происходившее. Вместе с тем не вызывает сомнения, что место заточения, в данном случае школа, куда насильно согнали людей, проживавших там определенный отрезок времени, и есть гетто. Тем более что оно охранялось полицией. В данном случае оно использовалось, примерно, как сборный пункт для отправки на расстрел. 2 апреля 1942 года узники маленького гетто местечка Россасно были погружены в сани и отвезены в Ляды, где разделили участь узников гетто этого местечка. Баранова Надежда Фоминична и Дольников Василий Александрович вспомнили лишь имена некоторых из погибших. Архивные данные позволяют точнее и объемнее восстановить эти имена. Правда и здесь список оставляет желать лучшего. Отсутствуют фамилии, отчества многих. Нет ясности полный ли то перечень казненных евреев Россасно или нижеприводимые пятьдесят восемь убиенных лишь те, информация о которых сохранилась.

Список евреев Россасно, погибших 2 апреля 1942 года.

- 1 Белкин Берка 1898 г.р. колхозник
- 2 Белкина Злата 1890 г.р. колхозница
- 3 Белкин Симша 1900 г.р. колхозник
- 4 Белкина Фейка 1908 г.р. колхозница
- 5 Белкина Циля 1934 г.р. учащаяся

- 6 Белкина Цирля 1880 г.р. колхозница
- 7 Белкина Соня 1920 г.р. колхозница
- 8 Белкина Вера 1924 г.р. колхозница
- 9 Белкина Либа 1934 г.р. учащаяся
- 10 Белкина Гая 1936 г.р. учащаяся
- 11 Габай Борис 1900 г.р. колхозник
- 12 Ида 1903 г.р. колхозница
- 13 Лева 1933 г.р. учащийся
- 14 Михаль 1936 г.р. учащийся
- 15 Кисел... Либа 1898 г.р. колхозница
- 16 Мотка 1892 г.р. колхозник
- 17 Бела 1894 г.р. колхозница
- 18 Залман 1918 г.р. колхозник
- 19 Хана 1922 г.р. колхозница
- 20 Мария 1924 г.р. колхозница
- 21 Файба 1926 г.р. учащаяся
- 22 Киселиер Сара Мотковна 1926 г.р. учащаяся
- 23 Ида Мотковна 1930 г.р. учащаяся
- 24 Менделев Арон Бейсекович 1906 г.р. кузнец
- 25 Менделев Либа Моисеевич 1912 г.р. партизан
- 26 Менделев Стеря Аронович 1923 г.р. учащийся
- 27 Менделева Люся Ароновна 1936 г.р. учащаяся
- 28 Менделев Иосиф Лейбович 1880 г.р. колхозник
- 29 Рохина Мот... 1876 г.р. колхозница
- 30 Мойша Иосифович 1918 г.р. колхозник
- 31 Моисей Иосифович 1922 г.р. колхозник
- 32 Циля Мотковна 1875 г.р. колхозница
- 33 Янкель 1888 г.р. колхозник
- 34 Мушка Янкелевна 1900 г.р. колхозница
- 35 Хая Янкелевна 1918 г.р. колхозница
- 36 Гирш Янкелевич 1922 г.р. колхозник
- 37 Берка Янкелевич 1924 г.р. колхозник
- 38 Михаль 1928 г.р. учащаяся

- 39 Эстер 1922 г.р. колхозница
- 40 Хаим 1936 г.р. учащийся
- 41 Хаез 1938 г.р. учащийся
- 42 Мудрыйкомер Гойба 1900 г.р. колхозник
- 43 Берка 1928 г.р. учащийся
- 44 Генеся 1890 г.р. колхозница
- 45 Круня 1930 г.р. учащаяся
- 46 Моганет Владимир 1916 г.р. колхозник
- 47 Хацкель 1920 г.р. колхозник
- 48 Рывкин Борис Яковлевич 1890 г.р. колхозник
- 49 Голда 1891 г.р. колхозница
- 50 Арон Борисович 1930 г.р. учащийся
- 51 Хая Борисовна 1933 г.р. учащаяся
- 52 Меер 1887 г.р. колхозник
- 53 Ольга Мееровна 1916 г.р. колхозница
- 54 Сыркин Меер 1894 г.р. колхозник
- 55 Нехама 1896 г.р. колхозница
- 56 Рива Мееровна 1928 г.р. учащаяся
- 57 Маша Мееровна 1932 г.р. учащаяся
- 58 Файба Меерович 1934 г.р. учащийся. (Зональный государственный архив г. Орша ф.778 оп.3 д.5в л.37).

Гетто в Езерище (Городокский район)

Сейчас в пору обращения к далекому прошлому, отгороженному временной шестидесятилетней стеной от настоящего, остается лишь сокрушаться. Там, в том прошлом, жили своей жизнью местечки, населенные евреями и белорусами. Их удивительный колорит, бывший когда-то приметой времени, уже не повторится. На множество “Почему” есть лишь один ответ – война. Любые сравнения уместны относительно сей тяжелой години в истории государств и народов, несшей разрушения, смерть, горе. Езерище война не обошла стороной. Здесь тоже евреям была уготована горькая участь.

Вспоминает Лахмотко Мария Васильевна, 1924 г.р.: “Сразу же, как только немцы пришли в Езерище летом 1941 года они согнали евреев в гетто. Там вместе с местными были и польские еврей-беженцы...”²⁷

Вспоминает Овсова Ульяна Федоровна, 1912 г.р.: “Нас немцы каждый день гоняли на работу на железную дорогу. Мы в вагоны грузили снаряды. Напротив железнодорожного вокзала через шоссе было два дома. Один кирпичный, другой деревянный. Сюда немцы согнали евреев. Колочей проволокой дома те обнесены не были, но узников охраняли. Мы боялись подходить. Немцы выпускали некоторых евреев из гетто. Старая еврейка Мушка ходила, помню, и просила для всех заключенных еду. Ее не опасались отпускать. Знали, что она не сможет убежать”²⁸

Вспоминает Дмитриева Евдокия Михайловна, 1914 г.р.: “Евреев собрали в два дома напротив железнодорожного вокзала. Там они голодали. Белорусы некоторые тайком им еду передавали. Еврей почему-то верили, что с ними ничего не случится. Немцы им говорили, что как только

большевиков победят, их выпустят”²⁹

Заточив еврейское население в два дома и приставив к ним охрану, гитлеровцы выжидали. Ох, как им хотелось, чтобы евреи умерли голодной смертью. Тюремную жизнь людей они скрашивали сказками о дальнейшей, якобы хорошей жизни, которая по их предположениям венчала бы победу германского оружия. Верилось ли в это евреям? Человек всегда надеется на лучшее. Надежды, надежды. Им не суждено было сбыться.

Лахмотко М.В.: “Евреев расстреляли в феврале 1942 года. Уже в семь утра немцы начали убивать людей”.

Овсова У.Ф.: “В день расстрела евреев некоторые рабочие, и я в том числе, забрались на водокачку, чтобы посмотреть, что будет. Немцы конвоировали евреев к месту расстрела. Один немец ударил женщину по ноге, чтобы она шла быстрее. У нее свалилась обувь. Она так и шла босая на одну ногу. Евреев заставили копать яму. Когда расстрел закончился по рассказу полицая Гуши раненые пытались выбраться из ямы, но немцы даже в них не стреляли. Били по рукам и те падали назад в могилу. Потом их засыпали землей. Из погибших знала заведующую аптекой Бейменсона, Ратовского, врача Марголина, Скоробогатова”.

Дмитриева Е.М.: “Детского врача Фриду Львовну, красивую женщину лет тридцати, убили вместе с ее ребенком. Она просила перед расстрелом не убивать ее, так как только добро людям делала. Да ее никто и слушать не стал. Убили конечно. Супруги Энтины обнялись и так вдвоем упали в яму. Даже смерть не смогла их разлучить. Сын их после войны приезжал в Езерище и поставил памятник. Помню одна еврейка приняла православную веру как только началась война. Мы ее звали “перекрестка”. Да только не спасло это ее. Убили вместе со всеми. Расстреливали евреев в месте, носившем название

“Островки”.

Сошло в могилу маленькое гетто в Езерище. Трудно сейчас точно определить количество погибших людей. Наиболее вероятная цифра – 120. Правда утверждать, что именно столько, а не больше и не меньше ныне не имеет смысла по причине отсутствия возможности это число установить. Увы. Мир их праху.

Холокост в местечке Камень (Лепельский район)

Небольшое местечко до войны брало свое начало с горы Церковка, сбегая к тому месту, где сейчас располагается детский сад. К центральной площади прижимались магазин в два этажа, мельница, маслозаводик, предприятие по выделке шерсти, а на самой площади разворачивался местный базар. Неподалеку от центра местечка евреи могли зайти в синагогу и обратиться к Всевышнему. Мирное время. Оно в дымке радости и покоя осталось в прошлом, уступив место зловеще-мрачной ведьме-войне. Она привела с собою людское горе.

Вспоминает Петрище Мария Болеславовна, 1908 г.р.: “Немцы появились в Камне летом. Евреев не переселяли в гетто, но всех взяли на учет и обязали носить желтые звезды. Объявили также, что евреев со временем повезут куда-то, но куда не сообщили. Предложили заготовить золотые вещи, чтобы взять с собой. Они де там понадобятся”⁸⁰

Вспоминает Ярошевская Татьяна Петровна, 1915 г.р.: “С приходом немцев евреев ограничили в свободе передвижения. Только Камень и больше никуда. Еврейское население проживало в своих домах. Все работали в местном колхозе и работали добросовестно. Им нашили на одежду желтые звезды.”⁸¹

Гетто в Камне не было. Жили в своих домах, работали в колхозе. Правда действия оккупантов урезали права евреев, но в их душах теплилась надежда: “А вдруг?”. Как они обманывались. Садисты ждали своего часа.

Петрище М.Б.: “17 сентября 1941 года евреев согнали в один дом, где находилось предприятие по выработке шерсти. Сначала увезли на машине мужчин. В овраге за

местечком их заставили рыть яму. После того, как работа была выполнена, через яму перебросили доску, как мостик. На нее заходили по одному, затем стреляли и человек падал вниз. Одному из мужчин – Аксенцову Моисею удалось бежать. Два дня отсиживался в болоте. После войны вернулся в Камень и здесь жил. Следом за мужчинами привезли женщин и детей. Еще когда их усаживали в грузовик учительница Дора Михайловна Баселович стала кричать: “Не слушайте немцев, они не работают мужчин повезли, а ямы для нас копать! Нас расстреляют!”. Женщины стали кричать, плакать. Из машины доносилось: “Едем все на смерть”. Отвезли их к яме и там расстреляли. Было много раненых, еще живых людей, но яму засыпали землей и она еще вздымалась несколько дней, словно дышала”.

Вспоминает Зябко Анастасия Кузьминична, 1917 г.р.: “Когда везли женщин с детьми на расстрел Руппа – врач (имени не помнит. - Г.В.) кричала: “Мне – смерть, и вам будет смерть!” После расстрела вещи евреев свезли в магазин на продажу, но жители Камня ничего не купили”².

Вспоминает Кумышева Надежда Кирилловна, 1924 г.р.: “Во время расстрела шесть мужчин оставили, чтобы они закопали убитых. Потом расстреляли и их тоже”³.

Прервалось 177 жизней людей, не желавших умирать, но у фашистов была своя точка зрения на их желания. Установленный на месте гибели евреев Камня памятник имеет свою короткую и грустную историю. Из надписи в середине 70-х изъяли слово “евреев” и шестигранную звезду. Нет. Не подумайте, что это дело рук хулиганов. Просто так захотелось руководству Лепельского района. Причем вместо “Маген Давида” вырубили пятиконечную звезду. Как странно, но как объяснимо.

В фондах Лепельского краеведческого музея нашелся

список 122 евреев, из числа погибших 17 сентября 1941 года. Вчитаемся в него и склоним головы.

- 1 Абезгауз Доба Хаймовна 1879 г.р.
- 2 Абезгауз Мордух Давидович 1882 г.р.
- 3 Аксель Абрам Меерович 1873 г.р.
- 4 Аксель Доба Абрамовна 1921 г.р.
- 5 Аксель Рыся 1856 г.р.
- 6 Аксель Фейга Лейбовна 1875 г.р.
- 7 Аксенцова Брайна Хаймовна 1901 г.р.
- 8 Аксенцова Даша Моставна 1923 г.р.
- 9 Аксенцова Маня Моставна 1927 г.р.
- 10 Аксенцова Сара Менделеевна 1869 г.р.
- 11 Аксенцова Эська Моставна 1918 г.р.
- 12 Аксенцова Яндель Моставна 1931 г.р.
- 13 Басевич Дора Михайловна 1914 г.р.
- 14 Басевич Мендель Ярайбаевич 1885 г.р.
- 15 Басевич Миня Абрамовна 1888 г.р.
- 16 Биньяминсон Биакмен Хаймович 1902 г.р.
- 17 Биньяминсон Борис Биуменович 1936 г.р.
- 18 Биньяминсон Малка Иосильвовна 1880 г.р.
- 19 Биньяминсон Маня Биоменовна 1931 г.р.
- 20 Биньяминсон Роза Менавна 1907 г.р.
- 21 Биньяминсон Рыва Зальтовна 1877 г.р.
- 22 Биньяминсон Янкель 1886 г.р.
- 23 Вашерман Бася 1874 г.р.
- 24 Вашерман Биоман Улнович 1876 г.р.
- 25 Вашерман Брайна Ш. 1921 г.р.
- 26 Вашерман Роза Елизаровна 1902 г.р.
- 27 Вашерман Шая Хаймович 1888 г.р.
- 28 Гуревич Бася Меновна 1879 г.р.
- 29 Гуревич Берк Эльнович 1921 г.р.
- 30 Гуревич Доба Эльновна 1924 г.р.
- 31 Гуревич Зложа Шлемовна 1897 г.р.

- 32 Гуревич Маня Залмовна 1934 г.р.
- 33 Гуревич Самуил Самуилович 1876 г.р.
- 34 Гуревич Тамара Залмовна 1936 г.р.
- 35 Гуревич Хава Берковна 1887 г.р.
- 36 Гуревич Хана Эльновна 1939 г.р.
- 37 Дубман Абрам Хаймович 1874 г.р.
- 38 Дворкин Залман Наумович 1875 г.р.
- 39 Дубман Злата Менделевна 1876 г.р.
- 40 Иофе Белла М 1877 г.р.
- 41 Иофе Давыд Хаймович
- 42 Ирзак Муся Абрамовна 1890 г.р.
- 43 Ирзак Роза Хановна 1935 г
- 44 Ирзак Хон Абрамович 1886 г.р.
- 45 Ирзак Хана Хоновна 1933 г.р.
- 46 Казинец Аби Хаймович 1904 г.р.
- 47 Казинец Роза Абовна 1934 г.р.
- 48 Казинец Хаба Абовна 1931 г.р.
- 49 Кацева Хася Наумовна 1918 г.р.
- 50 Краслов Зуся Менович 1888 г.р.
- 51 Краслова Роза Зусловна 1922 г.р.
- 52 Краслова Рыва Зусловна 1917 г.р.
- 53 Краслова Хана Зусловна 1937 г.р.
- 54 Либерман Беся 1869 г.р.
- 55 Либерман Мендель 1867 г.р.
- 56 Либерман Хана Берковна 1875 г.р.
- 57 Либерман Шамон Хаймович 1873 г.р.
- 58 Лившиц Абрам Ефимович 1929 г.р.
- 59 Лившиц Ефим Беркович 1907 г.р.
- 60 Лившиц Саня Хаймовна 1906 г.р.
- 61 Лившиц Хаим Беркович 1872 г.р.
- 62 Немцов Борис Давыдович 1929 г.р.
- 63 Немцов Давыд Лейзарович 1897 г.р.
- 64 Немцов Зяма Давыдович 1937 г.р.

- 65 Немцова Муся Хаймовна 1902 г.р.
- 66 Немцова Рая Давидовна 1940 г.р.
- 67 Немцова Бела Залмановна 1938 г.р.
- 68 Немцова Маня Залмановна 1936 г.р.
- 69 Немцова Хана Янгельмовна 1916 г.р.
- 70 Нанос Залман Беркович 1894 г.р.
- 71 Нанос Рыва Залмановна 1934 г.р.
- 72 Нанос Фаня Берковна 1896 г.р.
- 73 Плошкина Рыва Хаймовна 1874 г.р.
- 74 Плошкин Шалом Беркович 1867 г.р.
- 75 Ратнер Доба Давыдовна 1888 г.р.
- 76 Ратнер Зяба Лейбовна 1939 г.р.
- 77 Ратнер Израиль Тилькович 1884 г.р.
- 78 Ратнер Ицка Хаймович 1872 г.р.
- 79 Райхельсон Борис Кукович 1869 г.р.
- 80 Руппа Бэлла Михайловна 1902 г.р.
- 81 Раухельсон Хана Куковна 1882 г.р.
- 82 Руппа Доба Симоновна 1903 г.р.
- 83 Руппа Зяма Шаевна 1936 г.р.
- 84 Руппа Тамара 1936 г.р.
- 85 Руппа Тамара Шаевна 1903 г.р.
- 86 Руппа Шая Менделевна 1900 г.р.
- 87 Рыгерман Бася Мендалевна 1872 г.р.
- 88 Рыгерман Мендаль С. 1867 г.р.
- 89 Свердлова Злата Израилевна 1876 г.р.
- 90 Свердлов Ицка Лейбович 1872 г.р.
- 91 Свердлова Хана Куковна 1924 г.р.
- 92 Футорман Роза Берковна 1935 г.р.
- 93 Футорман Тамара Берковна 1920 г.р.
- 94 Цодыкман Пейса М. 1872 г.р.
- 95 Цодыкман Шлема Беркович, 1867 г.р.
- 96 Шапиро Гинда Ицковна, 1905 г.р.
- 97 Шапиро Гирша Ицкович 1915 г.р.

- 98 Шапиро Дора 1930 г.р.
- 99 Шмоткина Геня Абрамовна 1872 г.р.
- 100 Шмоткина Ида Симоновна 1907 г.р.
- 101 Шмоткина Маша Шлемовна 1897 г.р.
- 102 Шмоткин Симон Хаймович 1869 г.р.
- 103 Штейнгард Бася Менделевна 1934 г.р.
- 104 Штейнгард Брайна Менделевна 1928 г.р.
- 105 Штейнгард Дора Хаймовна 1869 г.р.
- 106 Штейнгард Люба Шлемовна 1902 г.р.
- 107 Штейнгард Матля Ицковна 1902 г.р.
- 108 Штейнгард Матля Шлемовна 1897 г.р.
- 109 Штейнгард Мендаль Менделевич 1926 г.р.
- 110 Штейнгард Ривка Менделевна 1937 г.р.
- 111 Штейнгард Хаим-Симон Шлемович 1897 г.р.
- 112 Штейнгард Хана Хаймовна 1902 г.р.
- 113 Штейнгард Ицка Залмович 1866 г.р.
- 114 Штейнгард Шлема Ицкович 1869 г.р.
- 115 Шухман Абрам Израилевич 1876 г.р.
- 116 Шухман Брайна 1880 г.р.
- 117 Эськин Борис Борисович 1934 г.р.
- 118 Эськин Мендаль Евнович 1902 г.р.
- 119 Эськина Глика Хаймовна 1869 г.р.
- 120 Эськина Доба Менделевна 1905 г.р.
- 121 Эськина Рыва Менделевна 1939 г.р.
- 122 Эськина Хася Менделевна 1938 г.р.

Холокост в Крупках

Местечко это в своем полувековом прошлом умиротворялось повседневными заботами мерно текущей предвоенной жизни. Ее дремотное состояние, казалось, не нарушит ничто и никто. То ли мир убаюкивал людей, то ли в плохую будущность не верилось, но вот ворвалась в судьбы всех и каждого война и принялась крушить, не разбирая. Непрошенные гости – оккупанты – взялись перекраивать жизнь на свой лад. Да только покрой тот оказался окровавленной звериной шкурой. Ведь мысли их почернели от злобы и могильным холодом повеяло от их действий. Над евреями завис топор палача, готовый обрушиться на головы уже намеченных жертв.

В этом месте, пожалуй, остановим повествование для установления истины, ибо путаница, как, оказалось, существует и события тех лет требуют логического переосмысления. Ныне здравствующие очевидцы событий утверждают, что гетто в Крупках фашисты не образовывали и никуда евреев не переселяли. Все, не сговариваясь, упоминают один крупный расстрел 18 сентября 1941 года, всколыхнувший местечко. Ими же отмечается, что появившиеся в Крупках гитлеровцы в июле 1941 года без промедления приступили к уничтожению евреев, и случаи расстрелов небольших групп имели место. Выявленные архивные документы опровергают друг друга, сходясь в одном и расходясь в другом.

Обратимся к источникам.

Из протокола допроса свидетелей от 27 декабря 1945 года:

Петух Викентий Иосифович, 1895 г.р. "... В июле 1941 года немецко-фашистскими войсками было оккупировано местечко Крупки. С первых дней оккупации местечка они

создали концлагеря для еврейского населения, а в конце 1941 года все население по национальности евреи в количестве около 1800 человек расстреляно”.³⁴

Дашкевич Нина Александровна, 1927 г.р.: “...: В 1941 году летом и осенью немцы с приходом в местечко Крупки производили аресты, а затем расстрелы еврейского населения – жителей местечка Крупки. Я лично видела, как около кладбища, расположенного в 500 метрах от Крупок, группа немцев расстреляла 100 человек женщин и детей, а всего ими расстреляно большое количество. Сколько именно сказать не могу, но знаю, что такие расстрелы немцами чинились в 2-х километрах от местечка Крупки на торфяном болоте”.³⁵

Корольков Павел Степанович, 1893 г.р.: “В 1941 году примерно в сентябре месяце в местечко Крупки пришел какой-то немецкий карательный отряд, солдаты и офицеры и стали арестовывать все еврейское население. Собрали около 1500 человек стариков, женщин, детей, отвезли от местечка Крупки за 3 километра на торфяное болото, где расстреляли и там же зарыли”.³⁶

Сухачевский Семен Павлович, 1899 г.р.: “Летом и осенью 1941 года в местечке Крупки немцы арестовали все еврейское население, больше 1000 человек, которых расстреляли в 2-х километрах от Крупок на торфяном болоте. В 1943 году немцы этих расстрелянных евреев сожгли”.³⁷

Вспоминает Шалаумова Софья Яковлевна, 1920 г.р.: “16 сентября 1941 года в Крупках забрали мужчин-евреев, а затем потребовали с их семей меха и меховые изделия. Причем пригрозили, что в случае невыполнения требований расстреляют арестованных. Спустя два дня 18 сентября в пятницу фашисты собрали всех евреев для переселения якобы в гетто, и повели всех по улице Советской в сторону

деревни Лебедево, где всех расстреляли на заболоченном берегу речки Стражница. Там был вырыт глубокий ров, через который положили доски, на которые по очереди загоняли жертвы, чтобы после расстрела те сами падали вниз. Я упала в яму, но не была даже ранена. Группе белорусских мужчин фашисты приказали закопать ров. Те работу не закончили, объяснив, что следует отложить ее на утро, так как ров “дышит” – там много живых. Я просила одного из них, своего знакомого Богданова Николая не засыпать меня землей, что он и сделал. Ночью я выбралась из рва. Еще удалось спастись только Марии Шпунт с младшим сыном. Всего расстреляли в тот день 1800 человек”.³⁸

Вспоминает Асташко Наталья Антоновна: “18 сентября 1941 года хорошо помню. Тогда по Советской вели колонну евреев, которых расстреляли у деревни Лебедево. Там расстреляли всех крупских евреев. Этот день запомнился еще и тем, что немцы запретили всем неевреям жителям Крупок выходить из своих домов во время конвоирования евреев к месту гибели”.³⁹

Есть еще один свидетель, но разум отказывается воспринимать и сердце отвергает. Да, очевидец убийца, обagrивший руки свои кровью безвинных жертв. Все же выслушаем его. Ефрейтор Рихард Хайденрайх, 12 рота 354 пехотного полка. Запись в дневнике 5.10.1941.: “В деревне Крупка находится примерно 1000 евреев и они все должны быть сегодня расстреляны. В 7.00 всех евреев: мужчин, женщин и детей собрали в месте осмотра. После того, как был зачитан список, колонна отправилась к ближайшему болоту. Евреям сказали, что они поедут на работу в Германию. Но многие догадались, что им предстоит, когда колонна после пересечения железной дороги продолжила путь к болоту. Произошла паника. Когда

пришли к болоту был отдан приказ всем присесть. Через 50 метров находился глубокий ров, наполненный водой. Первые десять должны были стать около рва и раздеться до пояса. Потом следовало спуститься в ров, а нам стрелять в них, стоя сзади. Лейтенант и фельдфебель были с нами. Раздались 10 выстрелов – 10 евреев упали. Так продолжалось пока мы их не уложили всех до одного. Только немногие сохраняли присутствие духа. Дети цеплялись за своих матерей, женщины за своих мужей. Я эту картину еще долго не смогу забыть”.⁴⁰ Существуют, как оказывается расхождения по дате массового убийства евреев Крупок. Которое же число верное? 18 сентября или 5 октября. Ответа пока нет.

Вместе с тем лишь у свидетеля Петуха В.И. мы находим упоминание о создании концлагерей для еврейского населения, которое можно классифицировать как создание оккупантами гетто. У других очевидцев подобных утверждений нет. Если учесть рассказ живых свидетелей об отсутствии гетто в местечке, то, конечно, следует отвергнуть факт наличия гетто в одном населенном пункте или отнести сей момент в область невыясненного. Не вызывает сомнений осенняя массовая казнь, но и летом очевидно изуверы расстреливали евреев группами.

Сколько таких групп было и общее количество погибших в результате таких акций сейчас уже установить невозможно. Пока известно место лишь одного такого убийства, указанное Дашкевич Н.А., находившееся у кладбища, что в пятистах метрах от Крупок, где полегли в землю около ста человек. Кроме того, называются абсолютно разные цифры погибших. После уточнения число 1800 расстрелянных, пожалуй, более соответствует действительности. Однако летом также убивали евреев. Вероятно количество 2000 убиенных или немногим более вполне допустимо. Да упокоятся их души.

Лепельское гетто

Этот маленький город прижался к озеру, разметавшись по его берегам словно для того, чтобы наслаждаться негой его прохлады в жаркий летний полдень. Упиваясь удивительным и неповторимым ландшафтом окрестных мест, люди жили и старились, пребывая в дремотном спокойствии тихо убегающего времени. Белорусы и евреи были добрыми соседями, извлекая пользу от взаимообогащения двух национальных культур. В Лепеле рядом с базаром находилась взметнувшаяся на два своих деревянных этажа синагога – оплот веры иудейской в городе. Была здесь и семилетняя школа с преподаванием на языке идиш. Как-то все быстро исчезло, убежало, растворилось, когда с диким звериным воем в городок вбежала война. Вспоминает Фейгельман Семен Климентьевич, 1926 г.р.: “Помню 22 июня 1941 года где-то в 11-12 часов дня я с мальчишками шел с реки. Мы были довольны богатым уловом рыбы и удивились, что люди кругом плачут и говорят война. Хорошо запомнились слова из выступления В.М. Молотова: “Враг будет разбит. Победа будет за нами”. Многие этому верили, но думали: “Неужели Красная Армия отступит”. Немало людей покидали город, уезжая на Восток. Что такое война мы ощутили уже на второй-третий день от ее начала. С утра немцы бомбили Лепель. Много жителей города погибло. Я видел разбитые дома, лежавшие трупы и кругом паника. К тем, кто уехал, добавились новые желающие, а те, кто оставался, рыли щели на огородах. Отец работал на железной дороге и мы с семьей могли эвакуироваться. Однако он верил, что немцы не смогут продвинуться так быстро вглубь страны через оборону советских войск. Наша семья поэтому отправилась к знакомым сначала в деревню Казинщина, а затем в

деревню Черноручье. Тем временем в конце июня 1941 года фашисты заняли Лепель и мы были вынуждены вернуться в город”.⁴¹

Те из горожан, кто решил покинуть город, поступил верно уже потому, что спасся сам и сохранил жизнь своим близким. Кто-то сомневался, но верил в победу Красной Армии и надеялся на судьбу, которая сохранит и сбережет. Не сберегла. Пришедшие непрошеные гости, да еще со звериными повадками, даже не пытались либеральничать. Фейгельман С.К.: “Помню, к нам зашли два солдата с оружием и потребовали кур, яиц и масла. После того, как отец сказал, что этого у нас нет, те тут же хотели его убить. Мы дети – стали плакать и умолять и мама где-то нашла немного масла. Беда тогда обошла наш дом, но такие издевательства продолжались. Зашевелились предатели. Бывший учитель физкультуры Неделько стал бургомистром города. По малейшему подозрению в принадлежности к компартии людей арестовывали и расстреливали. Так, по доносу была схвачена семья Бейлиных, которых вскорости и расстреляли. Даже детей. Часто на базарной площади вешали людей, избивали. В первых числах июля собрали всех евреев в центре города и под страхом расстрела заставили на своих домах нарисовать крупные желтые звезды. Обязали носить зеленую повязку на левой руке с надписью “Юдэ”. После потребовали нашить спереди и сзади одежды желтые шестиконечные звезды, ходить только по проезжей части, но не по тротуару, ежедневно выполнять работу, какую укажут. За неповиновение – смерть”.

Очевидно, как и повсюду, оккупанты в Лепеле провели регистрацию еврейского населения уже в первые дни своего пребывания в городе.

Получив представление о количестве евреев и местах

их проживания, садисты приступили к реализации своих планов. Евреи жили в разных частях города, что усложняло контроль и реализацию идей нацистов. Следующий шаг следовал за предыдущим. Переселение в один район евреев и создание там гетто позволяло оккупантам беспрепятственно продолжать начатое.

Вспоминает Титарович Раиса Ивановна: “Мама моя – Роза Соломоновна Фишкина рассказывала, что уже в конце июля 1941 года в Лепеле было создано гетто”⁴²

Вспоминает Буйницкая Мария Марковна, 1923 г.р.: “Евреев со всего города переселяли в гетто, находившееся в районе улиц Володарского, Вокзальной и Пионерской. Всех принудили носить желтые нашивки на одежде. Испытывая постоянный голод от отсутствия еды, евреи обменивали вещи на продукты питания. Тяжелая жизнь, одним словом. Как-то, зайдя в свой сарай, обнаружила семью Гитлиных, спрятавшуюся там. Они, конечно, обратились с просьбой переправить их через озеро лодкой в деревню Старый Лепель. Той же ночью я их и перевезла. Да только все зря. Как эту семью потом схватили немцы, не знаю, но они расстреляли их, обретших, казалось жизнь”⁴³

Из акта Витебской областной комиссии содействия в работе ЧГК по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 26 сентября 1944 года: “... Было собрано в городе Лепель более 1000 человек евреев и насильно поселено в так называемое “гетто”, которое проходило по улицам Вокзальной, Ленинской, Канальной”⁴⁴

Из воспоминаний Фишкиной Розы Соломоновны: “Всех евреев выгоняли из собственных домов. На это было дано 2 часа времени. Гетто появилось в квартале города между улицами Ленинская, Володарского и Банный переулок. Дома в гетто стояли без окон, дверей, пола. Многие были

полуразрушены. В один дом загоняли по несколько семей, что составляло 30-40 человек. Площади пола не хватало для того, чтобы всем на нем лечь спать. Свет зажигать в домах не разрешалось. Нельзя было брать воду из колодца или ходить за ней к реке. Воду приказали получать из снега, растапливая его. Без дела выходить на улицу запрещалось и смотреть в окна тоже. Каждый день строем водили на работу. Ходили и пели одну единственную песню, состоявшую из двух слов "юдэ капут". Голодные, полураздетые в 25 градусный мороз с этой, с позволения сказать, песней шли работать. Работу выполняли следующую: пилили дрова, чистили туалеты руками без всяких лопат и вил, возили на себе, впрягаясь по 3-4 человека в повозку, всякий груз, а немец или полицаи подгоняли, будто кучер, ударами прикладов винтовки, плеткой или палкой, очищали улицы и дороги от снега. Во время выполнения той или иной работы немец или предатель били каждого палкой по чем попало. Придя домой с работы, ожидаешь фашистов в дом, которые вечером или ночью с криком врываются в квартиру, избивали, насиловали женщин, забирали все, приговаривая: отдавайте "юдэ" все, что есть у вас, так как вам не понадобится и днями вас расстреляем. Завидев хорошее пальто или костюм, тут же снимали. Каждый день комендант, бургомистр Неделько, начальник полиции Вайтехович требовали дорогие вещи как выкуп за жизнь евреев и предлагали еврейскому комитету их собрать с евреев, добавляя, что иначе всех расстреляем. Когда уже собирать стало нечего, фашисты ходили по хатам, избивали и требовали дорогие вещи и золото, а не получив их, убивали людей на месте. Так был расстрелян Кац, который не дал фашистам золота и не потому, что не хотел. Просто драгоценностей у него не было. Несмотря на то, что его

дети целовали руки и ноги этим варварам, плакали и умоляли его пощадить, те, после трехчасового издевательства, убили Каца. Была убита также женщина, жившая в этом же доме. Немцы и предатели стреляли в окна домов гетто, отчего среди евреев появлялись убитые и раненные. Местным жителям запрещалось заходить в гетто, а также говорить с евреями. За этим строго следили предатели Сорокин, Войтехович, Мирголовский, Игнарович и др.⁴⁵

Фейгельман С.К.: "В конце июля 1941 года немцы приказали всем евреям покинуть свои дома и поселиться в гетто, причем в кратчайшие сроки.

Гетто размещалось по ул. Вокзальной, Володарского, Канальной и в сторону озера. Условия пребывания здесь, как и во всех фашистских лагерях, были ужасными. В одном доме размещали по 4-6 семей. ЕСТЬ не давали. Никакой медицинской помощи. Люди ежедневно умирали от голода. Всех заедали вши и от них не было никакого спасения.

Лучшая еда для узника – картофельные очистки, перемолотые на машинке, и спеченные из них лепешки.

Фашисты изнуряли людей тяжелой работой до изнеможения. К тому же постоянно вымогали под страхом массового расстрела ценные вещи. Особой статьей были систематические проверки присутствия евреев в гетто. Объявлялось, что не только семья, но и все жившие в том же доме, будут немедленно расстреляны в случае отсутствия хотя бы одного. Вспоминаю, как во время одной из проверок к нам в дом зашел эсэсовец. Следовало вставать и снимать головные уборы. Я от постоянного недоедания чувствовал себя очень плохо и не смог встать. Он приказал мне идти с ним. Все заплакали и стали просить, но это на него не подействовало. Он вывел меня из дома и зашагал, не

отпуская, к выходу из гетто. Миновав несколько домов, эсэсовец остановился и стал избивать меня резиновой дубинкой, а когда я потерял сознание – ушел. Потом родители привели меня в дом, где я очнулся. С этого дня я все думал, как бы убежать из гетто”.

Лепельское гетто, родившееся от вероломной нацистской мамки, вобрало в себя всю боль, горе и страдание людское. Фашисты и коллаборационисты просто из кожи вон лезли, показывая свое усердие и звериное естество. Мыслимое и неммыслимое осуществлялось в этой мерзкой программе подавления человеческой сущности. Нет нужды комментировать ужасающую картину жизни людей в гетто. Коснемся лишь невыясненного. Существование юденрата подтверждается показаниями очевидцев. Из функций этой структуры прояснилась лишь одна – вынужденное вытрясание из евреев драгоценностей в угоду зарвавшимся разбойникам. Фамилии руководителей юденрата, их деятельность и положение не установлены.

Титарович Р.И.: “Мой отец по национальности белорус, и поэтому он не стал узником гетто. Примерно за неделю до расстрела папа уговорил моего дедушку Соломона Абрамовича, что надо спасать меня и маму. Уговаривать пришлось потому, что в случае обнаружения побега, расстреливались все оставшиеся родственники скрывшихся. Получив согласие, мы с мамой ночью тайком вышли из гетто”.

Палачи жаждали апогея. Им не терпелось обогреть руки человеческой кровью.

Буйницкая М.М.: “Хорошо запомнила 28 февраля 1942 года. В тот день немцы грузили евреев на грузовики и вывозили к деревне Черноручье. Вывоз сопровождался выстрелами и жуткими криками жертв”.

Фишкина Р.С.: “28 февраля 1942 года морозным утром, в мертвой тишине по улицам принялась снова жандармерия с собаками, расставляя посты из немецких солдат и изменников. Население города, проснувшись, боялось выходить из домов, видя расхаживающих по улицам вооруженных немецких солдат, офицеров и местных полицаев. В 8.00 на Володарской появились машины с фашистами, у которых на рукавах были вышиты буквы “СС”. Машины остановились. Первая притормозила у углового дома по улице Володарского, 104, Вокзальная. В квартиры вскакивали предатели и, работая ногами и прикладами, выбрасывали всех из домов. На улице эсэсовцы подхватывали людей, усаживая в машины. Поднялся шум, плач детей и женщин. Раздался выстрел, а за ним очереди из пулеметов и автоматов. Все стали разбегаться, осознав, что это – последний миг жизни на родной земле, в родном городе. Убегавших, жандармерия и полиция расстреливали на месте и трупы бросали в машины. Так началась кровавая расправа с еврейским населением (гитлеровский террор). Погруженных в машины людей охраняли 10 вооруженных народников и полицейских. Машины двигались по улицам Володарского, Ленинской, М.Горького на юго-западную окраину города. В период движения машин слышны были крики “бандиты, палачи, фашисты”, “за нашу кровь вам отомстят бойцы Красной Армии”. В семи километрах от Лепеля у деревни Черноручье были подготовлены небольшие ямы, заранее выкопанные фашистами. Около этих ям стояли эсэсовцы. Они раздевали всех привезенных (живых) до гола, бросали в яму, расстреливая из пулеметов и автоматов. Маленьких детей резали ножами, ломали о колено и бросали в ту же яму. Мои родные: дочь, мать, отец, братья и сестры погибли. После, уйдя к партизанам, находилась в бригаде “Чекист”, била фашистов. Участвовала в 12 боях”.

Фейгельман С.К.: “28 февраля 1942 года гетто оцепили плотным кольцом эсэсовцы и полицаи. Они начали хватать людей, сажать их на машины, вывозили в урочище вблизи деревни Черноручье и там безжалостно расстреливали, предварительно раздев жертвы. Как только все это началось, я выбежал полуголый из дома. Отец мне крикнул: “Убегай!”. Конечно, я побежал. Бежали, я видел, еще человек пять. Каратели стали стрелять. Тех, кто убегал, убили. Я же, то ли от испуга, то ли инстинктивно упал. Лежал и старался не шевелиться. Каратели посчитали видно меня мертвым и прошли в сторону озера, где появилась еще группа беглецов. Осмотревшись и увидев, что не ранен, я пополз в сторону реки вниз и побежал по берегу. Забежав к знакомым Лазуро стал просить во что-нибудь обуться. Хозяйская дочь Аня дала мне две тряпочки, предупредив, что немецкий патруль уже проходил и нужно уходить за реку. Перебежав через замерзшую реку, стал пробираться к окраине города. Здесь я знал еще одну семью. Они мне дали носки, но ноги я успел поморозить. Отсюда путь лежал к деревне Матюшино. У шоссе Лепель-Полоцк, по которому двигались немцы, пришлось лежать в снегу, дожидаясь, пока оно не опустеет. Добравшись в Матюшино, пришел в дом нашего знакомого по имени Александр (фамилии не помнит. - Г.В.). Здесь мне натерли обмороженные ноги гусиным жиром, хорошо накормили и напутствовали двигаться к линии фронта. Начались мои скитания. Люди, конечно, меня кормили, но ночевать приходилось в хлевах, стогах и банях и то, если никто не заметил. Уйти за линию фронта не удалось. Повернул назад. Где-то у деревни Лучайка встретился с коммунистом-подпольщиком Хромым Василием, который связался со своим другом Гриц Никитой Васильевичем, жившим на хуторе близ деревни Угляне. Семье Гриц я обязан жизнью,

так как находился у них до дня освобождения”.

Вспоминает Дехтярь Семен Моисеевич: “Мои сестры Софья и Хава прятались в деревне Двор Лутище у знакомых. Однако местный житель Помалейко выдал девушек. Оказавшись в гестапо, они подверглись пыткам. Словом, прошли все круги ада. Затем вместе со всеми их расстреляли в деревне Черноручье. Там же погибли мои родственники: семья Дехтярь (Буня, Двося, дочери Роза и Муся, семья Гуткиных (Лазарь, Маня, два сына), а также семьи моих одноклассников Дыкман и Цейгельман”.⁴⁶

Из акта Витебской областной комиссии содействия в работе ЧГК от 26 сентября 1944 года: ... Утром 28 февраля 1942 года квартал “гетто” был оцеплен усиленными нарядами. В сильный мороз евреев выгоняли раздетыми из домов и грузили в поданные машины и везли в деревню Черноручье, где были приготовлены силосные ямы”.

Из акта о совершенных злодеяниях немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками по гор. Лепель и Лепельскому району: “... вна еврейском кладбище гор. Лепель по Витебскому шоссе расстреляно около 1000 человек. Здесь убивали пленных партизан, городских жителей и жителей района. Среди убитых обнаружены дети. ... д\около дер. Черноручье в лесу в феврале 1942 г. расстреляно около 1000 человек еврейского населения, причем женщин и детей бросали живыми в ямы. В ямах для силосования кормов, зарыто свыше 500 человек. Таким образом, около дер. Черноручье расстреляно 1500 человек советских граждан”.⁴⁷

Приведенный последний документ озадачивает внимательно прочитавшего его. Факт гибели евреев у деревни Черноручье подтверждался и из других источников. Расстрелы на еврейском кладбище указывает лишь этот документ. Не подлежит сомнению, что на

еврейском кладбище фашисты, бывшие педантами, не стали бы убивать белорусов, тем более что обнаружены другие места захоронений. Партизанами были и евреи, как известно. Когда убивали людей, по какой причине, из каких населенных пунктов, не установлено. Указывается разве что только Лепель. Если суммировать эти цифры, получается 2500 погибших евреев. Так ли или нет? Вопрос остается пока без ответа. Несть числа павшим.

Холокост в Мяделе

Озерный край, рожденный самой природой для отдыха человека, для любования красотами местного ландшафта, ассоциируется с созиданием, но никак не с разрушением. Разве могут наполнить Вас скорбно-мрачные мысли, когда Вы пристально взгляните в эти умиротворяющие водоемы, плёскающиеся о берега, покрытые зеленью разнотравья и тянущимися к солнцу деревьями. Увы. Как ни противится наше сознание горькой драме, происходившей полвека назад, но от правды не уйдешь. Она пробивается в разум и душу, требуя не забвения, а памяти. Да, в этот чудесный уголок земли пробралась война и она ясно дала понять не ждавшим ее, что есть зло и что трагедия.

Оккупанты, оказавшиеся в местечке, не откладывая в долгий ящик, стали выплескивать на людей свою ненависть, возвращенную в их зверином естестве.

Евреям вменялось в обязанность: ношение желтых звезд, соблюдение комендантского часа, проживание только в своих домах, выполнение трудовой повинности.

Вспоминает Гордон Моисей Гершинович, 1929 г.р.: “Немцы принуждали мужчин выполнять работы по своему усмотрению. Так, 22 человека они возили на ремонт дороги у деревни Некасецк. В состав этой рабочей группы входил и мой отец Гершин Менделевич. 3 августа 1941 года, приведя евреев и трудившихся вместе с ними поляков из Познани, фашисты приступили к разделению людей на две группы. Рабочих из Познани отдельно поставили. Отец, аподозривший неладное, укрылся в толпе поляков. Евреев остроили и повели через мост на окраину местечка. Там, недалеко от моста, и расстреляли 21 еврея. Сейчас там есть мемориальный знак. После этого к нам в дом пришли глицаи, забрали лучшие вещи и все требовали золото.

Конечно они искали отца, который к тому времени скрывался”.⁴⁸

Из акта комиссии по установлению и рассмотрению злодеяний совершенных немецко-фашистскими

Пер. Советский, бывшая Еврейская улица, где в годы войны находилось гетто. Г.п. Мядель (начало улицы).

захватчиками и их сообщниками в период оккупации Мядельского района Молодечненской области от 6 апреля 1945 года: “В начале сентября 1941 года немцами под руководством лейтенанта – говорит житель м.Мядель Кац И.О. было арестовано 6 человек евреев, которых загнали на пепелище только что сгоревшего дома Кочерга Иосифа и заставили их переносить еще горящие огарки с места на место, затем к ним пустили служебных собак, которые искусили всех их до потери сознания. Это продолжалось течение 5 часов. Вскоре пригнали дополнительно 1 человек еврейского населения из м.Мядель среди них 1 преклонных возрастов, построили по 2 и угнали в кустарник

урочища “Мхи”. что 1,5 км от м.Мядель заставили выкопать яму, а потом расстреляли”.⁴⁹

У изуверов в наборе хватало мерзких развлечений, от которых они получали удовольствие. Вспоминает Шукело Эдуард Антонович, 1927 г.р.: “Каждый вечер немцы гоняли евреев на площадь, где стояли скульптуры Ленина и Сталина со свинченными головами. В одну заставляли забираться раввина, а во вторую – его зятя. Остальные должны были подходить к памятникам и целовать их спереди и сзади.

Братская могила евреев, расстрелянных в Мяделе в 1942 г. Открытие в 1994 г. мемориала.

Еще евреев, как стариков, так и детей, принуждали залезать в озеро Мястро. Гнали их туда нагайками, а потом требовали стоять в озере по горло в воде”.⁵⁰

Еще один факт садизма цивилизованных извергов, произошедший в 1941 году. Вспоминает Колосовская Ядвига Антоновна, 1914 г.р.: “Помню страшный случай,

когда немцы заставили евреев привести своего раввина (Кошевского Абрама-Шмуэля, 1887 г.р. Г.В.). Они думали, что раввин поговорит с немцами и все. Немцы не долго с ним говорили, а сразу же натравили на него собак. Они разорвали его на глазах потрясенных людей. Потом заставили уложить окровавленное тело на лестницу, вынести на окраину Мяделя и там закопать”.⁵¹

В декабре 1941 года гитлеровцы расстреляли семью Дименштейн: отца Симона Абрамовича 1885 г.р., мать Эстер-Лею Израилевну 1890 г.р., дочь Хаю-Двойру. Причину выделения этой семьи из числа евреев установить не удалось. Безумная жестокость побуждала палачей к действию.

Колосовская Я.А.: “В ноябре 1941 года весь Мядель был огорожен колючей проволокой”.

Превратив местечко в подобие концентрационного лагеря, оккупанты откладывали создание гетто. Возможно причиной было пребывание в Мяделе небольшого количества евреев – приблизительно 150-180 человек.

21 сентября 1942 года евреев собрали на рыночной площади и разделили на две группы. Семьи ремесленников, а именно: портных, сапожников, столяров, конюхов в количестве около пятидесяти направили в огороженный район – гетто, в нынешнем Советском переулке. Оставшихся шестьдесят девять человек повели под конвоем к их последнему пристанищу. На берегу озера Баторин их расстреляли в яме, закопав затем землей.

Из акта от 6 апреля 1945 года: “В середине сентября месяца 1942 года жандармерией под руководством начальника последней немца Краузе были организованы массовые аресты еврейского населения. Всего арестовали около 100 человек, из них 69 человек загнали в сарай, где их охраняла вооруженная стража. Остальных заставили

выкопать яму в лесу урочища “Бор”, после чего всех 69 человек-евреев связанных между собой веревками угнали к яме и расстреляли”.

Вспоминает Климович Елена Казимировна, 1913 г.р.: “Видела, как евреев вели стрелять и как они голосили и кричали, прощаясь с нами. Помню еврейку, вышедшая замуж за белоруса Савича, жила в его доме. Кто-то донес. Ее избили, а потом повели на кладбище и там убили”.⁵²

Колосовская Я.А.: “В конце сентября 1941 года (21 сентября. Г.В.) я помню, рано встала и слышу крики, лай собак, плач. Вижу, что много людей сгоняют на площадь и потом куда-то ведут. Через час примерно услышала выстрелы. Рассказывали потом, что молодых евреев заставили выкопать яму. Потом толкали туда и расстреливали. Земля шевелилась после два дня. Я прятала у себя на току семью соседа Янкеля. Очень страшно было. Дом почти что в центре местечка и немцы часто мимо ходили. Натерпелась. Спустя некоторое время семья соседней ушла тайком в лес. Не могу забыть, как вели расстреливать еврейку. Ривка ее звали. Молодая была. Шла вся избитая, со спутанными волосами и кричала: “Отпустите меня, ведь душа у меня такая же, как и у вас!”. Не отпустили”.

Климович Е.К.: “Две недели я у себя прятала еврейку. Звали ее Лиза Ходос. Она до войны была аптекаршей. Где-то даже лекарства припрятала. Сын мой простудился и у него было воспаление легких. Так она по ночам ходила за лекарствами и лечила его. Потом она ушла в лес”.

Гордон М.Г.: “20 сентября 1942 года наша семья направилась в Ушачский район. Возле деревни Камено Вилейского района погибли мать Хьена и брат Акива, павшие от немецких пуль. Отец Гершин добрался к Ушачам и вступил в партизанскую бригаду им. Чапаева, отряд

Рожнова. Он погиб во время блокады в 1944 году. Я воевал в 1 антифашистской бригаде, базировавшейся также в Ушачском районе”.

Палачи нуждались в ремесленниках-евреях и потому сохранили им жизнь, заточив в гетто. Удивителен факт спасения от смерти 21 сентября 1942 года Рахиль и Ари Гескиных. Рахиль вязала свитер жандарму и во время расстрела тот спросил о его готовности. Услышав, что вещь требует доработки, фашист отправил Рахиль в гетто, чтобы довязала. Она выпросила у палача разрешение взять с собой брата.

Колосовская Я.А.: “Гетто огородили проволокой и там все время дежурили полицаи. Выходить из гетто не разрешалось, как и входить туда. Помню, евреи носили на спине большие желтые звезды. Немцы постоянно с них требовали драгоценности. Местное население приносило еду к проволоке для евреев”.

Маленькое гетто в Советском переулке существовало с 21 сентября 1942 года. Находилось в нем, как мы выяснили, приблизительно пятьдесят человек. Цифра, прямо скажем, может меняться и с определенной точностью не установлена. Доподлинно известно, что восемнадцать заключенных были евреи из Ошмян. Люди эти были еще живы, но до какого времени? Сколько им отмеряли фашисты? Судьба их повторила бы в точности судьбы множества евреев, если бы не случай. В партизанском отряде “Мститель”, входившем в состав бригады Воронянского В.Т., находился еврей по фамилии Сагальчик. Он уже знал, что полегли в землю евреи Кривич, Будслава и Мяделя, а ожидать полного уничтожения евреев последнего, находившихся в гетто, можно в самое ближайшее время. Мысль об их спасении привела его к руководству отряда, которому он и изложил

свои опасения. После некоторого обсуждения решение было принято. Вот что рассказал в газете “Нарочанская заря” от 27 марта 1991 года бывший начальник особого отдела партизанского отряда “Мститель” Белов Александр Потапович: “... в ночь с первого на второе ноября 1942 года четыре роты отряда штурмовали гарнизон в Мяделе. Бой был коротким. В его разгар немцам пришлось подкрепление. Партизаны, освободив из гетто граждан еврейской национальности, начали отходить. Чтобы скрыть это от врага, мы подожгли случайно найденные бочки со скипидаром. Дымом закрыло все вокруг. Мы благополучно отступили”. Событие это само по себе уникальное, ибо другое такое же назвать автор затрудняется. Низкий поклон партизанам отряда “Мститель” за спасенные жизни узников.

Число загубленных фашистами жизней в Мяделе едва ли можно точно определить. В книге “Память” Мядельский район, выпущенной в 1998 году, приводятся списки 155 погибших евреев. Столько их было или несколько более того сложили свои головы в ту войну? Вопрос без ответа.

ОРШАНСКОЕ ГЕТТО

Тишину небольшого белорусского городка взорвала нагрянувшая война, принеся тяжелые испытания его жителям. Еврейское население не осознавало реальную опасность, медленно вползавшую в город вместе с немецкой оккупацией. Многие пребывали в неведении, надеясь, что, оставшись дома, они смогут избежать смерти. Практически единственным путем спасения тогда была эвакуация.

Вспоминает Левин Борис Михайлович: “В ночь на 25 июня 1941 года немцы бомбили Оршу. В этом кошмаре погиб отец и ранило брата. Назавтра вместе с матерью и братом Левой мы пошли на станцию Осиновку. Там в товарные вагоны грузились люди из Орши, Ореховска. Эшелон, переполненный беженцами, вскоре отправился вглубь страны. Наша семья, в конце концов, оказалась в городе Ардатов Мордовской АССР”³

Вспоминают Хенкин Самуил Айзикович и Винница Татьяна Айзиковна: “Папа Айзик Борисович настоял на уходе из города. 24 июня 1941 года наша семья направилась в сторону местечка Дубровно. Вместе с нами уходило из Орши около 400 евреев. Как только мы перешли мост через реку Днепр (в районе улицы Могилевской), город стала бомбить немецкая авиация. Все дошли до деревни Крапивно, где нас разместил на ночлег председатель колхоза. Здесь же нас покормили и вообще хорошо отнеслись. Утром мы отправились в деревню Осиновку, где под погрузку стоял эшелон. Начальником эшелона бывший здесь работник горкома партии назначил нашего папу. Более восьми вагонов были набиты битком. В Смоленск прибыли и увидели, что и здесь немцы бомбили. На станции лежало много убитых. Наш папа Хенкин А.Б.

обратился за помощью к комиссару одного из военных эшелонов. Комиссар помог с питанием, и после окончания бомбежки эшелон отправился в город Орел. По пути военные оказывали нам помощь”⁴

Вспоминает Левин Ефим Петрович: “Наша семья жила до войны на улице Советской. Хорошо помню налет немецкой авиации в ночь с 24 на 25 июня, когда на центр города сыпались бомбы, разрушая и сжигая Оршу. Поутру отец запряг нашу лошадь, усадил семью на повозку, и мы отправились в местечко Дубровно. Несколько дней жили у дяди, а потом пошли на Смоленск пешком. Лошадь пришлось оставить. Мой старший брат работал шофером и как раз в это время вывозил руководство своего учреждения (какого, точно не помнит. Г.В.). Увидев свою семью на дороге, он, конечно, не бросил нас, а довез со всеми до Смоленска. Здесь мы сели в эшелон, который после отправки попал под бомбежку под городом Рославль. Затем никаких уже неприятностей не было, и эшелон благополучно добрался в Тамбовскую область”⁵

Между тем, не ко всем евреям судьба была благосклонна. Эвакуировалась лишь часть из них. Многие остались в Орше. Из свидетельских показаний на судебном процессе “По делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР” Скакуна Андрея Степановича: “В момент занятия города немцами все уже представляло собой груды развалин. Разрушения произошли в результате бомбардировки с воздуха, а также в результате последующих боев. Таким образом наш город был уничтожен на 85%”⁶ Свидетельские показания на процессе “По делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР” Гладкова Ивана Степановича: “С занятием немецкими войсками города Орши немцами сейчас же была произведена

регистрация оставшегося населения. При регистрации узнавали профессию, год рождения, национальность. Тогда же, когда шла регистрация, было отделено еврейское население, Еврейскому населению было приказано местной комендатурой, в частности зам. коменданта Айком, носить на рукаве черную повязку с желтой шестигранной звездой”.⁵⁷ Данилов Иосиф Флорианович в разговоре с автором упомянул, что хорошо помнит нашитые на пиджаках сзади желтые звезды, что свидетельствует не только о ношении повязок. Это же утверждает Куроедова Ольга Филипповна, хорошо помнящая о желтых нашивках на одежде евреев.

Гладков И.С. на том же процессе свидетельствует, что “был введен целый ряд ограничений для еврейского населения. Для русского населения было разрешено ходить по городу до семи часов вечера, а для евреев – до шести часов. Были введены ограничения по продаже продуктов питания. Продуктов вообще было недостаточно, и если на рынке появлялись продукты питания, то организовывались, по распоряжению коменданта, две очереди: для русского населения и для еврейского. Еврейскому населению выделялись продукты только в том случае, если они оставались после раскупки русским населением. После общей регистрации населения было организовано рабочее бюро, где провели вторую регистрацию населения по специальностям и по трудоспособности. Еврейское население посылали на более тяжелые работы: по очистке города от завалов и на земляные работы”.

Из показаний Пауля Айка на судебном процессе в 1946 году:

“Прокурор: Почему именно был проведен учет только еврейского населения?”

Айк: Учет еврейского населения был проведен до моего

прибытия в Оршу. Я принял эти списки только для того, чтобы знать, где живут евреи”.⁵⁸

Вспоминает Старостенко Эдуард Ефимович: “Мои родители к началу войны были в разводе, но именно война их сплотила. Отец Горфинкель Ефим Давидович часто бывал у нас. Как-то в августе 1941 года немецкий офицер пришел и забрал отца, а вместе с ним, как потом мы узнали было арестовано еще около сорока мужчин-евреев. Их держали в деревне Липки в скотном сарае. Мама пыталась узнать дальнейшую судьбу отца, но безуспешно. Однажды к нам в дом пришли две женщины-еврейки, у которых также схватили супругов и сказали, что нашли в лесу у деревни Понизовье яму с расстрелянными. Они, как оказалось, знали отца и принесли его вещи: кошелек, перочинный нож и кусок рубашки.

Где-то летом в августе 1941 года мимо нашего дома проводили небольшую группу еврейских мужчин. Они, зная мою тетю Ольгу Александровну, с ней попрощались. Их расстреляли в карьере рядом с улицей Советской (рядом со зданием современной ДЮСШ № 1. Г.В.)”.⁵⁹

Появившиеся в Орше оккупанты насаждали свой “новый порядок” через унижение, ограничение прав и наконец смерть. От всего, что они могли предложить евреям отдавало смертельным холодом могилы. Садисты уже потирали руку в преддверии страшной трагедии, уготованной еврейскому населению. Осталось лишь собрать их в одном месте для продолжения неотвратимого. Гетто – это слово слишком полюбилось гитлеровцам, когда они примеряли его как одежду на евреев, загоняя их в искусственно созданные районы.

Вспоминает Скакун А.С.: “Мне, работавшему в районной управе, известно о том, что Айк с начальником

района, гетто отвел по улице Энгельса, куда по его приказу, как коменданта, в течение трех дней было собрано еврейское население города. Они должны были покинуть свои места и со всем движимым имуществом прибыть в гетто. Все, не успевшие переселиться в гетто, как говорилось в приказе, будут наказаны по законам военного времени. Не успевшие переселиться вовремя принудительным образом через гестапо были доставлены в гетто. Гетто было обнесено колючей проволокой, и вокруг был установлен караул. Из гетто было запрещено выходить”.

Из воспоминаний Касперского Адольфа Феликсовича: “Под гетто была занята улица Энгельса от улицы Народной до польского кладбища, включая и завод Славинского (“Красный Борец”)”⁶⁰

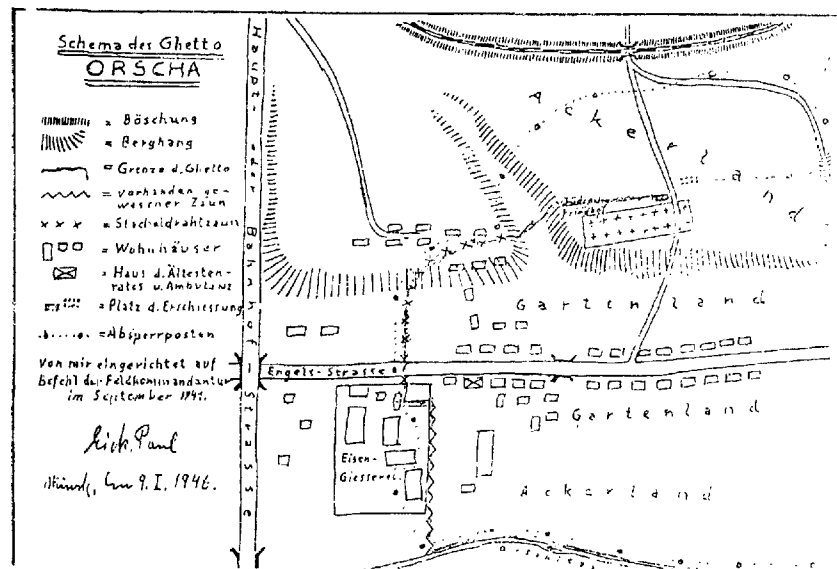

Схема гетто г. Орши, выполненная Паулем Айком на судебном процессе в 1946 г. в Минске.

Вспоминает Гульцова Евгения Константиновна: “До войны на улице Энгельса жили в основном одни евреи. Мои родители купили здесь дом. В сентябре 1941 года, когда начали создавать гетто, к нам пришли полицаи и немцы и приказали переселяться на улицу Толстого, где жила семья Браининых. К гетто не подпускали. Оно было оцеплено колючей проволокой и охранялось”⁶¹

Из показаний зам. коменданта города Орши Айка во время судебного процесса в 1946 году: “Прокурор: У вас было совещание по вопросу организации гетто? Кто присутствовал, когда решался вопрос о создании гетто?”

Айк: Только начальник полевой комендатуры и я.

Прокурор: Назовите фамилию этого начальника.

Айк: Полковник барон фон Ашеберг.

Прокурор: Какое решение было принято на этом совещании?

Айк: Я получил приказ организовать гетто. Нужно было найти подходящую местность, чтобы легче было наблюдать за гетто и чтобы можно было огородить колючей проволокой.

Прокурор: Когда вы приступили к организации гетто?

Айк: В сентябре 1941 года.

Прокурор: С какой целью вы создали гетто для еврейского населения?

Айк: Получил приказ.

Прокурор: С какой целью оно было создано?

Айк: Для того, чтобы еврейское население отделить от русского.

Прокурор: Созданием гетто, вы говорите, преследовалась единственная цель – изолировать еврейское население от русского?

Айк: Да. Тогда я так понимал”.

Из акта о зверствах и разрушениях, учиненных немецко-фашистскими захватчиками в городе Орше, Витебской области от 30 июня 1944 года, составленного майором Лушицким И.Н. капитаном юстиции Пястуновичем, капитаном Владимирским Я.Н., старшим лейтенантом Муратовым С.В., председателем Оршанского райисполкома депутатов трудящихся Громыко, и.о. председателя Оршанского горсовета депутатов трудящихся Стрельцовым, горожанами: Володько А.Ф., Михайловским В.Е., Петкевич Е.И., Разуваевым А.И.: “С первых дней оккупации немцы приступили к массовому истреблению советских граждан и в особенности к поголовному истреблению евреев. В дома по Городнянской улице от моста до кладбища были согнаны 2900 человек, которых изолировали от остального населения, истязали, подвергали каторжному труду, побоям и содержали на голодном пайке”.⁶²

Гладков И.С.: “На улице Энгельса осталось небольшое количество домов, примерно 20-25. Туда было собрано около двух тысяч человек еврейского населения. Разместиться в этих домах такому количеству людей было крайне трудно”. Свидетельствует Илюхина Вера Исаковна: “Я дружила еще с довоенного времени с Черниной Ривой, и мне приходилось бывать в гетто, так как поначалу оно не было оцеплено. Жили в доме по три-четыре семьи. Кровати стояли одна к одной”.

Вспоминает Постникова Евгения Егоровна 1928 г.р.: “Еще с довоенного времени я знала семью Кановичей (Менделя, Дыню и их детей: Илью, Яшу и Иосифа). Где-то в конце октября 1941 года к нам прибежал из оршанского гетто Яша. Просил кушать и какую-нибудь старую одежду. Детям можно было тайком выбираться из гетто, тем более, Яша был светловолосый. Я взяла немного еды истарую

одежду, которую дала мать, и пошла с Яшей в Оршу. Огородами, чтобы не встретиться с немецким патрулем, мы пробралась к дому, где жила семья Кановичей. Люди жили очень плотно. настолько плотно, что я сравнила это с тюрьмой. Везде стояли нары из досок. Евреи жили на чердаках и в сараях”.⁶³

Вспоминает Пикман Бася Цуриэльевна: “Люди очень плотно жили в домах и сараях”.⁶⁴

Воспоминания очевидцев сходятся в одном, а именно, в утверждении о довольно плотном размещении евреев в гетто. Изверги не утруждали себя предоставлением нормальных условий проживания узникам. Главным для них было собрать еврейское население в одном месте и охранять, чтобы не разошлись, а живут ли они в домах, на чердаках или в сараях, не имело никакого значения. Неясным остается и точное количество домов в гетто. По Гладкову, их 20-25, в то время, как на плане Айка нетрудно насчитать 39, один из которых – длинный барак.

Вспоминает Леенсон Варвара Михайловна 1928 г.р.: “Часто ходила на рынок мимо гетто. Оно было оцеплено колючей проволокой и охранялось. Видела евреев, вышедших из гетто. Все они, мужчины, женщины и дети носили на спине или рукаве желтые знаки. Люди в гетто голодали. Отчетливо помню старуху, приходившую к нам в дом несколько раз и просившую хлеба. После оккупации Орши немцами видела Кренделя Яшу. Он был в гетто”.⁶⁵

Гладков И.С.: “Было организовано гетто после приказа местной комендатуры за подписью Айка о том, чтобы еврейское население переселить на улицу Энгельса. Условия их были невероятно тяжелые. Продуктами питания в гетто людей снабжали плохо, а сообщение с окружающим населением было прекращено, так как гетто было с одной стороны отделено рекой, а с другой стороны

было огорожено проволокой и выставлены часовые»

В гетто был создан юденрат, председателем которого назначили Каждана, работавшего до войны главным бухгалтером «Союззаготкож» и «Союзпушнина» и бухгалтером военторга. По свидетельству Гладкова И.С. старшинами еврейских общин в гетто были Канцельсон и Кантор.

Вспоминает Короткевич Елена Михайловна 1924 г.р.: «К улице Городнянской, где находилось гетто никого не пропускали. Была правда тропинка, о которой немцы не знали. Этим выходом пользовались евреи и выходили из гетто тайком. Хорошо помню двух девушек, приходивших просить хлеба. Хлеб наш выпечен был из отрубей. Одна съела, вторая говорила, что желудок такую пищу не воспринимает и кушать отказалась. Потом они пошли к соседям за едой. Еще к нам в дом заходил мужчина лет пятидесяти, исхудавший и изможденный. На вопрос: «Зачем Вас собрали в гетто? Отвечал: «Нас будут отправлять в Палестину». Немцы постоянно искали евреев и когда кого-нибудь находили, вели под конвоем в гетто. Это происходило часто. Говорили многие прятались. Мой знакомый парень Миша Аникеев рассказывал, что много молодежи из гетто убегает».⁶⁶

Из материалов судебного процесса 1946 года:

Полковник Сахаров: Вы в Оршу приехали в июле 1941 года?

Айк: Так точно.

Сахаров: А как же вы говорите, что еврейский совет гетто был уже создан?

Айк: Я говорил, что еврейский совет существовал еще раньше, он был организован ортскомендатурой и полевой комендатурой, которые в Орше были раньше нас...

Скакун: По приказу Айка для евреев было установлено

ограничение ходить по городу, евреи не могли приобретать продуктов и, наконец, были заключены в гетто.

Прокурор: Вы работали в районной управе и знали о существовании еврейского совета и гетто?

Скакун: Я прекрасно об этом знал, поскольку все мероприятия проводились через еврейский комитет, как, например, наложение контрибуции. Наложено 250 тысяч, из них процентов на 50 было внесено деньгами, а остальное ценностями. Еврейский комитет был, и все мероприятия в гетто проводились через него.

Прокурор: Вам не приходилось в районной управе подсчитывать ценности, награбленные немцами?

Скакун: Да, одно время мне приходилось сталкиваться, я подсчитывал ценности. Я подсчитал 2000 вещей из серебра и золота. Мне известно, что население гетто уплатило 50% контрибуции, что после расстрела вещи и одежда жертв свозилась в сарай городской управы в распоряжение бургомистра города, который выдавал их чинам комендатуры и другим работникам немцев...

Прокурор: Сколько было собрано в порядке контрибуции с еврейского населения всяких ценностей, на какую сумму?

Айк: Контрибуция для еврейского населения города Орши была определена в 150 тысяч рублей.

Прокурор: В чей адрес были направлены все эти ценности на 150 000 рублей.

Айк: Деньги никуда не отправлялись. Они оставались в управлении города.

Прокурор: С какой целью?

Айк: Управление города Орши не имело никаких средств, а деньги там были нужны.

Прокурор: Разве городской бюджет Орши пополнялся за счет контрибуции?

Айк: Эта контрибуция существовала уже к моменту прибытия комендатуры в город и являлась первым фондом управления города.

Прокурор: По вопросу, куда девать серебро, вы звонили куда-нибудь?

Айк: Полевая комендатура мне приказала направить золото, серебро и другие ценности в Берлин на счет управления города Орши.

Прокурор: И это было сделано?

Айк: Ценные вещи я послал в Берлин, а управление города Орши могло получить деньги в банке города Минска.

Прокурор: При чем здесь Минск?

Айк: Потому, что банк имел свой счет в Минске.

Прокурор: Почему эта операция проводилась таким сложным путем?

Айк: Я этого не знаю. Мне только приказали заняться отправкой золота и серебра.

Прокурор: Значит, золото и серебро было направлено в Берлин?

Айк: Да”.

Фашисты, создавая невыносимые условия жизни в гетто, очевидно, рассчитывали, что находившиеся в нем люди сами вымрут. Да и кто определил границы человеческого терпения. Изверги, пользуясь своей полной безнаказанностью, принуждали узников существовать в условиях чудовищно-дикого эксперимента. Гладков И.С.: “У еврейского населения, несмотря на то, что оно там пробыло небольшой промежуток времени, ввиду недостаточности питания и стесненных жилищных условий, был жуткий вид. От недоедания появилось много болезней. Мои знакомые соседи по квартире, где мы жили раньше, Блюма Певзнер и ее семья рассказывали мне, что

ночью к ним часто врывались немецкие солдаты, грабили лучшие вещи, были случаи изнасилования. Я спросил, пробовали ли они жаловаться немцам на такие условия. Они сказали, что пробовали жаловаться в комендатуру, в частности Айку, но никаких мер принято не было”.

Скаун А.С.: “В связи со скучностью, отсутствием питания и минимальных условий быстро распространилась эпидемия тифа. Для видимости, немецкое командование, в частности, Айк, установила небольшую норму питания: 10-15 граммов муки в день и немного картофеля. Однако и это не всегда выдавалось. Такой режим создавал невыносимые условия жизни. Председатель еврейского комитета, некто Каждан, при посещении городской управы говорил: “Докуда будут продолжаться эти мучения, скорей бы смерть”. Гетто от моей квартиры находилось в 300 метрах. В ночное время были слышны вопли и крики детей, женщин, ибо туда ходили немцы, которые занимались грабежами и убийствами”. Постникова А.Е.: “Люди были в полном неведении по поводу своего будущего, потому что немцы говорили им, что скоро их отправят в Палестину”.

Свидетельствует Пикман Б.Ц.: “Я рассчитывала уйти на восток с подругой Леной Целуйко, была две недели в Орше, но меня выдали, и поэтому пришлось находиться в гетто. Это было в начале октября 1941 года. Гетто в Орше было еще страшнее минского. Замерзающие старухи копошились среди трупов, девушки в кровоподтеках, распухшие от голода, спрашивали: “Когда за нами придут?” Смерть казалась им избавлением. В гетто было много девушек, избитых полицаями. Ночью я слышала крики, потому что приходили полицаи и всякий сброд и занимались разбоем. На работу тогда ходили на железную дорогу. Я жила у Драбкина, который был одним из руководителей юденрата. Однажды я достала полбуханки хлеба и передала Драбкину

Евреи, жившие в доме, так жадно смотрели на хлеб, что невозможно было это видеть без содрогания. Я знала Фаню Гузман, которая выдавала себя за христианку, называлась Феклой и не жила в гетто, так как не была похожа на еврейку. Девочка ее тоже не была похожа на еврейку, но мальчик был типичным евреем, и они боялись, что их схватят немцы. Кто имел нетипичную еврейскую внешность, мог выйти из гетто”.

Жуткая атмосфера гетто вызывала среди его узников протест и стремление к избавлению от мук. Вспоминает Малыгина Анна Ивановна: “В октябре 1941 года в районе станции Тротилово я встретила трех мужчин-евреев, которые бежали из гетто города Орши. Они меня спрашивали, как пройти к партизанам и вместе с тем боялись, что их там расстреляют. Я указала им дорогу к деревне Любище Круглянского района, где, предположительно, находились партизаны”.⁶⁷ Данилов И.Ф. рассказал о двух случаях спасения. Фамилии праведников мира не установлены, так как Иосиф Флорианович их не знает. Оставшиеся в живых таким образом Ева Холмянская (Зорко) и Иосиф Хасман укрывались некоторое время в Орше, после чего отправились в бригаду Заслонова, где и находились до освобождения Белоруссии.

Певзнер Тамара Рафаиловна сообщила еще о фактах спасения. В первом случае белорусская женщина по фамилии Заблоцкая прятала у себя в погребе еврея в возрасте до 30 лет, примерно, в течение двух лет, однако, после того, как к ней в дом подвели полицаев, это стало невозможным, и вскоре укрывавшегося нашли и расстреляли на еврейском кладбище. Другой мужественный и благородный поступок завершился более удачно. Зильберова Софья вместе с матерью скрывались у

своей домработницы в деревне недалеко от Орши весь период оккупации и дождалась освобождения.

Приводимый ниже эпизод из жизни гетто трудно оценивать однозначно. Малыгина А.И.: “Мы дружили с Шальман Галей до войны, и когда она приходила из гетто и просила еду, наша семья предлагала ей свою помощь в спасении, на что получила категорический отказ. Галя очень любила своих родителей и хотела умереть с ними”.

Представляется возможность проведения исследования социально-демографической структуры Оршанского гетто. Статистические данные состава населения позволяют более полно восстановить исторические события недавнего прошлого. Правда, на пути такого изыскания встречаются преграды, почти непреодолимые. Подобное можно сказать о недостатке информации, способствующей раскрытию этого вопроса. Найденное в зональном государственном архиве г.Орши предполагает реальное восстановление существовавшего положения вещей, однако без претензий на полное раскрытие освещаемой темы. Вниманию читателя предлагается некий структурный срез небольшой части узников гетто. Исследованию подвергнуты 114 евреев, у которых выявлена профессия и 104 с сохранившимися данными по их возрасту.⁶⁸ В рассматриваемом числе узников 32 несовершеннолетних обоого пола до 18 лет, 9 – в возрасте 18-25 лет, где лишь один юноша, остальные – представительницы прекрасной половины человечества. В категории 25-45 лет из 25 – только 5 мужчин. От 45 до 65 наблюдается равенство. Среди 27 насчитанных – 14 женщин. И наконец, людей преклонных лет – 11. Весьма показательна подобная пропорция людей по возрастным группам. Причем в возрасте от 18 до 45 лет из 34 найденных только шестеро мужчин, хотя подобной диспропорции в мирное время не

наблюдалось, что свидетельствует впрочем, об уважительной причине такого неравенства – участии мужчин в войне на стороне Красной Армии.

Между тем, анализ профессионального состава Оршанского гетто говорит, прежде всего, о довоенной жизни его обитателей. Трое из рассматриваемых были детьми дошкольного возраста. 35 составляют группу учащихся, но шестеро явно студенты, судя по возрасту. Следующая большая группа – домохозяйки. Это не может вызывать удивления, ибо мужчина до войны выступал в роли добытчика для своей семьи, а вот как раз семья являлась сферой деятельности женщины. Далее следует группа иждивенцев в количестве – 14. Так назывались люди пожилого возраста, величаемые теперь пенсионерами. Затем шестеро колхозников. К ремесленникам обычно относят представителей таких специальностей как кузнец, плотник, извозчик, сапожник, трубочист, портниха, швея. Их всего 7. Пятерых следует отнести к категории рабочих, а 12 – к служащим. В завершение 2 продавца и один музыкант.

Выявленная социально-демографическая структура части узников Оршанского гетто позволяет глубже проникнуть в суть происшедших событий и полнее восстановить картину трагедии. Трагедия же приближалась к своему завершению, ибо у палачей по сценарию выходила в этом месте только массовая казнь.

Из показаний зам. коменданта города Орши на судебном процессе в 1946 году:

Прокурор: Сколько месяцев еврейское население содержалось в гетто?

Айк: Три месяца.

Прокурор: Какова дальнейшая судьба людей, содержавшихся в гетто?

Айк: Они были расстреляны.

Прокурор: Какое количество советских граждан еврейской национальности было расстреляно и где?

Айк: Тогда расстреляли 1750 человек.

Прокурор: В чем они обвинялись?

Айк: Ни в чем.

Гладков И.С.: “Приблизительно после 20 ноября 1941 года еврейское население, находившееся в гетто, было расстреляно. По рассказам очевидцев, расстрел происходил следующим образом. Утром наряд жандармерии и полиции окружил гетто, чтобы никто не мог выйти, таким образом, было расстреляно около двух тысяч еврейского населения, среди которых было много женщин, детей и стариков. И они были уничтожены в течение одного дня. Скакун А.С.: “В конце ноября окончились их мучения. Рано утром вокруг гетто появилась усиленная охрана. Идя на работу, я встретил Айку, следовавшего с отрядом в расположение гетто для организации расстрела. В обеденный перерыв мне пришлось быть очевидцем расстрела одной из групп. Гетто граничило с еврейским кладбищем, находившимся на горке, куда группу, примерно, человек 150-200, привели в сопровождении усиленного конвоя. Там же заранее были подготовлены ямы-траншеи. Население, от взрослых до детей по приказу немцев само раздевалось, сбрасывало одежду, вещи в штабеля и бросалось в яму. После этого были слышны глухие автоматные очереди там же, в яме. Таким образом, к концу дня было расстреляно 1873 человека”.

Вспоминает Ефременко Клавдия Васильевна: “Видела, как вели на расстрел. Немецкие солдаты с автоматами выгоняли евреев из домов и строили у поворота на кладбище. Затем с собаками производили обыск домов,

искали тех, кто спрятался. Помню, как один еврей сошел с ума и пытался убежать, но его догнали и застрелили". Клавдия Васильевна вспомнила евреев, бывших в гетто и погибших от рук палачей. Это Дымшиц Михаил и Сара, Бедер Муля и Сеня, Каган Иосиф Израилевич, Шарф Фаина и ее брат (имя не помнит), Шур Зяма".⁹

Из материалов судебного процесса 1946 года:

Прокурор: Какие разговоры после расстрела такой массы людей шли по городу Орше?

Вам как работнику управления, должно быть об этом известно.

Скакун: Это трудно было представить. Смятение, все говорили, что сегодня еврейское население, завтра будет очередь остального населения города. Когда рыли окопы, то туда устремлялись взгляды, не приспособливается ли это для расстрела остального населения.

Председатель: Сколько было расстреляно – 1750 или 1873 человека?

Скакун: Видите ли, точно мне считать не приходилось, но однако, по сведениям, поступившим на получение продовольственных карточек, было указано 1873.

Прокурор: Стало быть, эти данные, 1873 человека, были взяты вами из списков составленных на получение продовольствия?

Скакун: Да, эти списки были поданы через два дня после расстрела.

Вспоминает Клочкова Валентина Васильевна: "Перед расстрелом я с подружками проходила недалеко от еврейского кладбища и видела, как военнопленные рыли широкую и глубокую траншею. Мы с мамой видели, как расстреливали евреев. Людей раздевали до нижнего белья, затем стреляли в затылок, и они падали в траншею. Нам было страшно, мы плакали. Был слышен леденящий душу

плач расстреливаемых".⁷⁰ Валентина Васильевна утверждает, что оккупанты использовали труд специалистов, а именно, портных, сапожников, часовых мастеров и т.д. Мало того, она хорошо помнит, что примерно 30 семей евреев-специалистов не расстреливали в 1941 году, а сохраняли им жизнь до отступления немецкой армии в 1944 году.

Показания зам. коменданта Орши Айка на судебном процессе 1946 года:

Прокурор: Расскажите, как был проведен расстрел?

Айк: На этом совещании полевой комендатуры было решено, что СД примет гетто. Начальник полевой комендатуры барон Ашеберг распределил задания. В них предусмотрено и распределение вещей расстрелянных. Начальник СД несколько опоздал на это совещание.

Прокурор: Как его фамилия?

Айк: Оберштурмфюрер Решке.

Прокурор: Зачем он пришел, о чем был разговор?

Айк: Речь шла о том, что гетто должно быть ликвидировано. День ликвидации гетто, он сказал, сообщат мне позднее.

Прокурор: Когда же он вам сказал?

Айк: В этот же вечер он звонил мне по телефону и назвал день ликвидации гетто.

Прокурор: Вы познакомили Решке с расположением гетто, когда он к вам пришел?

Айк: Да, я передал ему список и с ним сделал обход гетто.

Прокурор: Вами были приняты меры к надлежащей охране гетто?

Айк: Да, местная комендатура окружила гетто.

Прокурор: Руководителем комендатуры, окружившей гетто, являетесь вы?

Айк: Нет, местный комендант.

Прокурор: А ваша роль в чем заключалась?

Айк: Я только выделил людей для окружения гетто.

Прокурор: Охраной гетто вы руководили?

Айк: Нет.

Прокурор: Скажите, с чего началось уничтожение гетто?

Айк: При окружении гетто я не был. Утром меня вызвали для того, чтобы убрать людей, которые никакого отношения не имели к гетто. Выполнив это, я сразу пошел к месту расстрела.

Прокурор: Назовите место, где расстреливались заключенные гетто.

Айк: Производились расстрелы на еврейском кладбище, недалеко от гетто партиями в 25 человек

Прокурор: Как было объявлено заключенным гетто, куда их ведут?

Айк: На улицу Энгельса.

Прокурор: О чем был разговор с Решке в 11-12 часов утра, когда он вас вызвал в гетто?

Айк: Расстрел начался в 7 часов утра, а меня Решке вызвал для того, чтобы попросить дополнительно людей из комендатуры для того, чтобы их направить для охраны гетто. Больше мы с ним ни о чем не разговаривали.

Прокурор: Был дан приказ обеспечить надежно охраной место расстрела?

Айк: Нет.

Прокурор: Вы присутствовали при расстреле?

Айк: Да, Решке меня пригласил посмотреть.

Прокурор: Для впечатления.

Айк: Да, для впечатления. Иначе это нельзя назвать. Я был там только из-за любопытства.

Прокурор: Ваши люди охраняли место расстрела, чтобы не разбежались пригнанные туда люди?

Айк: 10 человек, которые мне подчинялись, участвовали в охране, а остальные подчинялись местной комендатуре.

Прокурор: Значит, вы со своими 10 человеками охраняли место расстрела?

Айк: Мои люди получили приказ и должны были выполнять этот приказ.

Прокурор: Вы лично в расстреле участие принимали?

Айк: Я только был наблюдателем.

Прокурор: Кто производил непосредственно расстрел?

Айк: Один человек из СС. Ему помогал человек, который подготавливал оружие.

Прокурор: Значит, расстрел производили два человека: один стрелял из автомата, а другой подготавливал оружие?

Айк: Расстреливал взвод СС, а остальные были только наблюдателями.

Прокурор: Кто руководил расстрелом?

Айк: Я не руководил. За расстрел отвечало только СД, которое производило расстрел. Другие люди за это не отвечали.

Прокурор: Вы наблюдали случай, когда один мужчина упал в яму еще живой?

Айк: Я видел, что человек, упавший в яму, был еще живой.

Прокурор: Какое же вы дали распоряжение стрелявшему в него?

Айк: Я никакого приказа не давал.

Прокурор: Вы давали распоряжение пристрелить его?

Айк: Я не давал такого приказа, я сказал только, что жутко, когда человек, лежащий в яме с трупами, еще живет.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили: "Я видел, как один мужчина упал в яму живым. Тогда я приказал производившему расстрел, чтобы он этого

человека пристрелил, что им и было сделано”.
Подтверждаете?

Айк: Я не мог этого сказать, так как я не имел права давать такой приказ.

Прокурор: Признаете ли вы, что являлись прямым участником расстрела 1750 человек невинного населения?

Айк: Нет, я только давал 10 человек для окружения и охраны места расстрела.

Адвокат Савенко: Вы присутствовали, когда был застрелен на руках матери маленький ребенок?

Айк: Так точно.

Вспоминает Куроедова О.Ф.: “Хорошо помню, как к нам на улицу Пушкина пришли немцы и полицаи и приказали смотреть расстрел евреев. Их заставляли раздеваться до нижнего белья и спускаться в яму. Кто не хотел этого делать – сталкивали. После чего расстреливали. Зрелище ужасное. Как сейчас слышу стоны и крики убиваемых”⁷¹

Из акта о зверствах и разрушениях учиненных немецко-фашистскими захватчиками в городе Орше, Витебской области от 30 июня 1944 года: “25 ноября 1941 года они (узники гетто. - Г.В.) были оповещены о предстоящей якобы, эвакуации их в тыловые районы, а 26 и 27 ноября они были вывезены на еврейское кладбище и расстреляны. За два дня, таким образом, немцы уничтожили более 2900 человек. Больную Хайфец Раю, не способную встать, застрелили вместе с двухлетним ребенком в постели. Отцы и матери расстреливались на глазах у детей. Расстрелы взрослых сопровождалось одновременным бросанием извергами в ямы детей, заживо закапывая их, причем многих детей предварительно подвергали мучениям – разламывая им позвоночник о колено”.

Данилов И.Ф.: “Многие в Орше говорили, что 26-27 ноября 1941 года погибло 4 тысячи евреев”⁷² Из

воспоминаний Касперского А.Ф.: “Ликвидация еврейского гетто происходила 26-27 ноября 1941 года, в чем принимали участие русские полицаи. Ликвидация производилась в два приема и двумя способами. Одна партия была отправлена на станцию Орша-Западная, погружена в товарные вагоны и в них отравлена зараженной водой. Остальные были расстреляны в овраге между польским и еврейским кладбищами около теперешнего инструментального завода, сюда же на захоронение были доставлены и отравленные на станции люди”.

Люди пытались спастись от смерти и в этот день, но судьба у каждого своя, а эти – не самые счастливые. Вспоминает Илюхина В.И.: “Еврейка по фамилии Колмыкова спряталась в сарае под пол. Выбралась и отлеживалась на польском кладбище. Потом пришла к нам, просила погреться, и мы кормили ее супом. После этого жила у кого-то в Орше. Беленькая была. Все же кто-то выдал, и ее расстреляли”⁷³

Из воспоминаний Данилова И.Ф.: “Пришел ко мне Элька Рыскин, 16 лет, и рассказал, что родители спрятали его в дрова, и он слышал, как их забрали. Жил Элька у меня двое суток, прятался. На третий день я ему говорю, мол, полицаи ходят, и ты, пожалуйста, уходи, хозяйку жалко. После войны видел его брата Мишу, так он рассказывал, что Элька погиб на фронте”.

Гульцова Е.К.: “Где-то перед Новым годом в 1941 году (очевидно в конце декабря - Г.В.) нашей семье приказали вернуться в свой дом на улице Энгельса. Так случилось, что мы заходили не только к себе и видели в домах нары, стеллажи и везде признаки запустения. Сторона улицы, где находится завод, была полностью сожжена, а на другой стороне отдельные дома были также сожжены”.

После уничтожения гетто гитлеровцы развернули охоту на прячущихся евреев и полукровок. Звери в человеческом обличье жаждали крови, разыскивая новые жертвы вплоть до самого освобождения Орши.

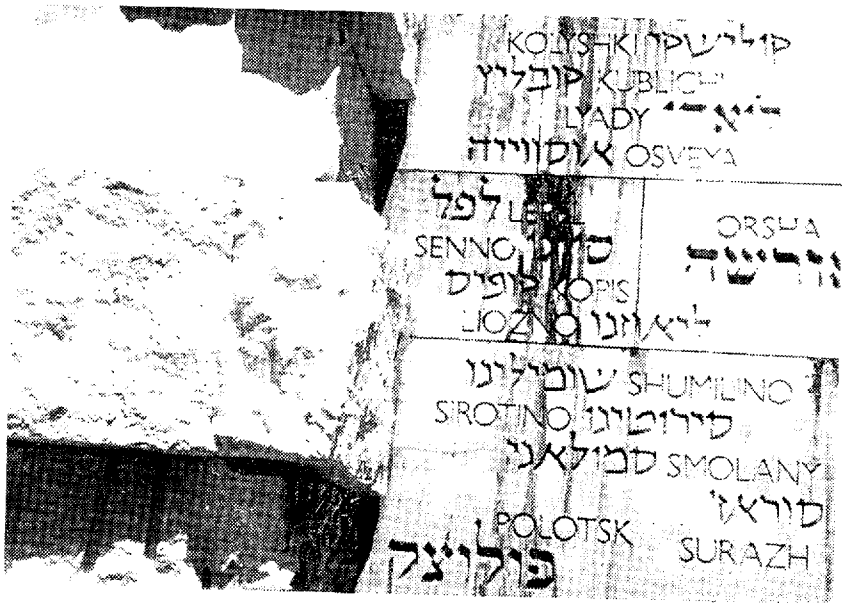
Вспоминает Певзнер Матвей Рафаилович, 1933 года рождения: “Отец мой, Певзнер Рафаил Яковлевич – еврей, а мать Певзнер Анна Савельевна – белоруска. В январе или феврале 1942 года к нам пришел полицай и хотел забрать меня с сестрой Тamarой. Мама ответила ему, что позовет нас, и вышла на улицу, где стала громко звать, но шепотом сказала, чтобы мы спрятались у соседей Кислущенко. Не дождавсь нас, полицай увел с собой бабушку Ефросинью Кузьминичну. Ночью меня и сестру мама отвела в деревню Антавиль Оршанского района к нашим родственникам. Пробыв здесь сутки, мы из-за боязни укрывавших нас вынуждены были направиться в деревню Юрцево также к родственникам. Однако и здесь не получилось, и через три дня снова отправились в дорогу. На этот раз в Большое Бабино к родственнице по имени Аксиныя. В этой деревне прожили несколько месяцев. Мать шила одежду, и с голоду мы не умирали. Когда и в Большом Бабино стало известно о нашем происхождении, пришлось уходить в Андреевщину и прятаться. По прошествии месяца решили вернуться домой. Мать, Анна Савельевна Певзнер, обменяла за взятку свой паспорт, изменив фамилию на девичью - Гришан. Весной 1944 года в СД забрали нашу мать. Я с сестрой скрывался в огороде у соседей Кулаковских. Вскоре и нас нашли и отвели в тюрьму СД, находившуюся на месте нынешней турбазы на улице 1 Мая. В камере вместе с нами находились трое детей Раубаль: Полина, Лариса, Борис – у них мать еврейка; Долженковы: мать и трое детей (отец еврей); из местечка Смольяны были двое детей и мать и еще много людей, но их уже не помню.

Пока мы находились в тюрьме, тетя наша, Силицкая Ольга Савельевна, собрала подписи у соседней, что отец наш русский. Маму нашу постоянно таскали на допросы и били. Не избежала этой участи и тетя. Спустя месяц нас все же выпустили. Уже до самого освобождения мы прятались в землянке у Хитровой Евдокии Степановны. Остались в живых кроме нас еще Раубали, а всех остальных расстреляли”.⁷⁴

Вспоминает Марцинкевич Полина Борисовна: “Мой отец, Раубаль Борис Вячеславович - белорус, а мама, Виткина Мэра Борисовна – еврейка. Сразу же после объявления, что евреи должны собраться на улице Энгельса, мама ушла из Орши и скрывалась в деревне Темный Лес Горецкого района, а оттуда направилась к партизанам. Я, сестра Лариса, братья Юрий и Борис оставались у бабушки по отцу, Раубаль Марии Лукиничны. Мы все по метрикам писались белорусами. Беда нагрянула в декабре 1943 года, когда в наш дом пришли двое штатских, мужчина из местных и женщина, и предложили бабушке собраться вместе с детьми и идти с ними. Происходившее из-за малого возраста я не понимала и, оказавшись на улице, развеселилась и никак не могла уразуметь, почему бабушка и старшая сестра плачут. Привели нас в СД и оставили в комнате, а бабушку увели куда-то. Вскоре она вернулась и забрав брата Юру, ушла домой. Как оказалось, тот, кто писал донос, не знал о Юре ничего, так как он жил у бабушки, которой сказали, что внуков надо оставить, а сына можешь забрать. Поначалу она растерялась, но затем поняла, что хотя бы одного может спасти. Нас троих отвели в камеру, в которой было примерно человек пятьдесят. В основном здесь находились женщины с детьми. В этой камере мы провели что-то около месяца. Брат Борис во время прогулки убежал к бабушке и

у нее и соседей набирал полную сумку еды, после чего приходил назад и просился у охранника: “Дяденька, пустите, я ваш”. Так он делал несколько раз, и каждый раз охранник ударом ноги забрасывал его, словно мяч, в камеру. Пробыв в тюрьме около месяца, мы оказались в поезде, который повез нас в концентрационный лагерь. Собственно, вагоны были предназначены для перевозки скота, и вот в такой вагон загрузили весьма плотно людей. Помню, я постоянно плакала, потому что нечем было дышать, и старшие поднимали меня к окошку. Привезли нас в лагерь в Ново-Борисове”⁷⁵

Мемориальная плита в Музее “Яд Вашем” в Иерусалиме

Почему всех, бывших в тюрьме СД, расстреляли, а троих детей Раубаль отправили в концентрационный лагерь, сохранив им жизнь, трудно ответить. Возможно, положительным образом сказались метрики, где они писались белорусами.

Куроедова О.Ф.: “Начиная с 1942 года и до освобождения немцы расстреливали на еврейском кладбище детей от смешанных браков, жен евреев, а также избежавших расстрела в ноябре 1941 года”.

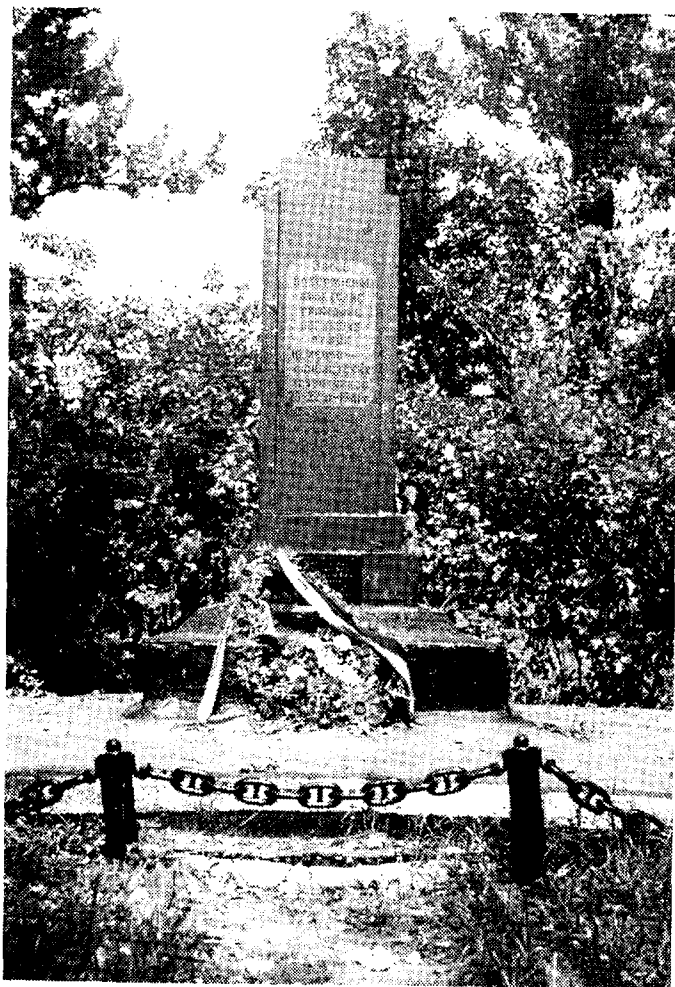
Данилов И.Ф.: “У местного немца Шварцкопфа жена была еврейка. В гетто ее не помещали, но после его уничтожения расстреляли и ее”.

Касперский А.Ф.: “В 1943 году по приказу Гимmlера в течение недели происходили раскопки и сожжение трупов. По обе стороны оврага с захоронением, там, где сейчас стоят два скромных обелиска, были сварены два многоярусных колосника, ярусы которого вперемешку заполнялись трупами и дровами. Затем все это поливалось горючим и поджигалось. Потягивал как раз юго-восточный ветер, и город задыхался от зловонной гари. Практически это делали русские военнопленные-смертники. Работавшая группа в конце дня расстреливалась, а на следующий день приводилась новая”.

Скаун А.С.: “Осенью 1943 года для сокрытия следов массовых расстрелов на месте расстрела на еврейском кладбище была возведена высокая изгородь из досок, где впоследствии в течение пяти дней производилось сжигание трупов, как здесь захороненных, а равно и привезенных из других мест расстрелов”.

Из акта Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств немецкого фашизма от 9 сентября 1944 года: “9 сентября 1944 года нижеподписавшиеся: председатель планового отдела горисполкома Василевский С.А., начальник гор. НКВД майор Шаляпин, начальник тюрьмы НКВД капитан Борисевич Ф.Н. с участием комиссии: нач. финотдела НКВД Князьков М.Г., инструктор пропаганды Горкома КП(б)Б Цынгалева Ф.А., бухгалтер пищепромторга Миронкова Т.Ф., с участием комиссии

гражданского населения, проживавшего в городе Орше во время оккупации, бывшие очевидцы о фактах зверства немецких извергов над беззащитным советским населением тов. Цытович О.В. и Мащенко Л.Н. составили настоящий

Орша. Место гибели Оршанских евреев.

акт: “Расстреляно в городе еврейского населения: мужчин, женщин и детей 4800 человек.

... В сентябре 1943 года, когда нависла угроза Орше, Красная Армия подходила к Осинстрою, немецкие гады пытались замаскировать свои черные пятна, чтобы скрыть следы своего зверства, не виданного в истории террора. В первых числах октября 1943 года немцы в течение одной ночи огородили засолочный пункт деревянным забором в квадрате 300м и высотой в 3 м, где находилось 24 засолочных чана в размере 3,3 куб. метра были полностью загружены трупами погибшего населения. Немцы обливали горючей жидкостью и сжигали их. 3,5 суток горели мертвые тела нашего советского населения в чанах и траншеях, прорытых от еврейского кладбища до засолочного пункта. Вокруг забора стояла охрана и никого не пускала к месту вторичной казни”⁷⁶

Из акта Оршанского городской комиссии содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и учета причиненного ими ущерба г.Орше от 20 сентября 1944 года:

Оршанская городская комиссия содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и учета причиненного ими ущерба г.Орша в составе: председателя Радкевича А.А., ответственного секретаря комиссии Василевского С.А., членов Петкевича, Шаляпина, Приходько, Дудкина произвели расследование фактов истребления советских людей немецко-фашистскими захватчиками на территории гор.Орша в период временной оккупации. Материалами следствия, осмотром мест истребления и захоронения, а также медицинским исследованием трупов и их остатков

комиссия установила:

“На территории еврейского кладбища обнаружено две ямы длиной 23 метра, шириной 6 метров и глубиной 3 метра и 24 ямы-чана бывшего засолочного пункта. Перед каждой ямой находится пепелище 4-5 метров, на котором, по свидетельским показаниям, производилось сжигание извлеченных из ям трупов. Осмотром пепелищ обнаружены остатки обгоревших костей. Следствием установлено, что на еврейском кладбище расстреляно около 6000 человек мирных жителей г. Орши. Трупы были сожжены немцами с целью сокрытия следов фашистских злодеяний.

... 2. В отношении мирного населения немцы практиковали массовые расстрелы. С осени 1943 года немцы старались скрыть следы своих ужасающих злодеяний, приступая к массовому извлечению ранее захороненных трупов и их сжиганию”.⁷⁷

В истории Оршанского гетто существуют загадки, на тайну которых со временем, вероятно, прольется свет. Не потому ли дошедшие до нас источники противоречат друг другу, ставя перед нами вопросы, требующие конкретных ответов. Между тем ответы однозначные, претендующие на истину в первой инстанции не появляются, да и их просто нет. Есть лишь предположения, порождающие версии. Во-первых, разногласия встречаются в связи с количеством дней, потраченных карателями на казнь гетто. В документах судебного процесса, проходившего в Минске в январе 1946 года указывается один день, в то время как в акте Чрезвычайной комиссии от 30 июня 1944 года говорится о двух днях. Причина такого несоответствия неясна. Далее перед исследователем предстает следующая загадка, также не поддающаяся разрешению или точному объяснению. Это количество погибших евреев. Следует отметить, что оно колеблется от 1750 до 6000. Четыре

весьма серьезных документа называют совершенно разные числа. Безусловно, оснований не доверять им нет. Тем не менее, в акте от 20 сентября 1944 года указано 6000 евреев, в акте от 9 сентября 1944 года – 4800, в акте от 30 июня 1944 года – 2900 и, наконец, в материалах судебного процесса 1946 года говорится о 1873 и 1750 расстрелянных. Где же разгадка? Автор берет на себя смелость выдвинуть версию, с попыткой ее обосновать. Мрачная эта арифметика, однако, если расстреляно, как сказано на судебном процессе, около двух тысяч, и из воспоминаний Касперского А.Ф. мы узнаем о разделении гетто при уничтожении на две части, то вполне допустимо, что половина узников, отравленная на станции Орша-Западная составила также две тысячи. Предположение о гибели примерно тысячи заключенных от эпидемий, болезней, голода, убийств за время существования гетто приводит к мысли о заточении в него в начале приблизительно пяти тысяч человек. Еще тысяча, возможно, полукровки и прятавшиеся евреи, которых расстреляли уже после гибели гетто, но тысяча – все-таки слишком большая цифра для вышеозначенной категории, дополняют которую возможно скорбные цифры казненных евреев Орши с периода оккупации до появления гетто. Как бы там ни было, по все это уже из области предположений. Автор считает, что 6000 погибших вполне реально. Дополнением к уже названным головоломкам может быть утверждение Евгения Никоновича Крашенинникова, опубликованное в статье об Оршанском подполье в газете “Ленинский призыв” от 21 октября 1966 года гласившее: “каратели создали в Орше два еврейских гетто”. Здесь без комментариев.

История Оршанского гетто, надо думать, будет дописываться, однако автор искренне надеется, что воссозданная картина позволяет узнать и ощутить трагедию евреев Орши.

Гетто Оршанского района. Барань.

До войны в городке проживало несколько десятков евреев, занимавшихся мирным трудом как в Барани, так и в местном колхозе. Среди тружеников сельской нивы: Глезины Янкель и Доба, Польшковские Сахна и Бася, Великовские Моисей и Сарра, супруги Раскины. Война нарушила мирные планы жителей городка. Ее начало побудило покинуть насиженные места только семью Черномордик, а все оставшиеся рассчитывали на благоприятный исход событий. Почти все они состояли в кровном родстве, будучи двоюродными и троюродными братьями и сестрами. С приходом оккупантов их в количестве более 40 человек в сентябре 1941 года переселили в два двухэтажных дома № 19 и № 21 по улице Ялтинской (ныне Заречной). Здесь, как и в Орше, действовал комендантский час, т.е. после 18.00 запрещалось появляться на улице. Заключенные этого маленького гетто голодали, хотя и пытались обменивать вещи на продукты, спали на полу. Обменяв имевшееся в наличии более-менее ценное на еду, евреи ходили по городку, выпрашивая пищу у местного населения. Это не понравилось жене полицая, надзиравшего за узниками, которая вынудила мужа отправиться в Оршу за немцами, что, собственно, ускорило развязку. По свидетельству Постниковой Евгении Егоровны,⁷⁸ евреи избегали встречаться с немцами, так как они запросто могли убить их, ни в чем не повинных. До последнего дня обитатели гетто не верили в свою обреченность, однако, 8 апреля 1942 года примерно 42-45 евреев, построенные в колонну по четыре, отправились в свой последний путь под охраной немцев и полицаев. Во время конвоирования к месту

расстрела шестнадцатилетняя Лена Польшковская пыталась бежать, но ее догнала фашистская пуля. Трагедия продолжалась в вырытой яме за городом в 300 метрах от улицы Сорокина, где расстреливались узники маленького гетто городка Барани. Смерти удалось избежать Хавкину Абраму и Глезину Илье, которого своим телом прикрыла мать. Из письма Шапиро Якова Исааковича: “Я встречал после войны Хавкина Абрама. Он рассказывал, что когда их вели расстреливать, его мама произнесла: “Беги, сынок”. Отчаянный бег в направлении леса закончился удачно. Стрелявшие немцы в него не попали, и смерть обошла стороной. Потом Абрам оказался в партизанском отряде, где оставался до освобождения Белоруссии”⁷⁹ Глезин Илья ночью выбрался из ямы, а затем спрятался у кого-то из местного населения. Спустя много лет он на свои деньги на месте расстрела установил памятник. Сколько их не доживших. Как просто отнимали палачи у людей самое дорогое – жизнь. Ожидали, что война все покроет. Не прикрыла. Память остается. Это она в сердце горит ненавистью и скорбью.

Копысь

В расположившемся на берегу Днепра и утопавшем в зелени местечке проживало немало евреев, о чем свидетельствовало наличие здесь начальной еврейской школы. Мирное сосуществование было безжалостно разорвано войной, ворвавшейся в каждый дом тревогой за будущее. Вначале она лишь поколебала уверенность в завтрашнем дне, ибо евреи продолжали жить в своих домах и о гетто речи не было. Ощущение грядущей опасности увеличилось, когда в декабре 1941 года еврейское население Копыси было переведено на территорию

льнозавода, которая охранялась полицией и находилась в двух километрах от местечка. По свидетельству Дроздова Антона Никаноровича, евреев в гетто было собрано от 250 до 500 человек.⁸⁰ Эти данные весьма приблизительны, так как по прошествии стольких лет установить точную цифру трудно. Между тем, на памятнике указано, что расстреляно 250 евреев, хотя Антон Никанорович настаивает на большей цифре погибших. Условия жизни в этот период были, вероятно, тяжелыми. Подобную версию подтверждает Леднева Ефросинья Андреевна⁸¹ и вспоминает, что сама ходила к забору льнозавода и перебрасывала через него еду евреям. Известен случай побега из гетто. Таким образом, спаслись Шмеркин Тевье и его сын Абрам, который к тому же и был ранен. Сохранив себе жизнь, они ушли к партизанам, чтобы мстить за родных и близких. Накануне расстрела изуверы подготовили место для последнего пристанища евреев Копыси, взорвав мерзлую землю в овраге. Этот овраг находился недалеко от льнозавода и назывался “Мергль”, а раньше там был скотомогильник и располагался в трех километрах от деревни Стайки. 14 января 1942 года гетто в Копыси прекратило свое существование. Вспоминает Винарская Екатерина Кирилловна: “Я хорошо помню этот день. Я влезла на крышу своего дома и видела происходящее. Евреев привезли в овраг, затем раздели до нижнего белья и расстреливали партиями. Потом 4 дня земля дышала, и из нее шел пар”.⁸² Следующий эпизод восстановлен с помощью Цейтлина Николая Лазаревича. Он рассказал, что перед лицом смерти учительница еврейской начальной школы Кунина Рахиль Абрамовна успела прокричать палачам в лицо о скорой расплате в лице Красной Армии, которая за все отомстит. Палачи изощрались в убийстве своих жертв и девушку Еву Косую

привязали к хвосту лошади, которая неслась во весь опор, пока мученица не умерла. Председатель довоенного местечкового Совета Копыси Гилян Хонон сумел избежать расстрела и укрывался, однако затем был найден полицией и повешен. Еще один эпизод. Винарская Е.К.: “Еврей по фамилии Чернин, бывший портной, спрятался с двумя сыновьями и пришел к нам. Ночь они были у нас, потом мои родители говорили ему: “Мы тебя бы держали, но боимся, что нас расстреляют”. Так они жили на нашей улице 4 дня, и что с ними стало, не знаю”. Перевернута еще одна страница в истории Холокоста. Больно и грустно.

Смольяны

Жизнь местечка, упоенная тишиной мира, протекала размеренно и неторопливо. Евреи зарабатывали свой хлеб трудом ремесленника и славились как умелые сапожники, портные, столяры, кузнецы. Умиротворенность местечка, взорванная войной, разлетелась, как осколки посуды, поселив в душах людей страх и тяжесть неизвестности. Вскоре на заборах, телеграфных столбах в Смольянах были расклеены приказы немецкого командования: “Все, кто появится на улице позже пяти часов вечера, будут расстреляны”, но убивали и тех, кто задержался в соседней деревне, принял в свой дом чужого. Как бы там ни было, но поначалу евреи жили в своих домах и о переселении в гетто и не помышляли. Правда, мужчин с 16 лет отправляли на работу (очистка дороги, заготовка дров), и они носили черную повязку с желтой звездой. Стариков к труду не принуждали. Отвечал за отправку на работу польский еврей по фамилии Лянеман. Был еще переводчик Бромберг, еврей из Москвы. Собственно юденрата не было. Причину столь “мягкого” отношения к евреям объяснить трудно, если

учесть их тяжелое положение в Орше. Возможно, сыграло свою роль расположение местечка, находившегося среди лесов и в 30-ти километрах от райцентра. Изменения в жизни Смольян наступили 9 марта 1942 года, когда евреев согнали в гетто на улицу Шкловскую. Здесь примерно в 30-ти домах и жило от 700 до 840 евреев. Вышеназванный “мягкий” режим проживания в Смольянах обусловил и то, что сюда приходили евреи, бежавшие из Минска, Борисова, Орши, Дубровно. Созданное в Смольянах гетто обнесли колючей проволокой, однако, его никто не охранял. Удивительно и то, что еврейское население местечка знало о массовых убийствах, так как сюда стекались евреи, очевидно, спасшиеся от расстрела в других населенных пунктах. Узники выходили из гетто и обменивали одежду на еду. Возможность уйти и таким образом спастись существовала, однако, основная масса евреев оставалась на месте. По утверждению Кагана Наума Рафаиловича, бежать-то особенно было некуда. Морозная и снежная зима сдерживали инициативу, а в большей степени – отсутствие партизанских отрядов, появившихся лишь к лету 1942 года. Местному населению под страхом смерти запрещалось не то, что прятать, даже помогать евреям. Еще один парадокс. Юноши и девушки из-за любви к своим пожилым родителям отказывались уходить, предпочитая оставаться с ними. Лишь не связанные узами семьи мужчины и юноши покидали гетто, спасая свою жизнь. Тем временем от большой скученности, голода и холода стали умирать люди, причем смертность принимала массовый характер. Узников гетто, голодных и не восстановивших в связи с этим свои силы, ежедневно направляли в лес пилить дрова. Тех, у кого не хватало сил идти, расстреливали на месте.

Накануне трагедии, 4 апреля 1942 года в двух километрах от Смольян немцы взорвали мерзлую землю,

подготавливая место для расстрела. В 8 часов утра 5 апреля 1942 года в гетто въехали грузовая и легковая машины, в которых находились 15 немецких солдат и 4 офицера, а также полицаи. Каратели немедля стали выгонять людей на улицу. Сопrotивлявшихся и пробовавших кричать били по голове и лицу. Истязаемые падали, обливаясь кровью. Тех, кто не поднимался, расстреливали. В сопровождении палачей евреи местечка и отправились в свой последний путь. Всех раздевали до нижнего белья, а затем партиями расстреливали. Вспоминает Каган Н.Р.: “Убивали евреев недалеко от Смольян. После войны узнал от очевидцев один эпизод казни. К яме подвели женщину (фамилии не помнит. Г.В.), державшую на руках месячного ребенка. Эсэсовец вырвал с силой маленького из материнских рук и бросил в ров. Затем мать заставили раздеться, спуститься в яму и лечь рядом с сыном. После принудили сделать то же самое трех дочек и сына. Затем прозвучали несколько пушечных выстрелов. Следующими жертвами стали бабушка и две ее внучки. Собственно, к 80-летней Марии Шульман приехали на отдых внучки дошкольного возраста. Война их оставила у бабушки навсегда. Маленькие девочки взирали на убийц удивленными, полными слез глазами, крепко прижавшись к бабушке, и кричали: “Бабуля, бабуля, спаси. Мы поедem к маме и папе”. Старушка упрасивала палачей сжалиться над ни в чем не повинными детьми, но в ответ садист-каратель сбросил их в яму”⁸³

Вспоминает Шибeko Юлия Григорьевна: “Это было в субботу. Я шла в церковь и увидела большую колонну евреев, конвоируемую немцами и полицаями. Как потом оказалось, их вели на расстрел. Среди них помню Бромберг Фаину Ефимовну и ее мужа, бывшего переводчика. Странно, но через 4 дня после их гибели пришел приказ оставить семью врачей живыми. После гибели евреев земля

вздыхалась несколько дней. Это я помню, потому что ходила туда”.⁸⁴ Каган Н.Р. вспомнил, что было несколько уцелевших, сумевших избежать казни: “Я спрятался на чердаке дома в сховище и отлеживался сутки. Немцы искали евреев, но меня не нашли. Помню, что потом встретился с двумя сестрами Каждан, которые спаслись так же, как и я”. Потом эти трое оказались в партизанском отряде, что и позволило дожить до победы.

Оршанским поисковым клубом “Русичи” восстановлен эпизод расстрела. Найдович Эта Абрамовна (62 года) и ее внук Салтанович Олег Тимофеевич (10 лет) пытались бежать. Однако спастись не смогли. Полицай привел их назад к месту расстрела и выстрелом в затылок убил обоих. Прокопович Вера Семеновна припомнила еврейку Аронову, которой поначалу удалось спрятаться. Жаль, но удача затем от нее отвернулась, и, попав в лапы палачей, жертва не смогла избежать участи остальных. Гибель евреев Смольян побудила к решительным действиям узников гетто в местечке Обольцы Толочинского района. Узнав о расстреле в тот же день, евреи ночью совершили побег, причем таким образом спаслась почти половина находившихся в гетто.

Гетто Поставакского района. Дуниловичи.

Сейчас в этом населенном пункте нет евреев, не осталось. Просто диву даешься, а были ли они вообще. Были. Тогда, еще до войны, в Дуниловичах проживало их немало. Три синагоги действовали в местечке, напоминая евреям об их принадлежности к народу Торы. Война вломилась сюда не спрашивая, не разбирая, неся людям тяжесть утрат и боль страдания.

Из акта Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию зверств и злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами в Дуниловичском районе, от 10 апреля 1945 года: “С приходом в Дуниловичский район фашистские захватчики учинили массовые репрессии и террор против мирных граждан и, прежде всего, против граждан еврейской национальности. С первых дней оккупации немецкие власти провели перепись еврейского населения, разграбили их имущество и запасы продуктов. . . . в декабре 1941 года все еврейское население г. Дуниловичи должно было явиться к зданию жандармерии. Окруженные полицией, они были погнаны на берег реки Зарежанка, где их заставляли в одежде купаться, чтобы вода достигла шеи, а обратно на берег ползти на животе. Кто не хотел подвергнуться таким издевательствам, тех избивали прикладами”⁸⁵

Фашисты показали себя сразу и во всей красе, создавая для евреев обстановку ненависти и насилия. Видно творимое казалось им слишком малым. Изуверам нужны были куда более радикальные действия.

Из акта Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию зверств и злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами в Дуниловичском

районе, от 10 апреля 1945 года: “В начале 1942 года немцами было создано “гетто” в гор. Дуниловичи, где помещалось 903 человека евреев, жителей г. Дуниловичи, над ними издевались, давали на день 150 грамм муки, люди пухли от голода, устраивали массовые купания евреев в холодной воде... Все евреи должны были носить на груди и на спине желтую шестиконечную звезду, за не ношение – смерть, за выход из территории “гетто” – смерть”.

Вспоминает Поздняк Вацлав Адамович: “Евреев в гетто сгоняли, не спрашивая у них, хотят они того или нет. Гетто обнесли высоким деревянным забором, чтобы никто не видел происходящего там. Немцы скрывали то, что творили в гетто. Да как скроешь. Евреи голодали, то и дело обменивая свои вещи на еду. Фашисты грабили евреев, забирая все ценное, даже кастрюли. Узников часто избивали. Гоняли на работу. Идти по тротуару нельзя, а только по проезжей части. Работа была всякая. У Озерка канаву копали. Еще помню. Заставляли ножами вычищать траву между камней на мостовой”⁸⁶

Вспоминает Бudyко Юзефа Ивановна: “Гетто было на улице Альцовской. Евреям там тяжело жилось. Голодали. Если белоруса замечали, что он дает еду евреям, могли расстрелять. Не разрешалось разговаривать с узниками гетто. Евреев гоняли на тяжелые работы. В гетто был старший, через которого немцы передавали свои распоряжения евреям. Немцы собирали с евреев золото. Был такой случай. Два полицаи подрались, а немцам сказали, что их еврей побил. Того, на кого указали, сразу убили”⁸⁷

Вспоминает Поздняк Анна Юлиановна: “Расстреливали евреев и до общего расстрела. Обычно заставляли их копать яму, а затем убивали. Почему убивали? Говорили, что за провинность. То ли не повиновался, то ли оказал

сопротивление. Убивали только мужчин”⁸⁸

Дуниловичское гетто испило свою чашу боли до дна. Безнаказанность развязывала извергам руки, творившим беззаконие. Унижение, издевательства, грабеж, насилие, убийство – далеко не полный набор фашистского инструментария. Оставалось лишь поставить последнюю брызжущую кровью точку.

Поздняк В.А.: “Расстрел был поздней осенью. Евреи узнали, что немцы едут из Глубокого их убивать. Побежали к озеру. Подъехавшие каратели начали стрелять. Помню, как возили, взятые из окрестных деревень, люди на санях трупы в яму на еврейском кладбище”.

Бudyко Ю.И. “Осенью немцы окружили гетто и стали стрелять. Потом все дома гетто сожгли дотла”.

Из акта Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию зверств и злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами, от 10 апреля 1945 года: “В ноябре месяце 1942 года начался массовых расстрел евреев. За три дня были расстреляны специальным отрядом немцев, приехавшим из гор. Глубокое, 828 человек евреев из 903 находящихся в “гетто”. Ночью 21-го ноября 1942 года на 4-х машинах к “гетто” подъехало 35 немцев и, поставив пулеметы, начали обстреливать жилые дома “Гетто”, когда рассветало всех оставшихся в живых жителей “Гетто” начали сгонять в сарай, там их раздевали и в одном нижнем белье выгоняли на улицу по 3-4 человека, где они расстреливались из автоматов пьяными немцами.

Вот что нам рассказал свидетель-очевидец гр-н Цепелевич А.Э., спасшийся случайностью от смерти: “Когда после пулеметного обстрела нас согнали в сарай, то всем приказали раздеваться до нижнего белья, потом по 3-4 человека раздетых выгоняли на улицу, где стояли пьяные немцы и стреляли в людей, вышедших из сарая. Я тоже

вышел в числе нескольких людей, выйдя, побежал. В меня начали стрелять. Пуля задела мне левое ухо, и я притворился мертвым. Меня положили в общую кучу. Так до ночи стреляли, наваливая трупы в одном месте. В числе расстрелянных были женщины, дети и старики. Ночью, когда кончился расстрел, я вылез из-под трупов и ушел в лес”.

Вацлав Адамович Поздняк среди спасшихся назвал Гольдмана (имени не помнит) и Лейбу Ходоса, которые находились в партизанском отряде до дня освобождения. Он же вспомнил семьи погибших: Гольдман, Ходос, Мушкат, Шапиро. Дуниловичское гетто разделило судьбу множества таких же искусственно и противоестественно созданных образований. К особенностям разве что следует отнести нежелание карателей в первый день казни прикрываться личиной сопровождающих в Палестину на новое место жительства. Прибыв в Дуниловичи в “приподнятом” настроении, они без промедления начали стрелять по беззащитным жертвам, затянув процедуру убийства на три дня.

Отошло на вечный покой еврейское население Дунилович. В истории гетто есть два факта, мимо которых исследователь пройти не может, да и не должен. Неизвестна точная дата появления на улице Альцовской гетто. Фраза “начало 1942 года” подразумевает собой что? Логично предположить январь или февраль.

В скорбной математике гетто уточнению подлежит и следующее: “828 человек евреев из 903 находившихся в “гетто”. Расстреляно 828 из 903 евреев. А что же с остальными? Если учесть, что спаслось лишь несколько обитателей гетто, то где же около семидесяти евреев. Анна Юлиановна Поздняк упоминала расстрелы евреев, проходившие до массовой казни. Вот, пожалуй, и ответ на

вопрос. Автору хочется просто воззвать к мировому сообществу: “Люди! Будьте бдительны. Фашизм должен остаться в прошлом. Никогда животные страсти нелюдей не должны возродиться!”.

Лынтупы

Бывает так, что где-то спокойно и без тяжких дум о будущем живут люди, трудятся в меру сил своих и вдруг случается нечто, опрокидывающее сложившуюся безмятежность бытия. Собственно подобное и происходило в Лынтупах. Евреи, населявшие местечко, добывали себе на хлеб кто чем мог, избрав своим занятием труд кузнеца, пекаря, плотника, мясника, музыканта, владельца лавкой, содержателя закусочной и так далее. Не забывали и о синагоге, здание которой и донныне можно увидеть в Пионерском переулке. Никто никому не мешал. Да и кто мог представить, что придет такая беда. Не думали, а пришла таки. Войной называлась. Фашизм и его исполнители видели еврейский народ в помыслах своих умерщвленным, потому и действия их и поступки служили только этому звериному желанию.

Вспоминает Стефанович Иван Болеславович, 1917 г. р.: “Евреев согнали сразу в дом Завадского, что в районе площади находится. После их расселили в пяти домах на Красовской улице. Гетто кажется охранялось (точно сказать не может. - Г.В.). Дома те были с наглухо забитыми окнами. Колючей проволокой не огораживали. Старшей немцы в гетто назначили незамужнюю молодую женщину по имени Бася. (Помнит, что та вышла замуж, когда война окончилась и ее фамилия по мужу Рейн.Г.В.). Еще до общего расстрела убили кузнеца Меера”.⁸⁹

Весьма сложно уже спустя почти шестьдесят лет

восстановить то, что происходило во Вторую мировую войну. Память, стирающаяся уходящим временем, возрождает лишь малую толику желаемого. Что же можно сказать определенно. Гетто в Лынтупах было и факт сей установлен. Дата его появления осталась неизвестной, но вполне вероятно предположение о создании гетто в январе-феврале 1942 года.

Стефанович И.Б.: “ Евреям сказали, что их поведут в Пабраде (населенный пункт в нынешней Литве. - Г.В.), а повели на расстрел. Убивали их вместе с немцами и литовцы. Земля после расстрела три дня вздымалась”.

Вспоминает Савицкая Ядвига Станиславовна, 1919 г.р.: “Бася, та что старшей была, спряталась с двумя племянницами Гилинскими в сарае у Марковских. Потом ушла к леснику Пашкевичу, жившему у деревни Редута, а от него к Чернявскому и у него пряталась”.⁹⁰

Узников маленького гетто местечка Лынтупы расстреляли 22 декабря 1942 года, а смерть приняли в тот страшный день 93 человека. Об этом написано на камне, что установлен на братской могиле. В Лынтупском Совете сохранился список погибших:

1. Сондак Давид Хаймович
2. Сондак Соня
3. Гилинский Антон Давидович
4. Гилинская Соня
5. Гутман Моисей Липович
6. Гутман Ревка
7. Гилинский Абрам Давидович
8. Гилинская Тайба
9. Гилинская Соня Абрамовна
10. Гилинская Бася Абрамовна
11. Рудницкий Иосиф Аронович

12. Рудницкая Любовь
13. Ходеш Зелда
14. Чернецкий Пиня
15. Чернецкая Хана
16. Чернецкий Лева Пинович
17. Чернецкий Абрам Пинович
18. Левин Буня
19. Левина Рахилья
20. Левина Циля
21. Хармач Шпринца
22. Хаймович Борис Шмулович
23. Хаймович Янкель
24. Хаймович Шмуила
25. Шапиро Ханна
26. Шапиро Израиль
27. Рудницкий Пиня
28. Рудницкая Хана
29. Рудницкий Арон
30. Рудницкая Соня
31. Сондак Люба
32. Сондак Абрам Хаймович
33. Сондак Соня
34. Лынтуп Шмуил
35. Лынтуп Малка
36. Лынтуп Зорах Янкелевич
37. Пошименский Хаим
38. Пошименская Паша
39. Лейзерович Цива
40. Лейзерович Лейба
41. Лейзерович Белла
42. Ханчинская Люба
43. Манцкин Борох
44. Мацкина Реня

45. Маубер Липа
46. Маубер Борис
47. Дименштейн Мотка
48. Рудницкий Мендель
49. Явич Мотл
50. Явич Белла Мотловна
51. Сарафан Янкель
52. Сарафан Бася
53. Кацкович Лейба Давидовна
54. Кацкович Бася Лейбовна
55. Кацкович Эстер Лейбовна
56. Кацкович Хаим Давидович
57. Кацкович Итка Хаймовна
58. Кацкович Малка Ханмовна
59. Кацкович Давид Хаймович
60. Кацкович Мойша Хаймович
61. Кацкович Бася Хаймовна
62. Кацкович Хана Давидовна
63. Кацкович Мотка Хаймович
64. Кацкович Фейга Хаймовна
65. Хармач Зелде
66. Рейн Геша
67. Хармач Малка
68. Рейн Рива Яковлевна
69. Маубер Моисей Иосифович
70. Маубер Рахиль Янкелевна
71. Маубер Гирша Моисеевич
72. Гилинская Фейга.

Поставы

Давно, еще до войны, городок жил в атмосфере ощущения покоя, не нарушавшегося, казалось ничем. Евреи, составлявшие здесь немалую часть населения мирно соседствовали с белорусами, в воспоминаниях которых они запечатлелись добрыми и дружескими. Занятия евреев были самыми разными. От кузнеца и портного до дантиста и торговца. Существовала в Поставах и синагога. Как оказалось, здание это, выложенное красным кирпичом, и сейчас можно увидеть на улице Морозова. Правда, синагогой дом сей уже не является.

Жизнь людей была обычной. Как везде. Разве кто-нибудь мог предположить, что война утопит в крови судьбы тысяч людей. Реальность оказалась куда безжалостнее. Война – эта костлявая ведьма, принесла в своем мешке огромное и страшное горе многим. Из документа, составленного Чрезвычайной государственной комиссией 3 мая 1945 года и носящего название “Обвинительный акт” Гитлеровские захватчики ввели в гор. Поставы и Поставском районе режим кровавого террора и насилия. Это подтверждают свидетели, очевидцы злодеяний. Вот, что показал бежавший из-под расстрела в ноябре месяце 1942 года житель гор. Поставы Фейгель Я.Н. “В феврале месяце 1942 года немцы в гор. Поставы организовали для еврейского населения специальный лагерь в северной части города, который занимал 3 больших улицы, обнесенный специальным забором, колючей проволокой. Немцы содержали в этом лагере около 4 тысяч человек. Шеф жандармерии гор. Поставы Шмидт, комендант полиции Кезик и др. сообщники глумились над заключенными, морили их голодом, пытали и убивали их без всякого повода. На глазах мужей и

родителей насильовали молодых женщин и девушек и впоследствии садистски убивали их”.⁹¹

Вспоминает Григорович Юлия Антоновна, 1918 года рождения: “В годы войны на улице Браславской, теперь называющейся Ленинская, оккупантами было создано гетто, куда согнали всех евреев. Условия жизни там оставляли желать лучшего, а попросту жилось им очень плохо. Мы им сочувствовали, ведь помимо того, что люди, попавшие туда, никому плохого не сделали, они еще и жили столько лет с нами по соседству. Район гетто немцы обнесли забором из досок, натянув сверху колючую проволоку. Немецкие часовые круглосуточно несли охрану. Когда они видели, что кто-то хочет перебросить евреям еду, то начинали стрелять. Мой муж знал немца, при котором можно было передать пищу через забор. Он просто делал вид, что ничего не замечает. В гетто немцы создали еврейскую полицию и через нее контролировали ситуацию. Помню, что евреев водили на работу. (Какую точно или даже приблизительно сказать не может Г.В.). Спереди и сзади на одежде евреи носили шестигранную звезду желтого цвета. Ходили они только по проезжей части. Так как по тротуару передвигаться не разрешалось. Колесов Александр, офицер Красной Армии, попав в плен, поступил на службу к гитлеровцам. Они назначили его бургомистром. Колесов вымогал у евреев золото и говорил, что если они хорошо заплатят, то он сделает все для сохранения их жизни”.⁹²

Вспоминает Якубовская Татьяна Александровна, 1911 года рождения: “На нашей улице в годы войны находилось гетто. (Живет на ул. Ленинской. - Г.В.). В дома сюда переселяли евреев и поэтому нашу семью заставили некоторое время жить в еврейском доме на другой улице. Гетто обнесли забором из досок и охраняли. В гетто была

еврейская полиция. Видела также как евреев гоняли на работу. Какая это была работа не знаю, но шли они с метлами и лопатами. Да, еще евреи носили на одежде желтые звезды. Кстати, немцы, если видели броневетов, то им уже приходилось доказывать, что они не евреи.

Среди полицеев особенно усердствовал Ким Шалковский. Он издевался над евреями и расстреливал их”.⁹³

Вспоминает Тиско Мария Хасеньевна 1921 г.р.: “Хорошо помню, как немцы в городе создавали гетто. Евреи сами приходили к белорусам, татарам и договаривались, кто в чьем доме будет жить. Наша семья поменялась домом с евреем по фамилии Лившин. Он был пекарь, выпекал и продавал булочки. Евреев шедших в гетто колоннами гнали украинцы, бывшие на службе у немцев. Гетто находилось по правой стороне улицы Ленинской и на части улицы М.Горького. Гетто обнесли высоким дощатым забором, натянули колючую проволоку. Евреи с собой в гетто брали только то, что можно было унести в руках. Поначалу евреи носили на спине нашитое слово “юдэ”, а потом спереди и сзади нашитую желтую шестигранную звезду. Запрещали евреям ходить по тротуарам. Помню, что некоторые поставчане в гетто покупали за продукты кой-какие вещи. Евреи их продавали, чтобы хоть как-то прокормиться. Как-то с мужем случился сердечный приступ, так мой отец быстро привел доктора Гинзбурга. То ли его из гетто отпустили, то ли он в нем не был”.⁹⁴

Вышеприведенное свидетельствует о наличии гетто в Поставах. Оно появилось не сразу с приходом оккупантов, а лишь спустя некоторое время в феврале 1942 года. В акте ЧГК называются три улицы, а три свидетеля указывают на две, на которых существовало гетто. Улицы Ленинская и

Горького не вызывают вопросов, но вот была ли еще одна – пока загадка. Возможно третья - это улица Железнодорожная. Очевидцы вспоминают и факт присутствия еврейской полиции, что подтверждает наличие юденрата в гетто Постав, хотя кто его возглавлял автору не известно. Короткий срок существования гетто насыщен всеми атрибутами того мерзкого бытия, благодаря которому фашисты приближали кончину узников. Насилие, грабеж, убийства, голод – вот инструменты, препарировавшие тело еврейского народа. Садисты последовательно готовили финал трагедии

Григорович Ю.А.: “Расстреляли их, бедных, осенью 1942 года. Евреев погнали по улице к месту расстрела. Среди конвоиров были немцы, литовцы и местные. Одного еврея тянули за ноги, а голова его билась о мостовую. Мы даже боялись выглянуть в окно, так как озверевшие фашисты стреляли по окнам, если кого видели. Все время расстрела доносились какие-то нечеловеческие крики. Даже сейчас трудно поверить, что так жутко и страшно могут кричать люди”.

Якубовская Т.А.: “У соседей на огороде расстреляли несколько сотен евреев. Так там земля покраснела от крови. Когда убивали палачи заставили сначала выкопать яму, затем раздеться и сложить одежду на повозки, а уже потом стреляли”.

Вспоминает Голубей Ульяна Семеновна, 1923 года рождения: “Мой муж, видевший расстрел евреев, рассказывал, что убийцы бросали живых маленьких детей в яму, наполненную мертвыми и умирающими в агонии и залитую их кровью, а после засыпали землей”⁵.

Тиско М.Х.: “Расстреливали евреев осенью. Расстреляют одну группу жертв и тут же гонят другую. Расстреливали всех у ямы за железной дорогой (территория современно

ДРСУ-132. - Г.В.). После расстрела искали еще евреев, которые прятались где-то. Всех обнаруженных расстреливали в огороде Якова Якубовского. Немцы сожгли много домов в гетто, где по их мнению прятались евреи. После войны Гендель, спасшийся от расстрела, рассказывал, что люди догадывались, что их будут убивать и поэтому готовили себе “схованки”. В основном это были двойные стенки. В день расстрела каждый думал, что сегодня евреев убивают, а завтра могут всех нас. Несколько дней люди приходили в себя”.

Из акта Чрезвычайной Государственной комиссии от 3 мая 1945 года: “В ноябре 1942 года под руководством немца Шмидта было произведено массовое истребление еврейского населения, находящегося в лагере, путем расстрела, те, кто не выходил из помещения, были заживо сожжены в домах, как например: сожжена моя семья (свидетельствует Фейгель Я.Н., спасшийся от гибели. Г.В.) из 7 человек и вместе с ними 20 человек других жителей. Заключенных заставляли бежать к ранее подготовленной могиле, а по бежавшему стреляли из автоматов и пулеметов. У убежавшей гр-ки Вайнер фашистские изверги выхватили из рук 5-ти месячного ребенка и на ее глазах разорвали его, а самой Вайнер поотрезали груди, выломали руки, ноги и расстреляли. Расстрелянных на улицах и огородах гетто по распоряжению немца Шмидта стаскивали в могилу, цепляя проволокой за ноги и голову, что и подтверждалось при вскрытии могилы. Эти факты зверства фашистов находят свое подтверждение в показаниях других опрашиваемых лиц, как то, Адамович В.Л., Фридман Р.Х., Рохман Ф.Л.”.

Доподлинно известен день казни Поставского гетто – 21 ноября 1942 года. Места захоронений находятся на улице Ленинской. Первое, более крупное, где предположительно

покоится прах около 4000 евреев, находится во дворе ДРСУ-132 по улице Ленинской, 204а. Второе существует также на названной улице по нечетной стороне, ближе к середине улицы, и там, как считают очевидцы, погибли примерно несколько сотен узников гетто.

Вышеназванное подтверждает факт убийства заключенных в гетто в двух разных местах. Среди выживших в этом кошмаре упоминают Генделя Шнеера Рахмелевича, убежавшего в тот самый день и спасшегося таким образом. В дальнейшем он был в партизанах, а после воевал в рядах Красной Армии.

Интерес исследователя не может не вызвать свидетельство Тиско Марии Хасеньевны о вооруженном сопротивлении евреев во время карательной акции фашистов. Как выглядело это? Была ли боевая организация в гетто? Истину установить не удалось, да и подробности тоже.

Жуткая картина людского страдания предстала перед нами. Нельзя допустить повторения подобного.

Местечко это расположилось на севере Витебской области, совсем недалеко от границы с Россией. Когда-то до войны здесь жили евреи. Сейчас их уже там нет. Еврейское население Россон, Юхович, Горбачево, Клястиц, Альбрехтово, Заборья заточенное в гетто полегло в землю, растерзанное палачами. Обращаясь к памяти людей, ставших поневоле очевидцами трагедии, мы идем путем восстановления произошедшего полвека назад.

Вспоминает Воротынская Вера Эдуардовна 1919 г.р.: “Осенью, примерно в конце сентября – начале октября евреев из Юхович, Альбрехтово, Клястиц и других мест согнали в Россоны, разместив в здании КБО, в швейных мастерских”.⁹⁶

Вспоминает Демьяненко Мария Исааковна 1916 г.р.: “Гетто находилось неподалеку, метрах в пятистах от нашего дома. Евреев свезли сюда из Клястиц, Юхович, Альбрехтово, Горбачево”.⁹⁷

Россонское гетто появилось в сентябре-октябре 1941 года на улице Советской. В нем по воле судьбы оказались евреи из нескольких населенных пунктов в том числе 8 семей в количестве 33 человека из Польши, проживавших с 1939 года в Юховичах. Жилось им те несколько месяцев существования гетто несладко.

Вспоминает Савиткова Полина Николаевна 1918 г.р.: “Мы жили по другую сторону россонского озера, в Синицах и хотя это далеко от улицы Советской, но и к нам приходили евреи, просившие есть. Помню отчетливо знакомого шорника из Альбрехтово (имени и фамилии не помнит. Г.В.) На рукаве у него была повязка с желтой шестигранной звездой, которую снимать опасался. (Опасения объяснялись довольно просто. Только

послушание позволит дожить до освобождения. Никто не помышлял о смерти. - Г.В.). Рассказывал, что на работу их никуда не гоняли”⁹⁸

Демьяненко М.И.: “Детям из гетто как-то удавалось выбираться оттуда, подползая под колючую проволоку. В наш дом приходили совсем изможденные дети Плискиных и просили кушать. Они говорили, что люди в гетто голодают”.

Воротынская В.Э.: “Сначала из гетто узников выпускали. Они разбрелись по хатам и просили есть. У нас на квартире до войны жили Хитровы. Роза и Абрам часто приходили. Сердце не камень. Их вид приводил нашу семью в смятение. Конечно мы старались их накормить, хотя у самих было негусто. Припоминается, что на рукаве они носили повязки с желтой звездой. Как то ко мне пришла подруга Вера Рабинович с просьбой о содействии и спасении. Муж ее Терехов не был евреем и находился на фронте, а она почему-то сохранила девичью фамилию. Самое простое как показалось тогда – это сменить фамилию. Сняв с нее повязку со звездой вдвоем мы отправились в комендатуру. (В Россонах их было три. - Г.В.). В первой знакомая женщина отказалась нам помочь. Не выдала и на том спасибо. Во второй бургомистр Рогач, в прошлом учитель, конечно знал нас. Он то и вручил Вере справку на фамилию мужа, что позволило ей уйти домой в Прохорово”. Довелось вновь обретшей свободу Вере Тереховой-Рабинович увидеть гибель собственной матери. Начальник полиции Щербаков, арестовав старушку, конвоировал ее в Россоны. Ехал он на лошади, а мать Веры передвигалась сама по себе, при отсутствии гужевого транспорта. Видно зверю было некогда и не долго думая, тот загнал старуху в картофельную яму и застрелил. Факты наличия в гетто юденрата и грабежей изуверов не

установлены. Условно, маленькую историю гетто, можно разбить на два периода. Первый более “мягкий” режим содержания длился с конца сентября до декабря месяца, а второй – жесткий с декабря 1941 года до последнего дня гетто.

Воротынская В.Э.: “Примерно с декабря из гетто на Советской перестали выпускать евреев”.

Савиткова П.А.: “Уже когда снег выпал, евреи перестали приходить за едой. Не знаю, что там с ними было, но из гетто никто не выходил”.

Усилив, таким образом, контроль за узниками, фашисты готовились к финальной сцене этой драмы. Близилась развязка.

Савиткова П.А.: “Кажется 7 января 1942 года вечером, а зимой темнеет рано, нам послышалось, будто духовой оркестр играл. Это только показалось. Правда, потом были слышны и выстрелы. Поначалу мы думали немцы что-то празднуют. Назавтра все стало ясно. Расстреляли около 500 евреев”.

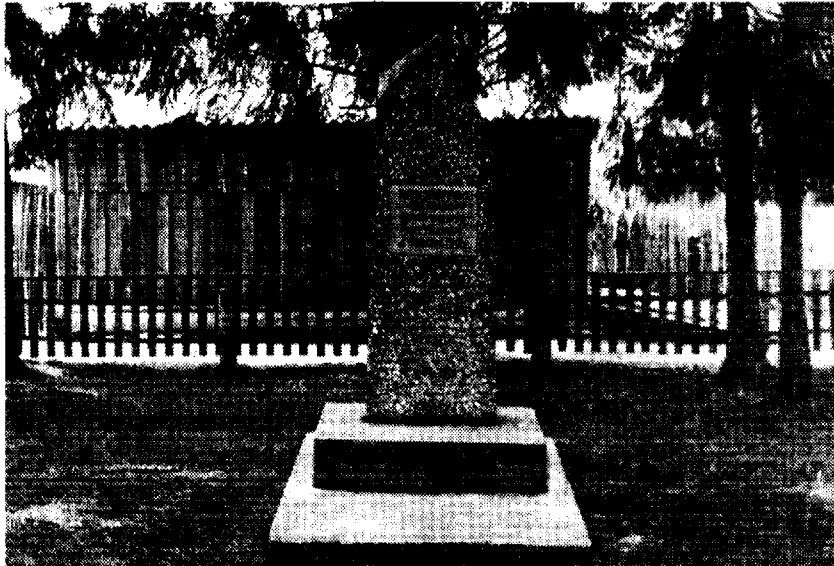
Демьяненко М.И.: “Самым тяжелым и страшным стал для нас день расстрела. Был вечер. Четыре или пять часов. Мы услышали плач и крики людей. Оказалось, строили в колонну евреев. Затем их повели на окраину местечка. Вскоре послышалась стрельба. Стреляли довольно долго. Стало понятно, что произошло. Я поутру побоялась идти посмотреть. Ходила Ольга – жена моего брата. То, что она увидела, потрясло ее. Ужасное зрелище. В песчаном карьере были свалены убитые”. Казненных людей даже не засыпали. Масса евреев шевелилась и издавала, леденящие душу, стоны. Россонское гетто приняло мученическую смерть. Гитлеровская машина уничтожения выполнила свою изуверскую работу.

Известны две попытки избежать общей участи и

спасти.

Воротынская В.Э.: “Абрам Хитров, юноша только что до войны закончивший школу, убежал до расстрела и спрятался где-то в бане. Хозяин ее нашел Абрама и выдал немцам. Те тут же его расстреляли, как и Авсея из Горбачево, пытавшегося спрятаться”:

Вера Эдуардовна также объяснила причину того, что евреи не убежали из гетто. Следует правда оговориться. Это ее версия, основанная на беседах с заключенными гетто. Так вот. Приходившие евреи ни о каких зверствах и издевательствах немцев не рассказывали. Все они втайне надеялись, что их минует горькая участь.

Россоны. Здесь покоится прах Россонского района.

Демьяненко М.И.: “После войны приезжал один еврей и заходил в наш дом. Он работал раньше заготовителем. (Имени и фамилии она не помнит. - Г.В.). Рассказал, что когда всех расстреливали ему повезло и он даже не был

ранен. Притворившись мертвым и пролежав среди трупов ночь, он утром выбрался. Где прятался, как спасался, не сказал, да мы и не спрашивали”.

Подводя черту надо очевидно проанализировать показания свидетелей по дате расстрела. Ясно, что трагедия произошла в январе. Было ли это седьмого? Возможно. Других чисел не называлось. В запись на памятнике, установленном на месте гибели гетто вкралась ошибка. Указан февраль, но гетто приняло смерть в январе. В этом месяце ушли в небытие 488 узников Россонского гетто.

Холокост в Сенненском районе

Богушевск.

Местечко это будто разрезают надвое две магистрали: железнодорожная и автотранспортная. Они и придавали когда-то в пору мира населенному пункту особое состояние движения. Война не приостановила движение, а лишь изменила окраску его. Зловещим оно стало, ибо с ним связывалось перемещение врагов-оккупантов. Ничего хорошего не случилось с их приходом. Лишь смерть поселилась здесь. Из акта Чрезвычайной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 26 июня 1944 года: “Немецкими извергами 5 сентября 1941 года было зверски расстреляно более 70 евреев и русских. Среди расстрелянных 10 грудных детей”.⁹⁹

Вспоминает Гарнак Мария Тимофеевна: “К приходу немцев почти все евреи эвакуировались и в Богушевске их осталось немного”.¹⁰⁰ Свидетельствует Шерстнев Николай Васильевич: “В октябре 1941 года я бежал из плена и, не рискнув вернуться в Богушевск, пришел в деревню Ворошилы, что в 4 километрах от местечка. Там мать друга – Карпович (имени не помнит. - Г.В.) рассказала, что в августе 1941 года в Богушевске расстреляли всех евреев”.¹⁰¹

Гарнак М.Т.: “Гетто в Богушевске никакого не было, потому что немцы уже в августе 1941 года стали собирать евреев на расстрел. Помню как мимо нашего дома вели еврейскую семью – старого часового мастера с женой. Он был без обуви в носках, видно одеть не дали. Расстрел я не видела, но говорили, что убили шестьдесят евреев”.

Из воспоминаний Быкова Ивана Анисимовича: “47 евреев и 2 русские семьи в августе 1941 года расстреляли в

яме у молокозавода. Белорусских мужчин и подростков (среди них и его. - Г.В.) согнали со всего местечка и заставили смотреть. Немцы производили расстрел из двух пулеметов, а потом тех, кто остался жив, добивали. Одному мальчику удалось убежать, остальные погибли”.¹⁰²

Гарнак М.Т.: “После этого расстрела евреев в Богушевске не осталось. В мирное время останки погибших переложили в черные гробы и перевезли в центр поселка в парк, где перезахоронили и установили памятник”. Кстати на памятнике ни дата расстрела, ни количество погибших не указаны. Факт отсутствия гетто подтверждает и Сас Дмитрий Митрофанович. Вместе с тем следует определить количество расстрелянных евреев. Исходя из показаний свидетелей более вероятна цифра шестьдесят.

Сенно

Затерявшееся среди лесов местечко называли еврейским, уже и потому, что большую часть населения составляли евреи. Неудивительно, что в Сенно насчитывалось шесть синагог. Вспоминает Хейфиц Хаим Исаакович, 1909 года рождения: “Четыре деревянные синагоги, в том числе, самая большая из шести находилась на улице Пушкина. Еще одна располагалась на Голынке (сейчас ул. Мичурина). На улице Первомайской стояла особая синагога, которую посещали приверженцы Любавичского Ребе. До середины 20-х годов раввин Иткин оставался единственным священником в местечке. После запрета на его деятельность за синагогами присматривали старосты. Помню, только двоих из них – это Черняк Арон и Хейфиц Арон. Все праздники проводились дружно, весело, с соблюдением традиций”.¹⁰³

Трудились евреи, в основном, ремесленниками, и

специальность переходила от отца к сыну. На смену одному поколению приходило другое в семье портных Боянских и у кузнецов Шмидтов. Подобные наследственные связи были визитной карточкой сапожников Кренделевых и плотников Дапиных. Как случается часто в жизни, хорошее и доброе уходит, уступая место зловеще-скорбному. Оно вошло в местечко войною, неся людям смерть через боль и страдания. Оккупанты выделили сразу еврейское население, пометив желтыми знаками на одежде. Унизительность подобной процедуры обсуждать ни к чему, тем более что все ясно и так. Следует, очевидно, отметить другое. Свидетели расходятся в определении формы нашивок. Головинова Ираида Савельевна, 1912 г.р., рассказала о шестигранных звездах, в то время как Шлапакова Вера Степановна, 1927 г.р. хорошо помнит круглые нашивки. Впрочем, важен сам факт желтых знаков, и он установлен.

Из протокола от 8 сентября 1944 года г.Сенно: "... в Сенно всех евреев загнали в "гетто", т.е. отделили их от остального населения на край г.Сенно по улице Голынка не дав им никакого права для существования. По 45-50 человек вселили в одно помещение, где задыхались от тесноты и грязи. Затем все продукты и одежда, ценные вещи, были отобраны, для того чтобы их уморить с голода и холода. Каждому человеку нашили на рукава желтые повязки".¹⁰⁴ Благодаря Дунец Марии Евдокимовне существует возможность установить дату появления гетто, считавшей, что сие произошло где-то в начале сентября или конце августа 1941 года. Шлапакова В.С. указала, что домов в гетто было девятнадцать, и это она хорошо помнит. Автор склоняется к тому, что утверждение Веры Степановны верно, ибо оно основано на точном знании. Вспоминает Синицкая Екатерина Ивановна, 1923 г.р.: "До войны мы

полицай и приказали нам освободить дом. Пришлось переселиться в подвал двухэтажного здания на улице Октябрьской".¹⁰⁵ Шлапакова В.С.: "Дома, из которых состояло гетто, пометили желтыми крестами, наклеенными на окна. Здания, не входившие в черту гетто, отметин на окнах не имели".¹⁰⁶ Синицкая Е.И. припомнила, что это светомаскировка, оставшаяся еще с дооккупационного периода. По мнению автора, фашисты подобным образом выделяли дома с согнанными туда евреями для лучшего контроля.

Из протокола от 8 сентября 1944 года г.Сенно: "Первый метод уничтожения еврейской нации был следующий: За опоздания на работу немцы расстреляли 12 человек, фамилии которых не известны. Это было 16/X-1941 года. Второй варварский акт был тот, что за отсутствие в домах светомаскировки расстреляли 7 человек. Это было 27 ноября 1941 года". Две приведенные акции фашистов свидетельствуют только о том, что изуверы не пытались скрыть свои намерения, проигрывая в мыслях финальную сцену происходившей трагедии. В сенненском гетто действовал юденрат, который возглавлял директор СШ № 1 Свойский Самуил Давидович. Вспоминает Дунец М.Е.: "Осенью 1941 года недалеко от того места, куда немцы согнали евреев, я встретила Свойского Самуила Давидовича. Хорошо помню нашитую у него на пиджаке сзади шестигранную звезду. Он сразу стал просить меня спрятать своих девочек-близнецов, а о себе говорил, что старший в гетто и его, поэтому не расстреляют. К тому времени в нашем доме в деревне Савиничи уже укрывался мой одноклассник Самуил, а семья у нас большая была: семь детей. Я сказала, что жаль мне их, да ничего не поделаешь – еще двоих прятать не сможем. Боялись, ведь всех могли расстрелять за это. Предложила ему, чтобы

уходил к партизанам, находящимся у деревни Бубылы, после чего мы расстались”.¹⁰⁷ Головинова И.С.: “Немцы распространяли в Сенно листовки, в которых говорилось: “Бери хворостину и гони жида в Палестину”.”¹⁰⁸ Сеницкая Е.И.: “Евреи ходили по местечку, просили еду. Это происходило перед расстрелом, потому что раньше были еще вещи для обмена”.

Из протокола от 8 сентября 1944 года г.Сенно: “Самый террористический акт, который сохранился в памяти всех жителей Сенно. Это было 30 декабря 1941 года. 29/ХІІ-1941 года в город Сенно прибыли отряды “СС” и совместно с полицией окружили улицу “Голынка”, где находилось еврейское население. Всех евреев выгнали с домов на улицу, где им было объявлено, что будем отправлять вас в Оршу на работу. Затем группами по 40 человек стали отправлять в сторону от города, по направлению села Козловка, где заранее были приготовлены ямы. Живыми загоняли их в ямы, а тогда приказали ложиться. Таким путем было расстреляно 965 человек. Расстрелы продолжались с 8 часов утра до 2-х часов дня. Расстреливали взрослых, а детей покидали живьем”.

Хейфиц Х.И.: “Рано утром евреев из гетто подняли каратели. Некоторые еще спали, потому не успевших одеться, их выталкивали на снег босиком. Расстреливали и торопились, потому что боялись партизан. В лесах недалеко от Сенно находилась боевая группа, созданная братьями Эхштейнами: Борухом и Берлом. В нее входили Фридман Анцель, Фридман Шлема (полный Георгиевский кавалер) и Хейфиц Айзик. Последние двое бежали из гетто. Кто там еще был, не знаю. Потом эта группа вошла в состав партизанского отряда”. Головинова И.С.: “Дочь зав. аптекой Лозинского врач – молодая была и красивая. Когда евреев вели на расстрел, она кричала и плакала: “Я молодая

и хочу жить”. Шестилетняя внучка Сендера Клаза Валя умоляла фашистов: “Не стреляйте. Мой папа русский”. Никто ее не слушал. Погибла маленькая”. Уничтожив гетто, изуверы развернули охоту на прятавшихся и детей от смешанных браков. Так у Мельциной Христи Ивановны отобрали ее детей от мужа-еврея и убили. Сеницкая Е.И.: “У моего родственника Пшигоцкого была жена – еврейка. После расстрела еврейского населения Сенно ее с сыном прятала тетка мужа. Кто-то выдал, и их забрали немцы. Что с ними стало, неизвестно, наверное убили”.

Существует путаница в датах. Когда проводился расстрел, 29 или 30 декабря. Непонятно. Также по Сенненскому гетто следует уточнить число погибших евреев. На памятнике указана цифра 800, в протоколе от 8 сентября 1944 года 965 расстрелянных. Сюда необходимо добавить прятавшихся и детей от смешанных браков. Вполне реальна численность одна тысяча или немногим более. Мир их праху!

Гетто Толочинского района. Коханово.

Это местечко с лирическим названием жило жизнью, упоенною покоем мирного времени, не утяжеленного народным бедствием. Еврейское население отдавало предпочтение ремеслам и соответственно сосредотачивало свои усилия в сапожной, портняжной, плотницкой, мясницкой сферах деятельности. В помыслах и поступках людей не было ничего от войны, которая незамедлительно напомнила о себе, наполнив все и вся огромно-зловещим горем. Оно внезапно вкатилось в местечко, разделив население на белорусов и евреев, которых уже в сентябре 1941 года согнали в гетто на улице Оршанской. Причем помимо еврейского населения Коханово здесь были размещены и евреи деревни Галошево Толочинского района. Половину улицы Оршанской на всем протяжении огородили колючей проволокой и забором, запретив местному населению приближаться к территории гетто. Василевский Георгий Петрович вспоминает: “К нам приходила дочь Луцкина, и мой отец предлагал ей спастись, отправив в деревню Заборье, где находились партизаны, но она не согласилась. Приходила она к нам за солью, которую мы выпаривали из удобрений. В сентябре 1941 года ее родителей расстреляли”.¹⁰⁹ Часть узников не проявляла безропотности и покорности судьбе, и потому за оказание сопротивления немцам были расстреляны 15 евреев из числа молодежи. Была в гетто отчаянная голова – еврей по фамилии Гиль, убежавший из гетто несколько раз, однако местное население Коханово отказывалось его прятать, опасаясь, очевидно, возмездия оккупантов. Нетрудно догадаться, что звери в человеческом обличе создали в гетто такие условия жизни, что его узникам уже

и сама смерть казалась избавлением, а местное население, проведая о “прелестях” существования бывших своих соседей, назвало это гетто “вторым Берлином”.

Вспоминает Соловьева (Соловей) Эсфирь Израилевна 1922 г.р.: “В гетто Коханово были моя мама Маша Тевелевна, две сестры: восемнадцатилетняя Лиза, Фаина двадцати семи лет с полуторагодовалым сыном и пятнадцатилетний брат Меер, родственники: Соловей Меер, его жена и трое детей, Рубинштейн Лев, Жена, сын, дочь Рыся, двое внуков. В 1945 году я приезжала в Коханово и беседовала со знакомой нашей семьи с довоенных времен Лалчинской Анной Ивановной. Она рассказывала, что брат мой Меер убежал из гетто. Немцы всячески издевались над семьей и допытывались где беглец. Так и не добившись ничего они еще до массового расстрела убили моих родных рядом с мельницей, что у реки. В день гибели всех вывели из гетто и повели к месту казни строем. Одежду снимали только хорошую и всех не раздевали. Расстреливали партиями. Убив одну, приводили следующую. Анна Ивановна говорила об ужасном случае, когда один из полицаяев самолично убил трехлетнего ребенка своей родной сестры от мужа еврея”.¹¹⁰

От воспоминаний перейдем к архивным документам.

“Акт № 6 1945 года 21 февраля, мы нижеподписавшиеся Председатель Кохановского с/с Романкевич Е.Н., секретарь с/с Калиновский В.М., уч.уполномоченный Толочинского РОНКВД Епифанов М, председатель к-за “Правда” м.Коханово Кизева П.М. и Лобасевич, составили настоящий акт в нижеследующем: “...во втором лагере находились гр-не около 300 человек по национальности евреи, где гр-н в лагере кормили очень плохо, избивая их палками и издеваясь всякими способами. В 1942 г. в январе месяце в последних числах немцы из карательного отряда

стали водить группами под охраной примерно по 30-40 человек расстреливая взрослых и кидая детей живыми в яму, между м.Коханово и проходящей железной дорогой около еврейского кладбища. Яму для расстрелянных подготовили наши военнопленные, путем подрыва взрывчатыми веществами, и зарывали расстрелянных по приказу немцев мирное население м.Коханово. Фамилия имя отчество расстрелянных нижеследующие:

- Котков Артем со всей семьей – 5 душ
- Мирсон Феликс со всей семьей – 6 душ
- Свинкина Рива со всей семьей – 5 душ
- Свинкин Шая со всей семьей – 4 души

и так дальше расстреляно 228 человек не включая более 20 человек Оршанского и других районов”¹¹ Погибло судя по документу приблизительно более 250 человек, принявших смерть в конце января 1942 года. К вышеприведенной скорбной цифре следует приплюсовать и евреев, казненных до массового убийства. Примерно 300 еврейских загубленных жизней составляют кровавую арифметику хозяйничанья фашистов в Коханово.

Обольцы

Период мира и покоя в местечке был наполнен праздниками и трудовыми буднями. Трудились же евреи, в основном, в колхозе “Свобода”, где председателем был Иофик Семен Яковлевич.

Война, разрушив спокойное течение жизни, обрекла людей на муки и страдания, заточив их в узилище под названием гетто. Произошло же это 14 августа 1941 года. Приблизительно 25-30 семей, где-то около 150 человек, были поселены в школе, состоявшей из двух одноэтажных домов. Гетто охранялось полицией. Евреи носили повязки

с желтой звездой. Работать принуждали мужчин и женщин, начиная с 13 лет, как правило, они очищали дороги, работали в пекарне, убирали казармы. Старостой был Борис Этин. По утверждению Анны Семеновны Иофик, в окрестностях местечка Обольцы велись бои, и после отступления Красной Армии осталось оружие, которое собирала и прятала молодежь. 5 марта в оболецком гетто стало известно о расстреле евреев местечка Смольяны Оршанского района. Вспоминает Иофик А.С.: “Решение о побеге пришло немедленно. Ждали полуночи. Затем около 60 евреев, которыми руководил Иофик Семен Яковлевич, вышли из школы и предложили полицая по фамилии Линич выпустить их, а когда мы добежим до леса, он может стрелять в воздух. В противном случае, - сказал Семен Яковлевич – будем применять оружие. У Якова Иофика и Левина Арона были винтовки”¹²

Представляет интерес и тот факт, что через несколько дней из гетто выкрали Раю Свистунову, которой было тогда 4 года, а спас ее, таким образом, 16-летний брат Леонид. Из письма Когана Леонида Борисовича: “В августе 1941 года всех евреев местечка Обольцы немцы согнали в гетто, в том числе и нашу семью. В марте 1942 года нам удалось уйти в лес и позже влиться в ряды партизанского отряда Гудкова. В гетто погибли наша мать Коган Ева Самуиловна и две сестры: Аня шести лет и четырехлетняя Люба”¹³ Бежавшие из гетто находились некоторое время в лесу, а затем часть людей переправили за линию фронта. Все оставшиеся приняли участие в партизанском движении. В бригаде Леонова воевали: Левин Арон, Свистунов Леонид, Амбург (имя не установлено), которые погибли в бою, Коган Леонид, Левина Полина, Иофик Анна, Свистунова Анна. В бригаде Заслонова: Левина Женя, Иофик Вера, Аврутина Валя, Каган Гирш (погиб в бою). В конце мая –

начале июня 1942 года фашисты расстреляли оставшихся в гетто Обольцы около ста евреев.

Оболецкое гетто погибло. Но многие спаслись. Чего стоит массовый побег узников в марте 1942 года. Борьба узников гетто за жизнь и их избавление от смерти несколько притупляют боль, ранившую сердце.

Славное.

До войны в местечке проживало немало евреев, сосредоточенных в основном на трех улицах. Работали они, как правило, сапожниками, портными, столярами, бондарями, извозчиками. Была в местечке и еврейская сельскохозяйственная артель. До 1933 года в Славном действовала синагога. Вспоминает Борода Мария Павловна 1922 г.р.: “В деревянном двухэтажном здании находилась синагога. Мужчины обычно молились на первом этаже, а женщины на втором. Раввин помимо дел в синагоге еще и резал кур”¹¹⁴

Вспоминает Погорелая Вера Григорьевна 1927 г.р.: “Родители наши сохраняли еврейские традиции и довольно часто посещали синагогу. В местечке синагога была одна. То деревянное двухэтажное здание, располагавшееся на улице Толочинской помню весьма отчетливо. Мои старшие сестры и братья закончили начальную еврейскую школу”¹¹⁵. В 1937 году закрылась семилетняя еврейская школа, существовавшая около двадцати лет. Тишина мирной жизни. Не о ней ли с болью в сердце вспоминали жившие в местечке евреи, когда на них обрушилась всей тяжестью война, втоптавшая в грязь судьбы людей.

Борода М.П.: “Я училась в Минске. После того, как узнала, что началась война, вернулась в Славное. Здесь увидела немецкий десант, хозяйничавший всюду. Меня

немец отпустил, потому что за меня просила Проколова Агафья. Ничего не осталось делать, как бежать в сторону леса у местечка Круча. В лесу было около ста евреев из Славного. Они не знали, что делать. Перед ними тогда выступил Шпунт Шолом и сказал, что немцы нам ничего не сделают, надо возвращаться. И после этого все сели на повозки и вернулись в местечко”.

Вспоминает Погорелая В.Г.: “С первых дней войны Славное бомбили. На восток непрерывно шли поезда с беженцами. Наша семья могла уехать, однако мои родители помнили немцев по гражданской войне и посчитали, что те относиться к евреям будут не хуже чем раньше. Старшая сестра Люба все же убедила их уехать, но это произошло слишком поздно. Далеко уехать не удалось. Фашистская армия перекрыла путь к спасению. Пришлось возвращаться домой. 6 июля немцы ворвались в Славное. Сразу стали хватать мужчин. Папа прятался в погребе и потому спасся”. 9 июля 1941 года было создано гетто на улице, которая носила название Толочинская. Здесь в нескольких домах, приблизительно, по три семьи в каждом, разместили 143 человека. Гетто охранялось полицией, а те, кто находился в нем, носили повязки с желтой звездой. Действовал комендантский час, запрещавший появляться на улице вечером. Взрослые, как мужчины, так и женщины, привлекались к разным работам.

Об отношении к узникам-евреям гетто местечка Славное свидетельствует выдержка из протокола № 41А заседания исполкома Толочинского райсовета депутатов трудящихся от 31 августа 1945 года: “Во время немецкой оккупации гражданин Пашковский работал охранником немецкой комендатуры, занимался систематическим грабежом еврейского населения”¹¹⁶

Извергам доставляло удовольствие возможность

издеваться над евреями. Шолома Шпунта, того самого оптимиста, говорившего, что немцы нам ничего не сделают, эти самые немцы запрягли в телегу и заставляли ее таскать.

Из письма Беленькой (Фриндланд) Любови Григорьевны 1918 г.р.: “9 июля 1941 года евреев согнали в гетто. Наша семья оказалась в старой лачуге довольно маленькой, куда еще втиснули кроме нашей две семьи”¹¹⁷

Вспоминает Ермолович Ольга Васильевна 1925 г.р.: “9 июля 1941 года немцы образовали гетто в местечке Славное на улице Толочинской. Сюда согнали всех евреев. Домики были малые, но в них селили по несколько семей. Люди жили в большой тесноте. Днем всех евреев принуждали работать. Обычно ремонтировали дороги, заготовливали дрова, топили печи. Девушки делали уборку в казармах. Находившихся в гетто совсем не кормили. От таких условий жизни люди болели. Распространилась эпидемия сыпного тифа. Белорусские медики приходили тайком в гетто и лечили людей. Моя мама Гарбацевич София Куприяновна, до войны работавшая акушеркой в роддоме, часто ходила в гетто ночью, чтобы немцы не узнали.

В июле 1941 года расстреляли члена местечкового совета Портного Ефима. Немцы заставляли его брать горячие угли из печи голыми руками, а затем отвезли в Толочин и расстреляли. Дочь его Анна во время расстрела убежала”¹¹⁸

Из письма Беленькой Л.Г. “25 августа 1941 года я вернулась с ребенком и свекровью в Славное, где мы прожили до 16 марта 1942 года. Вы спросите, чем мы питались? Моя внешность позволяла мне выходить из гетто без опасений быть схваченной, ибо немцы обращали внимание на брюнетов. Я же была светловолосой. Помню ходила по деревьям и просила еду. Кто хлеб даст, кто

картошку, а кто и молока для ребенка. Кое-что меняла на вещи. Так мы это время и прожили полуголодные”.

Из воспоминаний Погорелой В.Г.: “После приказа, вышедшего из под пера оккупантов, всех евреев переселили в гетто. Под него отвели часть улицы Толочинской. Оттуда выселили белорусов и в каждый дом вселили по несколько еврейских семей. Наша семья оказалась в половине маленького приземистого дома. Половина эта состояла из одной 12 метровой комнаты и маленькой полутораметровой прихожей, которая служила и кухней. Печь топилась из прихожей и занимала еще солидную часть комнаты. Нас пятеро теснилось в той каморе с семьей, состоявшей из четырех человек. Они спали на кровати, а мы на нарах и печке. Гетто огородили с одной стороны колючей проволокой, а с другой оно выходило в поле без ограждения. За евреями устанавливался надзор из числа полицейских. Староста Трибуль неплохой человек был. Поговаривали, что именно благодаря его усилиям евреи Славного дожили до марта 1942 года. Не увидел он светлого дня победы. За связь с партизанами убили старосту немцы. Став узниками гетто мы вынуждены были нашить на одежде сзади желтый тряпичный круг. Общая численность заточенных в гетто составляла 143 человека. При переселении в эту тюрьму-гетто нашей семье не удалось взять с собой нажитое годами имущество. Только немного посуды, одежду, которую пришлось надевать на себя и желательно побольше. Кое-что несли, упакованное в узлы. Вещи намгодились потом. Старшая сестра Люба абсолютная блондинка умудрялась выходить из гетто и менять вещи на продукты. В основном это были картошка и хлеб. Жили впроголодь, побирались. Правда, во дворе дома был колодец и воды хватало, даже мылись. К “прелестям” жизни в гетто относилась и трудовая

повинность. Все взрослое население и дети от 10 лет привлекались к работе. Мужчины занимались более трудоемкой деятельностью, требующей порой сверхусилий. Дети собирали шишки сосновые и еловые в лесу для отправки на семена в Германию. Норма установлена была большая и работали, поэтому, от темна до темна. Зимой людей привлекали к расчистке снега на магистральной Москва-Минск. Снега наметало много и его приходилось укладывать по обочине дороги. Подобная работа и для взрослых нелегка, а что говорить о детях. Немцы, наблюдавшие за евреями, по любому поводу били. Мы находились как в вакууме. Никакой связи с внешним миром не было. О гибели узников в гетто в других населенных пунктах мы узнавали от чудом спасшихся и бежавших через Славное евреев. Возникает вопрос: “Кому нужна такая жизнь и почему бы не убежать? Конечно. Бежать из гетто можно было, однако за побег лишь одного расстреляли бы всех. Разве кто-нибудь мог ради призрачного спасения своей жизни жертвовать остальными, а ведь пока жив человек он надеется, что будет жить. Так мы и жили до 16 марта 1942”.

День гибели. Его тщательно готовили палачи, изнемогавшие от желания убивать. Их воле суждено было свершиться.

16 марта 1941 года гетто местечка Славное прекратило свое существование. Приблизительно сто сорок его обитателей были расстреляны в яме недалеко от деревни Глиники. Многих закапывали живыми. Двух сестер Равич прятали в деревне Яблонька, но кто-то донес, и их убили на том же месте, где и остальных. Праведник мира Стасевич укрывал до окончания войны двух детей Сироткиной Марии. Низкий ему поклон.

Вспоминает Ермолович О.В.: “Избежать расстрела

удалось Фридлянд Вере, Фридлянд Любе, Иткиной Ане, Рожкинд Дусе. Портной Ане. Спаслись также Гуткин Моисей, Шпунт Семен, работавшие в деревне Загорье в кузнице. Эти двое ушли к партизанам, а после войны вернулись в Славное. Когда расстреливали семью Портных их мать закрыла платком шестерых своих детей, чтобы те не боялись. Так и приняли смерть. Гуткины Хая и Ефим сбежали, но их все же поймали. Брат и сестра шли на казнь обнявшись и при встрече знакомых прощались с ними. Оставшихся в живых после расстрела, вернее раненых, немцы добивали. Так погиб Попков Янкель. Его сестра Мэра, убежав от расстрела, через неделю явилась к немцам и заявила “Застрелите меня варвары”. Говорят от пережитого у нее помутился рассудок. Сестер Равич оккупанты нашли в деревне Яблонька. Маша была учительницей до войны, а Галя успела закончить только 8 классов. Обоих убили”.

Вспоминает Беленькая Л.Г.: “Когда мы услышали, что нас приехали убивать мама и свекровь сказали мне, – Беги. Спасай дочь. – Девочке моей было неполных два года. Схватила ее я и убежать. Гнались за нами немцы. Пули свистели совсем рядом. Одной из них мне прострелили ногу, но кость задета не была и все же удалось добраться до деревни Глиники. Встретившая меня подруга произнесла: Дочь я твою заберу, а ты сама спасайся”. Видно удача мне только улыбнулась издалека, потому что жившая по соседству и видевшая все женщина (признаться, язык не поворачивается подобных особей называть женщинами. Г.В.) привела немцев. Те взяли кроху, принесли к месту расстрела, разорвали за ножки маленькое тельце и бросили в яму на трупы узников гетто. Разве ж я могла такое предположить, когда бежала с содрогающимся сердцем к деревне Губарево. Уже ночью постучалась в первый дом, а

открывшая мне женщина сказала: “Понимаю я все. Проходи в дом и быстро на печь”. Звали ее Антонина Станиславовна Бабицкая”. Мужеству и благородству, огромному сердцу и великому гуманизму праведников мира кланяюсь я не как автор книги, а как простой человек; осознавший цену подвига простых людей-белорусов не остановившихся перед страхом за свою жизнь, жизнь своей семьи, а прикрывавших собой брошенных на растерзание здоровенному, рыкающему, жаждущему человеческой крови зверю-фашизму.

Вспоминает Беленькая Л.Г.: “Поутру меня спрятали в сарае, а затем еще пытались накормить. Есть я не могла. Только плакала все время. Антонина Станиславовна привела меня в дом, а сама пошла в деревню Глиники за моей дочерью. Когда она вернулась с разрывающей сердце новостью мое состояние стало ухудшаться. Я чуть не лишилась рассудка. Хотела идти к яме, в которой погибли родные и близкие. Меня удержали от такого поступка. Утром пришел брат хозяйки дома Станислав Бобрович, живший в другой деревне. После беседы они решили, что мне нужен немецкий паспорт. А паспорт гот Станислав взял у своей старенькой мамы, которой он был вовсе без надобности. Оставалось исправить 1874 год рождения на 1914. Спустя еще день моя названная мама Бабицкая Антонина Станиславовна дала мне хлеб, бутылку самогонки и предложила идти к фронту на Могилев. В четырех километрах от Губорево в деревне Погребнице жил папин знакомый. Вот к нему с наступлением сумерек и я отправилась. В надежде переночевать зашла к нему, но тот выгнал меня, не забыв вырвать из кармана бутылку. Делать нечего, пришлось забраться в стог соломы. А тем временем хозяин избы Красинский привел полицая. Первым делом они стали опорожнять ту самую украденную бутылку, после

чего приступили к поискам. Принесли вилы. Втыкали их в солому и кричали “Выходи жидовка”. Зарывшись глубоко в стог, я ждала, затаив дыхание. Вскоре оба подлеца, жаждавшие допить бутылку самогона, пошли в дом. Пока они насыщались, я выбралась и перебежала в здание недостроенной школы, где сразу в темноте влетела в какую-то яму. Тот час пожаловали и Красинский с полицаем обыскавшие школу, но до ямы так и недошедшие. (Встретившиеся удача и судьба всем смертям назло, словно проявление благоволения Всевышнего казалось, произнесли “живи”. - Г.В.). После ночи проведенной в яме утром, едва рассвело, я выбралась из школы и выйдя на дорогу ведущую к Могилеву побежала что было мочи. Потом обессилев пошла. Путь к этому городу уложился в трое суток. За это время меня никто не останавливал да и ночевать пускали. Всем объясняла, что муж в плену в Могилеве и иду его выручать. Дойдя до города продолжила свой путь дальше, но уже говорила что беженка. Примерно в 20 километрах от Кричева меня приютила жена полицая, произнесла просто: “Живи у меня и работай”. Приходилось и просо полоть в поле и коров доить. Да и мало ли работы у прислуги. Здесь я познакомилась с женой инструктора Кричевского райкома партии, жившей по соседству. Звали ее Полина Синколикова. Через нее я попала в партизанский отряд “Чапай”, действовавший в Могилевской области. Там я была разведчицей. В октябре 1943 года отряду из Москвы пришло распоряжение перейти линию фронта для переформирования. До фронта шли около месяца. Форсировали реки Сож и Днепр на плотках. Линию фронта переходили 1 ноября 1943 года под прикрытием артиллерии. Потом мне предложили продолжить участие в партизанском движении, но я захотела на фронт в действующую армию. Меня отправили в тыл на так

называемый трудовой фронт. Так я оказалась в Башкирии”.

Вспоминает Погорелая В.Г.: “16 марта 1942 года утром я и еще несколько девушек мыли полы казармы. Услышав выстрелы, одели пальто и вышли на улицу. Сразу же увидели за железной дорогой две грузовые машины, наполненные эсэсовцами и двигавшиеся в сторону гетто. Вскоре выстрелы участились. Между тем немецкие солдаты, жившие в казармах и бывшие на учении возвратились. Один из них немолодой подошел к нам, когда уже все зашли в помещение и сказал: “Бегите отсюда. Евреев в Славном убивают”. Нас было четверо и чтобы не вызвать подозрений мы разделившись по двое побежали в ближайшую деревню. Во время бега пули то и дело свистели над головой. У кладбища остановились и спрятались там. Зима в ту пору была снежная и мы, не долго думая, чтобы не замерзнуть зарылись в снег. Как нелегко подобное пребывание в снежном доме, но досидели до рассвета. Поутру продолжили свой путь, а уже ночью прятались в холодном нетопленном здании бани. Немцы рыскали с облавами по всем деревням. В этой бане нас охраняли местные ребята-комсомольцы. Ни имени, ни фамилии, ни одного из тех ребят сейчас и не вспомню к сожалению. Еще неделю кружили мы вокруг Славного, чтобы узнать о судьбе родных. Когда стало известно о их гибели все отправились на восток к линии фронта. Шли к Орше. В город войти не удалось, так как его довольно бдительно охраняли. Остановились в близлежащей деревне. Сносившуюся обувь у меня и спутницы старик хозяин дома заменил на лапти. Отсюда направились в сторону Витебска. В деревне под Оршей заночевали у одной женщины, которая поменяла нам лапти на мужские ботинки. Женщина эта утром повезла мешок с картошкой на продажу и мы все втроем впряглись в саночки и

потащили их. Когда мост через Днепр переходили женщина сказала патрульным, что девочки со мной. Добродушие я и спутница встречали у простых людей пускавших нас ночевать или погреться днем. Многие угощали едой. Правда часто спрашивали не еврейка ли моя спутница, но я отвечала обычно, что с еврейкой не пошла бы. На шоссе ведущем на Сураж, Велиж столкнулись с немецким патрулем. Один немец говорил “Предъявите документы”, а другой кричал “Назад”. Мы конечно воспользовались вторым возгласом и вернувшись обошли место это по проселочной дороге. Дальше пошли на Яновичи. Встречным объясняли, что идем к родителям живущим во ту сторону фронта. Яновичи, опустевшее после отступления немцев местечко миновали легко. Надо сказать и о чувстве страха, сопровождавшем нас весь путь. Каждое утро мы спрашивали друг у друга останемся ли мы живы. Между тем дорога привела нас двоих к деревне Понизовье, где и встретили бойцов Красной Армии. Те отвезли нас в свою часть, где к нам очень хорошо отнеслись. Здесь, наконец, можно было перевести дух. С 22 марта по 3 апреля я с подругой прошла около 260 километров. Потом наш путь пролегал в прифронтной полосе. Паролей мы не знали и потому нас задерживали, опрашивали и отпускали. Так и шли пока не добрались до города Всполье Ярославской области, где находился Эвакопункт. Оттуда нас отправили в Чувашию”.

Длинные шупальца войны доставали людей и после того, как многие пытались забыть о ее существовании, о чем свидетельствует трагедия семьи Черняк. Вернувшийся с войны Давид Черняк был просто раздавлен известием о гибели всей его семьи. Не выдержало сердце солдата, и после случившегося инфаркта он умер.

Вспоминает Погорелая В.Г.: “После войны я занялась

работой по увековечиванию памяти погибших. Списалась с их родственниками. Они присылали письма и переводили деньги. Я организовала изготовление ограды и двух мраморных плит, на которых вырубили 95 фамилий (всего 143). В исполкоме Ленгорсовета дали разрешение на вывоз. Дальше заказала машину. На ней и доставили все в Славное. Там привезенное установили и через 20 лет после гибели наших родных в 1962 году состоялось открытие памятника”.

На установленном в 1962 году обелиске высечены фамилии:

1. Бененсон Г.М.
2. Бененсон С.Л.
3. Беленькая Р.Н.
4. Беленькая П.Б.
5. Гуревич Х.Б.
6. Гуревич М.Б.
7. Гуткина Н.
8. Гуткина Х.Г.
9. Гуткин Е.Г.
10. Гибалевич Р.
11. Гибалевич Л.
12. Гибалевич Х. и двое детей
13. Гимпельсон И.Р.
14. Гимпельсон С.М.
15. Гимпельсон Л.И. и двое детей
16. Семья Гутиных (отец, мать, сын Исаак, дочь Рива)
17. Добкин С.Х.
18. Добкина З.Г.
19. Зильберман А.Я.
20. Зильберман Р.
21. Задов П.

22. Задова Ц.
23. Зусин Ш.Д.
24. Зусина Б.Л.
25. Иткин П.Я.
26. Иткина Г.Л.
27. Монтеф Э.
28. Монтеф Е. и двое детей
29. Козинец Г.
30. Козинец Р.
31. Козинец Д.
32. Кушнер Л.Л.
33. Лихтерман В.И.
34. Лихтерман Ш.
35. Лихтерман И.В.
36. Лихтерман С.В.
37. Мерзон Я.
38. Портная Е. и шестеро детей
39. Равич Х.Г.
40. Равич Н.И.
41. Гольбин С.
42. Гольбина Э.Г. и двое детей
43. Рожкинд Л.И.
44. Рожкинд С.Л.
45. Сироткин И.М.
46. Сироткина З.И.
47. Сироткин М.И.
48. Сироткин Л.И.
49. Сироткина С.М.
50. Кристал З.Я. и двое детей
51. Фридлянд Б.Я.
52. Кристал М.Я.
53. Фридлянд Г.И.
54. Тылевич Г.

55. Тылевич Г и сын
56. Элькинд Л.Г.
57. Элькинд Р.Ю. и дочь
58. Шапиро М.
59. Шапиро К.
60. Шапиро Б.М. и трое детей
61. Шпунт Л.Ш. и двое детей
61. Шпунт Э.Ш. и двое детей
62. Чесница М.Х. и четверо детей также убиты

Также убиты:

63. Семья Папковых (отец, мать, дети: Янкель, Сима, Мера)
64. Семья Ионтеф (отец, мать, дети: Арон, Лиза)
65. Равич Мария
66. Равич Гая

Их всех вспомнила Ермолович Ольга Васильевна.

Разве кого-нибудь может оставить равнодушным разыгравшаяся в Славном трагедия. Кто в состоянии измерить людское горе. Лишь душа, терзаемая болью сопереживания, способна стать обелиском памяти.

Толочин

В тихом и чистеньком, утопавшем в зелени местечке правила бал мирная жизнь. Вспоминает Каждан Белла Борисовна: "В центре Толочина располагалось высокое, в два этажа, деревянное здание местной синагоги. К началу 30-х годов ее закрыли, и на этом месте появился кинотеатр. Припоминаю, что евреи арендовали деревянные постройки под синагоги. Одна из них была в доме Ицика Качана на Никольской, а другая за мостом по Заречной улице и третья находилась на улице Оршанской. Существовала в местечке до 1937 года и еврейская школа-восьмилетка".¹¹⁹

Война всполошила дремавшее спокойным сном местечко, и в жизнь еврейского населения вошло неведомое и страшное слово "гетто". Гетто Толочина появилось приблизительно в сентябре-октябре 1941 года. Еврейское население переселили на улицу Никольскую, где, примерно, в 15 домах разместили более 2000 евреев. Возможно, домов было больше, тем более, что трудно представить свыше ста человек, живущих в одном доме, имевшем две-три жилые комнаты. Как известно, под жильё

использовались сараи и любые другие постройки. Известно, впрочем, и нежелание извергов размещать евреев в нормальных условиях и сосредоточение на малых территориях большого количества людей. Гетто не ограждалось ни колючей проволокой, ни забором, однако, охранялось полицаями и представляло так называемый "открытый" тип. Гляк Владимир Павлович вспомнил, что евреи носили на одежде нашитые два желтых треугольника, составлявших

Место расстрела евреев Толочина.

шестигранную звезду. Мужчины из гетто выходили на дорожные работы, чистили туалеты. Имели место случаи побегов. Убежавших укрывало местное население.

Выяснился удивительный случай избавления Шапиро Марии, которая ночью с помощью знакомого полицаи выбралась из гетто и, по поддельным документам попав в Оршу, отправилась как “остарбайтер” в Германию. Там эта светловолосая молодая женщина работала и осталась жива. Пряталась и довольно долго, в деревне Муравницы еврейка по фамилии Копылова, и только личная неосторожность привела ее к гибели.

Немцы и местные коллаборационисты безнаказанно занимались грабежом евреев. Вот выдержка из протокола заседания исполкома райсовета депутатов трудящихся Толочинского района от 17 августа 1944 года: “Акт на гражданина Холенкова, проживающего в городе Толочине о изъятии коровы. В связи с тем, что корова приобретена во время немецкой оккупации, корову отнял у еврейской семьи, работая секретарем райуправы, поэтому изъять корову у Халенкова, как незаконно нажитую”¹²⁰ В ракурсе этого вопроса и следующее, хотя место грабежа не указано: “Акт на гражданку Раниш Марию, проживающую в деревне Заречье. Корову отнял ее муж у еврейского населения, который работал бургомистром во время немецкой оккупации” (из протокола заседания исполкома райсовета депутатов трудящихся Толочинского района от 21 августа 1944 года).¹²¹

Имущественный разбой сопровождался и жесточайшим террором фашистов. Вспоминает Гляк В.П.: “Немцы люто расправлялись с беззащитным еврейским населением местечка. Так за невыход на работу повесили в центре на площади трех мужчин. Люди, находившиеся в гетто, голодали, и неудивительно, что парнишка, работавший на крахмальном заводе, стащил банку консервов. Когда ее обнаружили, его повесили прямо на воротах этого предприятия”.¹²²

13 марта 1942 года евреи гетто Толочина отправились в свой последний путь. Недалеко от деревни Райцы в поле в яме за один день было расстреляно около двух тысяч евреев. Расстреливали партиями по 30 человек. Затем засыпали глыбами мерзлой земли и взрывали. Потом все повторялось. Во время конвоирования к месту расстрела евреи стали разбегаться и некоторые, таким образом, спаслись, однако, основная масса погибла.

Каждан Б.Б.: “Мои родственники, два мальчика Муля и Лева Клугманы, прихватив новорожденного братика, спрятались на чердаке своего дома. Малыш, к сожалению, расплакался, когда кругом рыскали палачи, что, конечно, обнаружило укрывавшихся, которых вскоре убили в той же яме, где и всех остальных”. Еще о тяжелом.

Каждан Б.Б.: “Врач Фишкин узнал каким-то образом о расстреле и, не дожидаясь смерти, отравился сам и отравил жену и двоих детей”. Гляк В.П.: “Я видел, как расстреливали 14 марта 1942 года убежавших от расстрела накануне евреев. Это были девочка, женщина и старик. Было холодно, пурга и их не раздевали. Выстрел в затылок был последним, что они услышали”.

Сошло в могилу Толочинское гетто. Никто не хотел умирать, но разве кого-то спрашивали. Изверги жаждали крови и ею все закончилось.

Гетто в Улле. (Бешенковичский район).

Местечек подобных этому существовало множество на белорусской земле. В них струилась река жизни, омывая два берега: еврейский и белорусский. Две культуры, два народа. Сколько уж лет жили они рядом в добром соседстве, взаимодополняя друг друга. Текла та река, спокойно и уверенно неся свои воды, и казалось, нет ни бури, ни смерча, способных опустошить один из берегов. Всеразрушающим тайфуном обрушилась война на территорию покоя и благополучия. Ворвавшиеся оккупанты приступили к проведению человеконенавистнической программы, предполагающей сосредоточение всех евреев в одном месте для ее осуществления.

Вспоминает Алексеева Софья Карловна, 1919 г.р.: “Гетто было создано в декабре 1941 года на месте, где сейчас ПТУ № 3. Там стояло деревянное здание райисполкома, куда и согнали всех евреев. Охраняли их полицаи. Евреи носили желтые звезды”^{1 23}

Вспоминает Сидлер Николай Федорович, 1928 г.р.: “Гетто располагалось за административным зданием ПТУ № 3. В длинной деревянной казарме поселили евреев в конце 1941 года. Колючей проволокой не огораживали. Охраняли гетто полицаи. Евреев выпускали в поисках еды. Они ходили даже в соседние деревни. К вечеру все обязаны были вернуться”^{1 24}

Первая часть изуверского плана реализовалась. Заточив евреев в гетто “открытого типа”, гитлеровцы не сильно досаждали жертвам. Причину столь “мягкого” режима содержания определить по прошествии полувека весьма затруднительно. Впрочем, период ожидания окончился для

узников общеизвестным итогом.

Из протокола допроса Козика Франца Селиверстовича, 1921 г.р., жителя деревни Бортники от 31 марта 1945 года: “В 1942 году примерно в октябре месяце я как раз в этот день был дома. Недалеко от нашей деревни находился лагерь еврейского населения. В этот день из еврейского лагеря, где было человек 365, стали немцы выгонять людей на поле к “лисьим норам”, так называлось то место в народе. Когда все еврейское население пригнали немцы к лисьим норам, послышались залпы выстрелов. Это длилось часов 6, после чего начали зарывать яму, в которой лежало очень много трупов. Немцы выгоняли исключительно все еврейское население: детей, стариков, женщин и мужчин. На протяжении 6 часов слышались крики евреев. Расстреливали и складывали в яму, которая получилась в результате разрыва бомбы”^{1 25}

Из протокола допроса Шевяко Адама Бониатовича, 1903 г.р., жителя деревни Мокряки от 31 марта 1945 года: “Нас 9 человек немцы заставили охранять имущество военного городка. Это было в 1942 году. Как-то утром немцы домой нас не отпустили, собрали всех в отдельное место и приказали не расходиться. Спустя немного времени немцы пригнали колонну еврейского населения, среди которых были дети и старики. Того, кто из них не мог идти, привезли на повозках. Нас на улицу не выпускали. Когда все еврейское население из лагеря пригнали в военный городок, послышались залпы выстрелов. Население кричало и было нам очень грустно. Выстрелы были часа два, после чего нас выгнали с лопатами и приказали закопать трупы населения. Когда мы пришли к яме, а она была длиною 6м и шириною 5м, яма была уже немного присыпана землей, но еще видны были человечьи ноги и головы. Все окровавлены”^{1 26}

Из протокола допроса Гарелика Ивана Васильевича, 1890 г.р., жителя местечка Улла от 31 марта 1945 года: “Как-то утром дорожный мастер Юшкевич дал мне распоряжение пригнать к нему лошадь в 7 часов утра. Когда я пригнал лошадь, ко мне подошел один немец и приказал поехать к еврейскому лагерю. С моей было еще шесть подвод. Уже в лагере на наши подводы посадили стариков и приказали везти в военный городок, который расположен недалеко от м.Уллы. Привезли их к деревянному дому. Немцы приказали евреям зайти в дом, а нас отправили назад. Навстречу нам шел немец, который приказал нам поехать опять к лагерю. В лагере мне на подводу положили три чемодана и приказали везти. Когда я приехал к указанному месту, то гр-н из м.Улла Чекан сказал мне, что уже всех евреев расстреляли. Услышав от него о том, что немцы расстреляли евреев, я пошел посмотреть их. Пробежав метров 30 увидел, что в яме, где была раньше ледовня, лежало очень много людей, но они были заброшены снегом, но люди были некоторые живые, потому что снег, которым была засыпана яма, то опускался, то поднимался”.¹²⁷

Сидлер Н.Ф.: “Расстреливали гетто примерно в ноябре-декабре 1942 года. Пригнали всех на территорию военного городка. Загнали в столовую и партиями расстреливали у ям овощехранилища. Юдовина Груня с двумя детьми 2 и 7 лет была в деревне Капустино. Когда она вернулась, ей сказали доброхоты, чтобы уходила и спасалась. Но она захотела умереть вместе со всеми. Биркин, портной был хороший, так он тоже поначалу избежал расстрела. Хотел спрятаться, но его схватили и избili прикладами, да так, что идти не мог, а потому погрузили на подводу и повезли в военный городок”.

Вспоминает Сидлер Антонина Яковлевна, 1917 г.р..

“Мальчик лет семи говорил, что русский, но когда немцы проведали еврейское происхождение его, тут же расстреляли. Две сестры Розенблюм были очень красивые и когда находились в гетто гуляли с немцами, но это их не спасло от гибели”.¹²⁸

Мельникова Мирра Давидовна назвала погибших сестру и брата: Гитлину Раису Давидовну и Гитлина Зелика Давидовича. Еще вспомнила семью Розенблюм из пяти человек.

Алексеева Софья Карловна рассказывала о погибшей семье Маркман: отец Кушель Беркович, мать – Этя Ицелевна, дочь – Паша, сыновья: Моисей, Зяма.

Сидлер Константин Федорович вспомнил среди убиенных своего одноклассника Гольдина Зейду.

Сидлер Антонина Яковлевна указала на расстрелянные семьи: Баркан, Хайкиных, Соркиных, Лейбман, Юдовиных.

Определена цифра погибших – 362 человека. Ее назвали в поселковом Совете. Очевидцы придерживаются мнения, что число жертв несколько больше.

Ушачское гетто

Приближая и фокусируя минувшее, утратившее четкие очертания происходившего, будто проваливаешься в прошлое, проживая мгновения жизни лет давно ушедших. В годах тех давних, полвека тому назад бывших для людей днем сегодняшним, еще до войны, в Ушачах жило много евреев, составлявших более половины жителей местечка. Грезилось ли им будущее? Может приходило в вещих снах? Как бы там ни было, война, обрушившаяся лавиной на страну, побудила к отъезду на Восток значительную часть евреев местечка. Этим они спасли себе, как оказалось, жизнь. Оставшимся евреям судьба предопределила горькую участь.

Из акта о злодеяниях, проведенных немецко-фашистскими захватчиками за время оккупации м. Ушачи, от 12 апреля 1945 года: “С 20-го июля 1941 года, как только оккупировали и восстановили немцы свою власть, приступили к кровавой расправе над мирными гражданами, особенно против еврейского населения. Евреев подвергали всевозможным издевательствам и их расстреливали. Евреи должны были носить на спине и груди желтую звезду. Было запрещено показываться в общественном месте, запрещено было производить закупку продуктов в магазине и даже на рынке”¹²⁹.

Вспоминает Василевский Евгений Петрович, 1926 г.р.: “В сквере стоял памятник Ленину, с постаментом высотой примерно 3 метра. Верхнюю часть немцы сняли с помощью тягача, а нижнюю заставили молодых еврейских парней молотками разбивать. Даже металлические решетки, основу памятника, было приказано распилить. Еврейских мужчин привлекали к работам, носившим издевательский характер. Помню хорошо, где-то в сентябре 1941 года наблюдал

лично, как молодой немец заставлял директора школы Круглякова наливать в бочку воды из реки, бочку ставить на тележку и впрягаться в хомут. Немец хлыстом погонял Круглякова, а когда тот протаскивал бочку метров пять-шесть, мучитель вынимал пробку, выплескивая воду. И так несколько раз. Знаю, что случаев подобных издевательств над евреями было немало”¹³⁰.

Оккупанты, придя в Ушачи, не откладывая в долгий ящик, приступили к реализации своих изуверских планов. Положение заключенного, находившегося временно на свободе и лишенного всех прав - таков статус евреев в то время. Нормальная жизнь для евреев Ушач стала уже былью. Механизм подавления человеческой сущности заработал, набирая обороты.

Из акта о злодеяниях, проведенных немецко-фашистскими захватчиками за время оккупации м. Ушачи, от 12 апреля 1945 года: “В октябре 1941 года по распоряжению коменданта м. Ушачи немца Карла (фамилия составителям документа была неизвестна. - Г.В.), жандармерия и полиция все еврейское население местечка в числе 464 человека загнали в специальный лагерь, размещенный по Октябрьской улице, который был огорожен в два ряда колючей проволокой. Доступ в лагерь был совершенно закрыт. В декабре 1941 года в этот же лагерь было загнано до 500 человек евреев из селений – Кубличи, Бабыничи, Усаи и пр. Заключенных из лагеря выпускали в местечко только в рабочих колоннах под строгой охраной полиции”.

Василевский Е.П.: “Осенью немцы начали сгонять евреев за речку, в гетто. Дома там стояли в один ряд, очень плотно. Всего их насчитывалось семь, а один из них был очень большой. Дома оцепили двумя рядами колючей проволоки, а внизу лежала проволока кольцами. Гетто

охранялось патрулями. Евреям разрешалось выходить из гетто в поисках пищи, так как их не кормили. Видел как евреи работали. Тогда они расчищали тротуары, сбивая с них лед. Узникам объявили, что их собрали для того, чтобы отправить в Палестину. Все скрывали немцы. Копая яму для расстрела, говорили, что для картофеля”.

Вспоминает Кулач Татьяна Николаевна, 1926 г.р.: “Гетто появилось в Ушачах осенью. Оно находилось по правой стороне улицы Ленинской (современное название. - Г.В.). Я часто ходила к гетто, потому что там были мои подруги. Как их звали уже не помню. Припоминается имя Быкова Хоны, с которым сидели за одной партой в школе. С подругами говорила через проволоку. Из гетто их не выпускали. На груди они носили шестигранные звезды. В домах гетто окна были выбиты. Их прикрывали подушками, пытаясь хоть как-то утеплиться. Подруги рассказывали, что этого немцы не разрешали и даже стреляли по окнам. Дома не отапливались. Были даже замерзшие, умиравшие за ночь от переохлаждения”.¹³¹

Вспоминает Бутовская Лилия Григорьевна, 1932 г.р.: “Евреи приходили к нам из гетто. Просили кушать. Наша соседка рассказывала, что их хотели отвезти в Лепель, и они два раза откупались золотом. Однажды мы с матерью видели, как директор семилетней школы Родин, впрягшись в хомут, таскал бочки с водой в комендатуру. На груди у него была надпись “юдэ”.”¹³²

Из акта по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории Ушачского района от 25 апреля 1945 года: “... палачи согнали все еврейское население в лагерь, расположенный по Октябрьской улице местечка Ушачи. Лагерь был обнесен колючей проволокой в два ряда, доступ был закрыт. В декабре 1941 года в гетто привезли евреев

из местечек Кубличи, Бабыничи, Усая, собрав 900 граждан”.¹³³

Из протокола опроса свидетеля Пятницы Веры Симовны, 1905 г.р. от 10 апреля 1945 года: “В октябре 1941 года военная комендатура, возглавляемая комендантом-немцем Карлом (фамилии его не знаю) всех евреев, проживавших в местечке Ушачи, загнали в специальный лагерь, который находился на Октябрьской улице м Ушачи. Этот лагерь был огорожен колючей проволокой в два ряда. Из лагеря евреев никуда не отпускали, также не пускали и в лагерь. Над заключенными всячески издевались. Молодые девушки возили с реки в бочке воду для лошадей кавалерийского соединения, которое находилось от реки примерно в километре. (Девушек использовали как гужевого транспорт, оберегая своих лошадей. - Г.В.). В это время было обледенение. Девушки скользили и некоторые падали, и я была сама очевидцем, когда девушек немцы избивали прикладами винтовок и палками до крови.

Примерно в декабре 1941 года немцы в этот лагерь пригнали человек до 500 евреев из селений Кубличи, Усай и др. Ушачского района”.¹³⁴

Как горек напиток страдания, смешанный с душевной болью. Изоляция евреев от каких-либо контактов с белорусами, в варварских помыслах палачей была началом медленного и постепенного их уничтожения. Растоптать, растерзать, надломить хотели изверги свои жертвы. Где найти то мерило, способное объять море людского горя. Ужасным и пропитанным скорбью созерцания происходящего представляется существование узников гетто. Большинство из них были еще живы, но звери, в облике человека, жаждали насладиться их кровью, их муками на смертном одре.

Из акта по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории Ушачского района от 25 апреля 1945 года: “В ясный январский морозный день 12 января 1942 года из лагеря всех евреев выгнали на улицу, под конвоем полицейских и жандармерии погнажи по Долецкой улице за русское кладбище, за кладбищем были заранее приготовлены две огромные ямы, по правой стороне дороги на расстоянии 500 метров от местечка Ушачи. Гнали стариков преклонного возраста, были грудные дети. Пригнавши к ямам, немецкие палачи начали раздевать граждан до нательного белья, заставляли ложиться в ряд на дне ямы, после чего с автоматов расстреливали, малых детей штыками прокалывали и бросали в яму, так, в течение с 10 часов утра до 4 часов вечера было расстреляно 900 граждан, наполненные две ямы трупов были зарыты, расстрел возглавлял комендант ОРС комендатуры м-ка Ушачи Карл (воинское звание и фамилия не установлены). Для расправы над мирными гражданами был подтянут карательный отряд с г. Полоцка”.

Из акта о злодеяниях, проведенных немецко-фашистскими захватчиками за время оккупации м. Ушачи, от 12 апреля 1945 года: “12 января 1942 года стояла ясная морозная погода. Евреев – маленьких детей, стариков, старух, мужчин и женщин – всех, находившихся в лагере в числе около 900 человек, расстреляли”.

Василевский Е.П.: “12 января 1942 года евреев повели на расстрел. Снег был по колено, но я, когда услышал гул и стрельбу, вместе с другом Иваном Ткаченком побежал на этот шум, через речку, по полю. Мы спрятались за грушу. Я видел, как евреев построили по 3 человека, в колонну. Их повели за городское кладбище. Примерно в метрах 50-ти от ямы на горке их заставили снимать верхнюю одежду,

потом гнали, подталкивали к яме. Евреи прыгали в яму, там их расстреливали. Из расстрелянных я знал Клопову – продавца магазина парфюмерии и ее дочь”. Бутовская Л.Г.: “12 января 1942 года я услышала страшный гул, крик, причитания. Я с еще несколькими детьми побежала на этот шум, доносившийся из-за речки. Мы спрятались в небольшом дощатом домике и наблюдали, как вели евреев в сторону кладбища. Они шли и как-то странно гудели. Это было похоже на молитву. Помню, как их, не доходя до ямы, раздевали, а потом полураздетых расстреливали”.

Из протокола опроса свидетеля Пятницы Веры Симовны, 1905 г.р. от 10 апреля 1945 года: “... 12 января 1942 года всех евреев немцы расстреляли. В тот день, когда проводили расстрел, утром всех содержавшихся в лагере евреев – стариков, детей, мужчин и женщин – выгнали из лагеря на улицу, построили в колонну и держали на морозе примерно в течение 4-5 часов. После чего всех погнажи за местечко Ушачи за русское кладбище, которое находится в полукилометре от местечка. Здесь были вырыты две большие ямы. В эти ямы сталкивали живых и расстреливали из автоматов. Некоторых оставляли живыми, на них кидали трупы и зарывали землей... В этот день немцы расстреляли примерно 900 человек, в числе которых были мои соседи, как-то: семья Коган Тивы, Наймана Асмана, Хайлиля Дисмана, Серпера Хаима и др”. Кулач Б.Н.: “12 января 1942 года я, как обычно, пошла в Ушачи. Видела, как евреев выводили их гетто. Им сказали, что их куда-то повезут и нужно взять только ценные вещи. Как только колонна евреев повернула в сторону городского кладбища, евреи стали кричать и плакать. Они поняли, что их ждет. Одна женщина бросила в толпу белорусов своего ребенка, которого спрятали. Из-за этого толпу разогнали. Помню расстрел. Самое страшное было то, что маленьких

детей подбрасывали вверх и стреляли. Некоторые падали не в яму, и тогда этих детей сталкивали. Я видела, как убивали фотографа Фурмана. Его в Ушачах знали хорошо, поэтому я сразу его заметила. Он был одет. Подошел к немецкому фельдфебелю и наверно с ним говорил, покачиваясь. Вдруг он замахнулся и ударил чем-то немца по голове. Тот упал и его оттащили, а Фурмана тут же расстреляли". Василевский Е.П.: "Знаю, что спаслась Сима Марковна Левикова. Она работала после войны в Теличенской начальной школе. Ее спасли жители этой деревни. Об этом она мне рассказала, когда мы вместе работали в Ушачской СШ".

Погибло гетто местечка, приняв мученическую смерть. Жили евреи в Ушачах и районѣ до войны, а теперь уже никого не осталось. Война. Все, вроде ясно. Так делали гитлеровские палачи не раз и не два. Опыт имели. Да только сердце саднит. Погибших не оживить.

Все же уточнению подлежит лишь часть истории гетто Ушач. На надгробной плите есть надпись, говорящая о гибели 925 евреев 14 января 1942 года. Раньше других дат не возникало. Так, когда убивали гетто? 12 или 14 января? Ответа пока нет. Теперь совсем о другом. В архивных документах сказано об увеличении численности узников гетто в декабре 1941 года, в связи с переселением сюда евреев из Ушачского района и об убиении всех 12 января 1942 года. В противовес этому очевидцы событий Василевский Е.П., Кулач Т.А., Бутовская Л.Г. утверждают, что расстреливали гетто не в один день. Сначала убивали евреев Ушач, а после, через некоторое время, евреев района. Причем во втором случае все жертвы стали разбегаться из-за случившегося пожара и известия о близкой гибели. Только 40 человек уцелело в начавшейся бойне, которых затем расстреляли, а остальных, вернее их трупы, свозили

на место захоронения на санях. Где же истина? Увы, расхождения, подобные приведенному, спустя столько-то лет возможны, но объяснимы ли. Более ценным представляется то, что еще одним "белым пятном" стало меньше.

Холокост в Шкловском районе.

Староселье.

Небольшое местечко у дороги на Шклов расположилось в уютном обрамлении зелени растений, буйно растущих с весны до осени, наполняющих воздух пьянящим ароматом свежести разнотравья. К центру Староселья сбегаются ручейки улочек, будто утверждающих важность и избранность этого места, определяющие его как серединное. В местечке вполне мирно сосуществовали белорусы и евреи. Последние работали, не покладая рук в различных сферах деятельности. Большой известностью пользовались председатель местного колхоза Арон Гольдин, кузнец Лейзер Краснер, портной Янкель Генин, сапожник Хаим Зейгер. Женщины в основном занимались домашним хозяйством и растили детей. Недалеко от центра местечка в большой и просторной деревянной хате размещалась синагога, где евреи отмечали праздники и обращались к Всевышнему. Война разрушила мирное течение времени, неся горе и муки многим. Вошедшие в Староселье оккупанты не создавали гетто и до дня своей кончины евреи проживали в своих домах. Никто не помнит, чтобы еврейское население принуждали к труду или заставляли носить желтые знаки на одежде. Не помнят впрочем и точную дату казни евреев местечка. Очевидцы утверждают, что это произошло где-то в августе-сентябре 1941 года. На памятнике, установленном на месте гибели указан 1942 год, но нет ни числа, ни месяца.

Перед расстрелом всех евреев согнали в школу. Вспоминает Сурин Зиновий Давыдович: “Сестра Брайна рассказывала, что людей продержали в школе ночь, а поутру построив в колонну повели к Бринкову лесу,

находящемуся в двух километрах от Староселья. Здесь загодя вырыли две ямы”¹³⁵

Вспоминает Медведев Евгений Владимирович 1928 г.р.: “Евреев привели к вырытым ямам и начали расстреливать по группам. Одежду ни у кого не отбирали. Так они одетые и погибали. Расстрел, начавшийся утром, уже к полудню закончился”¹³⁶

Сурин З.Д.: “Сестру Брайну предупредил Малиновский, работавший до войны пионервожатым, сказал, - Убегай. Евреев убивают. - Она спаслась вплавь, перебравшись через речку Березка. Уже после расстрела вернулась в наш дом, застав там плачущего брата Сеню. С ним и отправилась на Восток. В районе Смоленска сестра потеряла Сеню, который затем вернулся в Староселье”.

Вспоминает Поленкова Анна Петровна 1921 г.р.: “У нас в доме пряталась молодая женщина лет около тридцати. (Имени и фамилии не помнит. - Г.В.). Находилась она с нами примерно шесть месяцев, а потом ушла. (Дальнейшей ее судьбы не знает. - Г.В.). Недалеко тут жила Зина Колосовская. Так вот она прятала до самого освобождения Староселья девушку. (Анна Петровна также не помнит ни имени, ни фамилии и этой спасенной. - Г.В.). Удалось убежать и уйти к партизанам Мине Цукерман. Еще одна девушка лет двадцати двух Сора избежала расстрела”¹³⁷

Осталась ли упоминавшаяся Сора живой Анна Петровна не может припомнить. Она еще назвала семью погибших Блюминых, состоявшей из отца, матери, сына Бейбы и дочери Соры.

Медведев Е.В.: “Больше года пряталась в нашей хате шестнадцатилетняя еврейка. Ее выдала местная старуха. Девушку и еще нескольких найденных евреев расстреляли у деревни Гвалтовник”.

Сурин З.Д.: “Брата Сеню нашли полицаи в 1943 году.

Он прятался сам, но не повезло ему. Сначала несколько евреев вырыли себе могилу. После чего их в яме у деревни Гвалтовник расстреляли. Несколько раньше погибла у деревни Борки, скрывавшаяся тетя Хая Кролик с восьмилетней дочерью Фирой". Зиновий Давыдович рассказал о погибших родственниках. Семья Зейгер: отец Хаим, дочь Лея с мужем, дочь Песя, дочь Сима и двое детей. Спаслись, избежав расстрела еще двое евреев Староселья. Их имена Арон и Малка. Они сначала прятались, а уже после оказались в рядах партизан, где и дождались освобождения.

Вспоминает Цукерман Мария Исааковна: "В сентябре 1941 года я была у матери мужа в деревне Савеленки. Как то утром (дату не помнит. Г.В.) я пошла проведать свою семью. У Староселья увидела карателей, подъезжавших к местечку на велосипедах. Вместе с братом Иосифом мы побежали, спасаясь от смерти. Наши пути разошлись. Я вернулась к свекрови в Савеленки и у нее в погребе просидела больше месяца. Потом вместе с окруженцами ушла в лес, где находилась с полгода. В марте 1942 года вступила бойцом в партизанский отряд Ковалева, затем воевала в отрядах № 40 (командир Красяков П.А.) и № 60 (командир Кринев С.А.). В отряде № 40 встретилась с братом Иосифом, ставшим, как и я, партизаном"³⁸. После освобождения Беларуси Марию Исааковну наградили медалью "Партизан Великой Отечественной войны" I степени. В Староселье погибла ее семья:

отец Цукерман Исаак

мать Цукерман Броха

сестра Цукерман Хася 1916 г.р.

Погибло около двухсот евреев Староселья, обретя вечное пристанище в яме у Бринкова леса. Там покоятся и сейчас, напоминая ныне живущим о той трагедии.

Шклов.

Местечко, вытянувшееся по берегу Днепра, славилось издавна своим богатейшим культурным наследием. Чего стоит только слава центра еврейского ткачества "черты оседлости". Так сложилось, что значительную часть населения Шклова составляли евреи. Шумина Александра Борисовна 1923 г.р. рассказала о существовании в Шклове в довоенный период двух деревянных синагог, а Пушилина Татьяна Наумовна 1918 г.р. вспомнила действовавшую когда-то еврейскую семилетнюю школу. Вполне традиционной была и профориентация евреев в трудовой деятельности. Они работали ломовыми извозчиками, портными, сапожниками, кузнецами, жестянщиками и т.д. Автору довелось увидеть сохранившийся до сих пор еврейский деревянный дом. Он располагался за высоким забором. Прихожая больше напоминала веранду и вполне могла ею быть. Здесь же имелся и запасной выход. Первая жилая комната оказалась просторной и светлой с высокими потолками, хотя и не была огромной. Ощущение уюта создавала печь, выложенная крупными кафельными плитами и стоявшая на рубеже второй комнаты поменьше, выполнявшей функцию спальни. Впечатление от увиденного вполне сопоставимо с возможностью потрогать прошлое руками. Оно, это прошлое, протекало в безмятежности бытия, возможно в предчувствии грядущей трагедии, но никак не в ожидании ее. Между тем предчувствие беды сменилось осознанием огромно-зловещего горя вломившегося войною в местечко.

Вспоминает Гальперин Борис Михайлович 1927 г.р.: "С первых дней войны я видел много беженцев, отступавших за Днепр советских солдат. Был под бомбежками. Отец ушел на фронт. Вместе с сопровождавшими колхозный

скот двинулись мы на восток. Но немцы догнали нас и вернули назад. Впервые я увидел разбросанные с самолета листовки: “Красная Армия разбита, власть жидовско-большевистских комиссаров в России кончилась”, “Самый большой враг народа – жид”, “Юдам капут, цыганам тоже”.¹³⁹

Вспоминает Шумина А.Б.: “Наша семья хотела эвакуироваться и пешком отправилась к железнодорожной станции Темный лес Горецкого района. Уехать так и не смогли, поэтому пришлось возвращаться. Вернулись в деревню Заречье в июле 1941 года, когда оккупанты начали переселять евреев в гетто. Полицейские выгоняли всех из домов и переправляли в деревню Рыжковичи”.¹⁴⁰ Здесь очевидно следует сделать уточнение. Гетто в Шклове, как оказалось, было не одно, а два. В деревне Рыжковичи совсем рядом с местечком оккупанты разместили более 2700 евреев, а в самом Шклове на улице Льнозаводской во второе гетто согнали примерно 3200. Фашисты, проявляя себя хладнокровными убийцами вместе с тем были довольно пунктуальными и причина рассосредоточения евреев кроется вероятнее всего в невозможности собрать всех в одном месте. Вспоминает Шумина А.Б.: “Евреев в Рыжковичах размещали прямо на лугу у православной церкви. Все сидели на земле. На ней и спали. Часто шел дождь. Люди вымокали насквозь, но не были ни крыши, под которой можно было спрятаться, ни теплого дома, где существовала бы возможность обогреться. Евреев на лугу в деревне Рыжковичи охраняли полицаи”.

Вспоминает Ревяко Александр Андреевич, 1929 г.р.: “В 1941 году после оккупации многих евреев переселили в деревню Рыжковичи. В самой деревне жило несколько еврейских семей и в их дома вселили сколько было можно людей. Большая же часть находилась на лугу у церкви. Над

ними издевались. Например, ставили кому-нибудь на голову спичечный коробок и стреляли. В пятистах метрах от деревни, в воронках оставшихся от бомбежки, расстреливали юношей”.¹⁴¹

Причина расстрела молодежи точно не установлена, но по мнению автора изуверы считали эту часть сосредоточенных в гетто наиболее мобильной и способной к сопротивлению, а посему уничтожали их сразу, не дожидаясь массовой казни.

Ревяко А.А.: “Всего расстреливали восемь групп юношей. Каждую отдельно и одну группу в день. Мне известно, что бежал и затем находился в партизанском отряде парень по фамилии Шумин. Кто еще бежал и бежал ли вообще я не знаю”. (Шумину Якову, позже, уже у партизан приходилось доказывать, что он не изменник Родины. - Г.В.).

Вспоминает Шумина А.Б.: “Мы жили в своем доме в деревне Заречье. (Рыжковичи, как известно, находятся на берегу Днепра, а через реку напротив этого населенного пункта расположено Заречье. - Г.В.). Здесь жили две семьи Питкиных и еще несколько семей, фамилии которых не помню. Постоянно приходили полицаи и все, что нравилось забирали. Помню так же, что часто расстреливали мужчин”.

Вспоминает Цейтлина Ася Борисовна 1929 г.р.: “Видела, как в деревне Заречье расстреляли еврея по имени Хаим”.¹⁴²

Вспоминает Малиновская Валентина Ивановна 1925 г.р.: “Евреи сидели у церкви на лугу в Рыжковичах. Ходили по деревне и просили кушать. (Надо полагать, что гитлеровцы не обременяли себя такой процедурой, как кормление узников. - Г.В.). К нам приходил старый еврей и просил еду. Он говорил, что припрятал одежду и потом за пищу отдаст”.¹⁴³

Гальперин Б.М.: “Через неделю нашу семью выгнали из дома и приказали переселиться в гетто. Для него было отведено место на берегу Днепра около деревни Рыжковичи. Это было 10 июля 1941 года. Перед переселением всех евреев в гетто отобрали мужчин в возрасте от 15 до 65 лет, якобы для выполнения каких-то работ. Я тоже попал в эту группу, хотя мне шел 14й год. Я хорошо помню карателей. Одеты они были в черную форму, на рукаве у офицеров была красная повязка, по центру которой в белом круге была изображена черная свастика, на груди солдат висел знак в виде распустившихся крыльев орла. В сутолоке мне удалось бежать, переплыв на левый берег Днепра. Всех отобранных для работы расстреляли на колхозном лугу – Семеновке. Я вернулся в деревню, нашел маму. Все мы поселились в гетто. До войны колхозники жили хорошо, а в гетто я увидел больных, обездоленных и несчастных людей... Перед моими глазами всегда стоят страшные картины: один фашист в гетто выбил у пожилого мужчины золотые зубы, а затем убил его; как сбросили в колодец семью Таруч из Шклова. Частыми гостями гетто были немецкие офицеры и солдаты с девицами. Они грабили, брали все, что им понравится. Полицаи грабили меньше”.

Еще одно гетто, но уже “закрытого” типа, находилось, как было сказано выше на улице Льнозаводской. Овчинников Леонид Ефимович вспомнил, что находившиеся здесь евреи носили нашитые на одежде желтые звезды. Из акта от 18 декабря 1944 года Шкловской районной комиссии в содействии работе Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Шклова и Шкловского района, составленного секретарем Шкловского РК КП(б)Б

Новиковым Ф.С., председателем райисполкома Зусманом Р.Е., начальником РОНКГБ Улановым М.Е., начальником РО НКВД Карненко, зав. Райздравотделом Дрендель Р.С., редактором райгазеты Транером М.М., секретарем райисполкома Филиповым И.Н., председателем Шкловского горсовета Серковым Ф.М., врачом райбольницы Кулем И.Ф.: “Из рассказа горожанки г.Шклова Петровской Станиславы Павловны при опросе выяснено... об людоедских действиях гитлеровских бандитов над евреями. Сначала у евреев все отняли – пищу и одежду. Потом согнали их на одну небольшую улицу, где они жили в разваленных домах по 100-150 душ. Над ними ужасно издевались, били, вырывали волосы. Всякий немец мог стрелять еврея, бросать в колодец”.¹⁴⁴

Гальперин Б.М.: “Вскоре часть гетто перевели на территорию шкловского льнозавода. Туда попала и моя семья. Мы все находились под охраной. После 18 часов не разрешалось выходить из помещений, за нарушение – расстрел. Я вспоминаю, как хоронили жену шкловского раввина. Ее разрешили похоронить на кладбище, даже дали лошадь. Я вынес ее рваный ватник на улицу и ужаснулся – на нем кишели вши. Моя мама тихо сказала мне, - Сыночек, ее съели вши”.

Фашисты не прекращали поиск евреев и после сосредоточения их в гетто. Постоянные облавы позволили собрать приспешникам оккупантов – коллаборационистам около 100 человек на территории колхоза “Искра”. Вспоминает Альтшулер Клара Захаровна: “Меня и маму загнали полицаи в сарай в колхозе “Искра”. Здесь находилось около 100 евреев. Все жили некоторое время в этом помещении. Спали на полу. Все попали сюда после облав в Шклове”.¹⁴⁵

Убийство человека тяжкий грех, а массовая казнь людей

– чудовищное преступление. Палачи с фашистскими бреднями в мозгах и с руками, обагренными обильно кровью, изощрялись в способах и подтекстах вершимых ими злодеяний. Особую страсть они имели к еврейским праздникам, претворяя в жизнь политику геноцида. В Шклове трагедия совпала со святым днем - Йом Кипур.

Шумина А.Б.: “2 октября 1941 года в 7 часов утра староста Коньков вместе с полицаями, а также карательный отряд состоявший из немцев и финнов, стали сгонять евреев на расстрел. Я в конце сентября ушла из дома и пряталась в деревне Уланово у Шутикова Ефима Романовича”. Цейтлина А.Б.: “Евреев из Рыжкович перевозили на лодках через Днепр в Заречье. Потом в центре деревни усадили на землю, обыскивали, отбирали ценные вещи. Меня родители вытолкнули из колонны. Никто не заметил. Друг отца Осипенок взял меня за руку и отвел подальше. Я не могла просто так оставить родителей и не понимая что делаю бежала огородами за ними. Окружавшие колонну евреев немцы и полицаи вели ее к деревне Путники. Из Заречья я не выходила и расстрела не видела, но слышала выстрелы. Потом вернулась в свой дом, который был ограблен и ничего более-менее стоящего в нем не осталось”.

Из акта от 18 декабря 1944 года: “... на территории Городецкого сельсовета д.Путники расстреляно и живьем зарыто в противотанковый ров более 2700 человек”.

Следом за евреями из Рыжкович, а может и раньше них, отправились в последний путь узники гетто, находившегося в Шклове на улице Льнозаводской.

Из акта от 18 декабря 1944 года: “В сентябре месяце 1941 года немцы ежедневно возили на нескольких крытых машинах за город к противотанковому рву, возле д. Заречье шкловского сельсовета мирных граждан. Гитлеровские

палачи при выводе из машин заставляли снимать верхнюю одежду и обувь, потом подгоняли к противотанковому рву, заставляли ложиться в ров и тут же расстреливали. Многих они мучили. избивали палками и прикладами, пороли кинжалами голову и живот и т.д., живьем бросали в яму. После массового расстрела земля, которая была набросана на несчастных убитых, раненых и живьем брошенных в противотанковый ров, поднималась двое суток...”. Еще об этом расстреле в акте от 18 декабря 1944 года сказано: “Замученных евреев осенью 1941 года фашисты массово начали истреблять. Несколько машин вывозили к противотанковому рву, который был за д. Заречье и д. Рыжковичи, там заставляли раздеваться, озверелые гитлеровцы бросали в яму их и расстреливали. Детям выворачивали руки и ноги и живьем бросали в яму. Плач и стон наполнили все окрестности города... Из слов Ухналевой Лидии – уроженки Шкловского района д. Ново-Брящино при опросе 17 декабря выяснены гнусные злодеяния фельдфебеля Эвальда Юлиуса над еврейским населением. Около д. Заречье он согнал еврейское население, построил их на берегу оврага и расстрелял. Было очень много раненых, но он заставлял их живьем зарыть... На территории Шкловского сельсовета д. Заречье, под горой, куда систематически вывозились мирные граждане, расстреляно в противотанковом рву более 3200 человек”.

Вспоминает Альтшулер К.З.: “В начала октября 1941 года находившихся в сарае сто человек повели расстреливать. Рядом шла большая группа белорусов, согнанных смотреть на казнь. Мне и маме удалось незаметно перебежать к ним, а затем из этой группы выбежать и укрыться, добравшись из Шклова до деревни Ганцевичи, укрывшись в доме одной женщины”.

Из акта 18 декабря 1944 года: "... Расстреляно на территории колхоза "Искра" Рыжковского сельсовета – 96 человек, в том числе мужчин – 30, женщин – 40, детей – 26". Массовые убийства производились примерно в одно время и вероятнее всего в конце сентября начале октября. Точно установлена дата расстрела у деревни Путники, однако по казни у Заречья и на территории колхоза "Искра" конкретизировать сроки массовых убийств не удалось. Пушилина Т.Н. и Альтшулер К.З. считают, что трагедия произошла в первых числах октября, но в акте от 18 декабря 1944 года указывается сентябрь.

Загубив более 6 тысяч невинных душ фашисты жаждали крови еще и еще. Вспоминает Мильто Надежда Ивановна 1925 г.р.: "Виль Раскин бежал от расстрела, прятался у нас и еще потом у кого-то, но не дожил до светлого дня. Схватили его немцы. Еще помню прятался пятидесятилетний еврей-сапожник. Ходил по хатам, где была нужда в его работе. В 1942 году в деревне Кувечино во время облавы он попался в лапы палачей".¹⁴⁶

Шумина А.Б.: "После расстрела евреев я скрывалась от преследований у Базерович Варвары Федоровны, у Юрьева Игнага с сестрой Асей по несколько дней. В деревне Слижи местное население отказывалось нас прятать, хотя мы и просили. В это время нас задержали полицаи и отвели в здание Управы на улице Почтовой. Более суток находились под охраной одного из них в этом помещении и когда он куда-то отлучился, мы убежали. Потом прятались до июня 1942 года в деревне Уланово у Шутикова Ефима Романовича".

Альтшулер К.З.: "Я с мамой скрывалась в деревне Ганцевичи. Ее, дорогую моему сердцу, поймали полицаи в 1942 году, когда она искала еду для меня".

Интересны судьбы людей, выживших в условиях

оккупации, когда смерть постоянно искала с ними встречи. Шумина А.Б.: "В июне 1942 года в лесу у деревни Колиновка я встретила разведчиков партизанской бригады "Чекист": Любу Кривельскую и Мишу Нудельмана. Оставив сестру Асю у Шутиковых я отправилась с ними в партизанский лагерь, находившийся в Рацевском лесу у деревни Слобода Круглянского района. Была в партизанском отряде № 10 бойцом. Здесь находились евреи: Цейтлин Матвей, Парховник Вениамин, Рая Беленькая, Маховер Лева. Партизаны вели рельсовую войну. Я участвовала в операциях на железной дороге у Славного, Толочина. Хорошо помню нападение на немецкий гарнизон в Шепелевичах. Ночь. Начали операцию по уничтожению оккупантов. Все стреляли. То там, то здесь завязывалась рукопашная схватка. Партизаны, шедшие в атаку, не были уверены, что останутся живы к концу боя.

В 1943 году наше соединение попало в окружение и мы неделю отбивались отседавших карателей. Немало полегло боевых товарищей". Автор от себя хотел бы заметить, что Александра Борисовна – эта удивительная маленькая еврейская женщина награждена за участие в партизанском движении медалью "За боевые Заслуги".

Пушилина Т.Н.: "После побега с места расстрела у д. Заречье я пряталась у местного населения и в лесу, пока летом 1942 года не оказалась у партизан бригады Керпича, где находилась до освобождения Беларуси".¹⁴⁷ Татьяна Наумовна также имеет боевую награду – "Партизан Великой Отечественной войны".

Альтшулер К.З.: "Меня до самого освобождения укрывала в деревне Ганцевичи, несмотря на противодействие мужа и совершеннолетнего сына, Дубовская Мария. Я ей обязана жизнью и это всегда помню".

Из письма Цейтлиной А.Б., переправленного с

помощью автора в музей “Яд Вашем”: “После расстрела родителей и родственников я осталась жива. Приходилось долгое время прятаться по деревням, уходить от преследований. Ночевала на сеновале в деревне Уланово в доме семьи Шутиковых, а днем бродила, где придется и просила кушать. По предложению Шутиковых направилась в деревню Старо-Брящино. Там говорила, что я сирота из разбомбленного в г.Минске детского дома и была взята в услужение в семью полицаев. Работа нашлась. Доила и пасла корову, водила на ночлег лошадь, стирала белье, присматривала за двумя детьми дошкольного возраста. О том, что я еврейка знала только одна семья в деревне. Это родственники Шутиковых – Деревяго. Если хозяйка посылала в Шклов за солью они предупреждали меня, чтобы была осторожна и избегала встреч со знакомыми. Однажды приходили партизаны посмотреть как я живу. Сестра Шура волновалась и попросила заглянуть. Хозяин – полицай спал, но видно хозяйка сказала и он меня 13-летнюю девчонку залодозрил и предложил идти с ним в лес вязать веники. Я тут же сообщила тете Насте Деревяго и та в свою очередь забеспокоилась, оставила меня у себя на несколько дней. Полицай же того, чтобы не наделал шума расстреляли партизаны. Перед отступлением немцев я больше месяца пряталась в землянке с детьми Деревяго. До этого несколько раз приезжали каратели и приходилось также прятаться в лесу. После гибели родителей меня довольно долго прятала семья Шутиковых. Шутиковы уже умерли. Анастасия Деревяго жива. Ей сейчас 90 лет. Я благодарна и тете Насте и семье Шутиковых за мое спасение”.¹⁴⁸

Трагичны судьбы переживших Катастрофу. Их избавление от смерти и сама дальнейшая жизнь были бы невозможны без помощи белорусского населения,

рисковавшего жизнью ради спасения евреев. Низкий поклон их мужеству и гуманизму.

История Холокоста в Шклове – это ещё одна кровавая страница преступлений фашизма. Боль узанного памятью стучится в наш разум.

Гетто Шумилинского района.

Сиротино

Сейчас это уже деревня, а когда-то звалось местечком, подарив свое имя целому району. Тогда в Сиротино жило немало евреев. Очевидцы указывают и на наличие синагоги в сем населенном пункте. Словом, быт людей переполнялся покоем мира, который враз рассыпался в грозных раскатах войны.

Вспоминает Демченко Дмитрий Акимович: “Летом 1941 года немцы всех евреев согнали в один большой дом, ставший для узников местом по названию гетто. Здесь находились, в основном, старики, женщины и дети. Гетто охранялось, но люди могли выйти оттуда, так как их не кормили, и они обменивали вещи на продукты. Золото и другие ценные вещи у них отбирали”.¹⁴⁹

Вспоминает Ковалевский Анатолий Степанович 1927 г.р.: “Гетто просуществовало недолго, всего два месяца. Евреев согнали в большой дом с подвалами, заставив носить на рукавах желтые повязки. В Сиротино заключенные в гетто могли ходить свободно, разыскивая продукты питания, которые обменивали на вещи. Все ценное, а именно драгоценности, у них отбирали”.¹⁵⁰

Вспоминает Зимянина Александра Кирилловна 1924 г.р.: “В первые дни оккупации были отобраны молодые мужчины – евреи и вывезены под Витебск якобы на работу. Никто из них не вернулся. Гетто находилось в пяти

еврейских домах. Пожилых мужчин забирали ежедневно и отправляли на ремонт поврежденной шоссеиной дороги Полоцк-Городок. После работы вечером их загоняли в реку с ящиками песка и камня на голове, заставляли нырять. Кто не выполнял этот приказ тут же убивали. Кроме того, всех трудоспособных людей обоего пола принуждали к различным работам, в том числе и к сельскохозяйственным. Из Сиротино удалось убежать Масарскому Руману. Он скрывался, а потом ушел к партизанам. Спаса и Галынкин Давид”.¹⁵¹

Организовав в Сиротино гетто, изверги решали свою гнусную задачу – надломить людей. Евреи, не получая пищи, вынуждены были отдавать свои вещи в обмен на еду, когда они жили в своих домах, подобных проблем не возникало. Фашисты и их прислужники грабили людей беззастенчиво, с алчностью, достойной презрения. К тому же не гнушались убивать людей, издеваясь над еще живыми. Свидетели противоречат друг другу по вопросу места проживания. Пять домов или один? Кто прав? Вопросы без ответа. Вместе с тем, “Новое место жительства” сиротинских узников было ничем иным, как сборным пунктом для претворения в жизнь “окончательного решения еврейского вопроса”. Решение последовало.

Козловский А.С.: “Расстреливали людей в районе Гнилого Моста. Это место находится между Сиротино и деревней Бывалино. Здесь в песчаном карьере у болота и произошел расстрел осенью 1941 года”.

Зимянина А.К.: “Евреев вывели за местечко к глубокому песчаному карьере в урочище Гнилой Мост. Туда же собрали для устрашения белорусское население. Евреям предложили сдать драгоценности, обещая отправить их в Палестину. Тех, кто сдал свое добро, повели на расстрел

первыми. Убивали по несколько человек, ставя их у края могилы. После этой кровавой расправы еще ловили евреев и там же расстреливали”.

Из акта Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 12 марта 1945 года: “24 сентября 1941 года в районе Гнилой Мост на большаке Шумилино-Сиротино расстреляно 448 человек еврейского населения и заживо зарыто 430 человек”.¹⁵²

Демченко Д.А.: “Спаслась Щербаковская Роза Борисовна. Пряталась где-то. Потом попала в партизанский отряд, где находилась до освобождения”. Дмитрий Акимович вспомнил среди погибших семью Канделевых.

Гетто, появившееся в Сиротино приблизительно в конце июля – начале августа 1941 года уже 24 сентября 1941 года закончило свой путь в песчаном карьере у Гнилого Моста. Факты эти неоспоримы. Вызывают вопросы лишь цифры из акта Чрезвычайной Комиссии. Всего погибло 448 человек и из них 430 умерли живьем закопанные или речь идет о двух группах, принявших смерть. Тогда цифра умерщвленных становится – 878 евреев. То ли акт составлен наспех, то ли подписавшиеся его посчитали, что и так все понятно. Автору этих строк непонятно. Ясно другое. Погибли безвинные жертвы. Мир их праху.

Шумилино.

Совсем недалеко от областного центра находится этот маленький город, бывший когда-то местечком. На преобладание в довоенное время среди населения евреев указывают все очевидцы.

Вспоминает Лишакова Зинаида Максимовна, 1923 г.р.: “В годы Советской власти Шумилино расстраивалось. В

основном новые кварталы вырастали за железной дорогой. Сам центр представлял собой сплошной жилой квартал. Деревянные домики стояли, тесно прижавшись друг к другу. Жили в них, в большинстве своем, евреи”.¹⁵³

Война пришла сюда, привнеся в жизнь людей тревогу, опасения, но не реальное понимание близящейся трагедии. Естественно, раз нет понимания, нет и решительных действий. Не этим ли объясняется тот факт, что большинство евреев осталось на месте дожидаться своей смерти. Лишакова Э.М.: “Из евреев мало кто эвакуировался. Уехали семьи: Нахамкиных, Галынкиных, Старосельских, Каберман, Галерман, а все остальное еврейское население осталось в Шумилино”. Подались на восток, вглубь страны только эти пять семей или численность была куда большей? Вопрос из категории несущественных. Гораздо важнее факт, что эвакуировавшихся было немного. Евреи местечка ждали, не осознавая того, своей кончины.

Вспоминает Могильницкий Яков Рувимович: “Сначала мы хотели ехать на восток. Но потом наша соседка (у нее было трое маленьких девочек) сказала, что в Шумилино бедных евреев никогда не трогали. У нее там живет сестра... Тогда мы были готовы верить любым наивным словам. В общем, погрузились на подводу мама, сестра, соседка с тремя детьми. Положили кое-какие пожитки и поехали. Это было в начале июля. Навстречу нам шли уже немецкие части. Мы слышали, что фашисты уничтожают всех евреев. Однажды, когда рядом с нами остановился немецкий солдат, тогда он мне показался пожилым, я спросил у него на идиш: “Скажите, это правда, что немцы убивают всех евреев?”. Он хорошо понял мой вопрос, посмотрел на меня и ответил: “Да, это правда, мальчик” и дал кусок хлеба. Мама начала плакать, соседкины девочки

тоже. А куда нам было деваться? Кругом немцы. И мы решили продолжить путь до Шумилино. Первые недели нас никто не трогал. Потом немцы организовали полицию. Где-то через месяц после нашего приезда в Шумилино, в том районе города, где сейчас кладбище, отвели домов десять, русских оттуда выселили и стали в них сгонять евреев со всего города. Так появилось гетто. Этот район оградили проволокой. На ней висели банки, бутылки, производившие шум, если кто-то дотрагивался до проволоки. На вышке сидел полицейский с пулеметом, открывавший огонь по каждому подходившему к ограждению”.¹⁵⁴

Вспоминает Кондратьев Владимир Максимович: “Шумилинское гетто находилось на улице Пионерской. Жителей ее выселили, а евреев согнали в освободившиеся дома”.¹⁵⁵

Вспоминает Григорьева Людмила Никитична: “Гетто располагалось по улице Почтовой (современное ее название Пионерская. - Г.В.). Евреи жили по несколько семей в доме”.¹⁵⁶

Лишакова Э.М.: “Летом 1941 года немцы и полиция устроили для евреев Шумилино гетто на Почтовой. Дома обнесли колючей проволокой, поставив охрану. Евреи жили в этих домах, испытывая трудности с питанием. Они выходили тайком из гетто и просили кушать. Люди делились с ними кто чем мог”.

Могильницкий Я.Р.: “Чем мы питались? Передавали за проволоку одежду, золото. Оттуда нам приносили хлеб, картошку. Когда происходил обмен, некоторые полицейские делали вид, что у них есть срочные дела, отходили в сторону, а потом брали за это деньги, золото. Мужчин водили на работу. Неподалеку была железнодорожная станция. Там они разгружали вагоны. Я умудрялся по ночам пролезать под проволоку и ходить в деревню, чтобы

обменять что-нибудь на продукты”.

Григорьева Л.Н.: “Полицейские отбирали у узников гетто золото и другие ценные вещи. Евреи на одежде носили нашивки в виде шестигранной звезды. Им приходилось в поисках пищи выбираться из гетто”.

Лишакова З.М.: “Из гетто можно было выбраться и тем самым спастись, но многие не могли решиться. Правда, мне известно, что Бася Петровская сбежала. Она добралась до деревни Корьяны, а потом была в партизанском отряде, дожив до освобождения. Наверное летом 1941 года (точную дату не помнит. - Г.В.) 12 еврейских юношей свезли к деревне Стариновичи в 20 километрах от Шумилино. Их заставили рыть яму, а потом в ней же и закопали всех живьем. Трех погибших я знала. Это Эстрав Залман, Нейман Снеер, Шенькин (имени не помнит. - Г.В.).

Гетто в Шумилино появилось в августе 1941 года и представляло собой “закрытый тип”. Вполне “традиционным” было и содержание жертв. Принцип его известен. Размещая людей в стесненных жилищных условиях, без пищи, при отсутствии санитарии, грабя жертвы и всячески издеваясь на ними, изуверы решали одну задачу. Подавление воли к сопротивлению, превращение людей в податливое стадо. Машина уничтожения набирала обороты.

Могильницкий Я.Р.: “Так продолжалось месяца четыре. В середине ноября все стали понимать, что не сегодня, так завтра немцы расстреляют узников гетто. Да, полиция и не скрывали этого. Говорили, что скоро всем вам конец. Двое стариков в гетто повесились. Наверное от безысходности, от чувства бессилия, от того, что ничем не могли помочь ни детям, ни внукам. Мама тоже понимала, что немцы готовят ликвидацию гетто. И еще раньше она боялась, когда я ходил за продуктами, то теперь сама стала

мне говорить, чтобы я убегал из гетто. Однажды я ушел. Двое суток ходил по деревьям, все обменял и когда уже возвращался, меня задержал какой-то мужчина и сказал: “Ты чего лицо прячешь? Думаешь, я не вижу, кто ты? Не ходи туда, ваших всех расстреляли”. Я побежал к гетто. Меня остановила женщина и тоже сказала: “Не ходи туда. Ты же ничего не сделаешь. Всех ваших сегодня утром расстреляли”. Уже потом я узнал подробности этого расстрела. Полицаи говорили узникам гетто: “Мы вас отправляем в Палестину”. До ям надо было идти метров пятьсот. Стоял дикий вой, плач, крики. А полицаи смеялись и говорили: “Вы же к поезду идете. Поедете в Палестину. Хотели туда, немцы вас отправляют. Это было 19 ноября”.

Кондратьев В.М.: “Осенью, был уже морозик. Помню евреев построили и погнали в лес в район торфопредприятия “Добеевский мох”. Никто не пытался убежать. Всех согнали в закрытый сарай, а потом выводили и расстреливали”.

Григорьева Л.Н.: “Колонна евреев, шедших к месту гибели, растянулась на большое расстояние. Все шли с узелками. Говорили, после расстрела земля, покрывавшая казненных, вздымалась, словно дышала”.

Лишакова З.М.: “14 октября гетто расстреляли в вырытой накануне немцами огромной яме. После их гибели гитлеровцы прочесывали местечко и, найдя евреев, расстреливали. В тот день погибли мои одноклассники: Роза Будневич, Шамес Абрам и Полина, Эльза Магадей, Вера Кац, Люся Татарская, Люся и Хана Стеркины. Погибли они со своими семьями. Такая же участь постигла мою учительницу Эйдлину Розу Самуиловну и ее трехлетнего сына, семьи Эстравых, Масарских, Уздиных, Петровских, Гольштейн”.

Из акта Чрезвычайной комиссии по расследованию

злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 12 марта 1945 года г.п Шумилино: "... По Шумилинскому п.совету за период оккупации расстреляно, повешено и замучено мирного населения (с преобладающего большинства еврейского населения) 493 человека"¹⁵⁷

Ушло в историю Шумилинское гетто, оставив нам в наследие память, сохранение которой – священная миссия тех, кто живет сегодня. Память эта сохранена не в таком объеме, чтобы ответить на все вопросы, поставленные перед исследователем. Трудно определить точное количество евреев, заточенных в гетто и погибших в районе "Добеевского моха". Известна цифра – 493, но ведь она синтезирует и белорусов и евреев Шумилино. Правда, если учесть высказывание из акта Чрезвычайной Комиссии о подавляющем преобладании евреев, то пожалуй приблизительно можно говорить о числе свыше четырехсот евреев.

Дата гибели гетто вызывает сомнения, ибо нет абсолютной уверенности в ее точности. На памятнике захороненным мученикам указано, что они расстреляны 19 ноября 1941 года. Лишакова Зинаида Михайловна, напротив, считает датой массового убийства – 14 октября, утверждая его правильность. Опять вопросы без конкретных ответов. Ясно лишь одно, что гетто Шумилино было и приняло смерть.

Да упокоятся души павших.

ВОЙНА

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ.

Детство. Оно у всех одно и у каждого разное. Воспоминания приносят волны-нагромождения красок, в большинстве своем светло-розовых тонов. Кому не хотелось хотя бы на минутку вернуться в этот ушедший сказочный сон.

Война и детство. Это уже не волшебные грезы, а нечто наполненное кошмаром и ужасом действительности. В жизнь Кредо Зинаиды Ефимовны война вошла, когда ей исполнилось лишь восемь лет. Из Могилева, где ее семья жила в период мира, она со своими близкими уйти не успела. Помнит как город бомбили. Содрогалась земля от взрывов, пламя пожарищ выбрасывало в небо клубы огня. Казалось, что сейчас сверху на нее обрушится огромно-тяжелая бомба, и разорвет маленькое тельце в клочья. После недолгих боев части Красной Армии отступили, впуская немцев. Они сразу же принялись устанавливать свой "новый порядок". Где-то в августе 1941 года проводилась облава на евреев и гитлеровцы схватили родителей и двух старших сестер Зины. Убежали они уже втроем, так как одну сестру убили. Домой идти родные Зины опасались, а потому уведомили ее через соседней, где они находятся. Потом семья Кредо пряталась в брошенных домах, причем через два-три дня меняла место жительства.

Так продолжалось пока не последовала новая облава, загнавшая их в гетто. Там семья находилась до поры до времени. Судьба вновь проявила благосклонность к ним, явившись известием о близящемся расстреле. Не дожидаясь худшего, когда еще и не рассвело, они по одному убегали из гетто, договорившись встретиться в известном им разрушенном доме. Благополучно собравшись в оговоренном месте, перешли затем в пустующее здание.

Жизнью это пребывание в ожидании худшего, атмосфере страха безысходности назвать невозможно, поскольку подобное состояние противостоит человеку.

Люди хотели жить и верили в свою счастливую звезду, надеясь, что их минует горькая участь. Мечты, наполненные надеждой, разрушились спустя некоторое время, когда во время очередной облавы ночью семью Кредо схватили гестаповцы. Гестапо в Могилеве находилось в здании педтехникума, где сейчас располагается школа-интернат. Поутру их повели на допрос. Небольшой по времени отрезок пути велась опять же борьба за жизнь. Взрослые предложили конвоиру свои обручальные кольца в обмен на то, что он подтвердит отсутствие родственных связей между женщиной с двумя девочками и мужчиной, оказавшемся якобы случайно с ними. Полицай взятку взял, но потом к счастью излагал как чистую правду, разработанную наспех версию родителей Зины. Муж и отец жертвовал собой ради спасения жены и дочерей. Как удивительно просто и вместе с тем героически Ефим Кредо отправлялся в последний путь. Его сразу после короткого разговора увели и Зина никогда больше не встречала своего отца, сгоревшего в жертвенной любви. Мать и дочерей еще несколько суток продержали в подвале, где они часто слышали разрывающие душу крики и стоны людей истязаемых зверями в человеческом облике. Затем к общей радости и изумлению Зину, ее маму и сестру отпустили. Природа, живущая по своим законам, встретила их зимой с морозцем. Собственно жилья своего они не имели и что делать они тоже не знали. Им только хотелось жить и не попадать в лапы фашистов. В Могилеве был детдом, куда и привела мать своих дочерей. Сама же иногда приходила встречаться с ними на кладбище, находившееся совсем недалеко.

Так продолжалось недолго. Вскоре их мама перестала появляться в условленное время и хотя дочери упорно приходили на кладбище становилось ясно, что произошло непоправимое. Их самый родной человек погиб.

Как-то летом в детдом нагрянули немцы и принялись выявлять евреев. Производилось это довольно просто. Дети, показавшиеся им по внешнему виду евреями ставились в одну группу, остальные в другую. Сестра Зины была светловолосой и таким образом они оказались в разных группах. Очевидно, чувствуя опасность, старшая сестра показывала Зине глазами, чтобы та перебралась к ней. Пока гитлеровцы усиленно занимались отбором Зина, используя момент, перебежала к тем, кого приняли за неевреев. Их потом завели в одну из спален и закрыли, а признанных евреями увезли на машине. Сестрам Кредо оставаться в Могилеве было боязно, да и опасно. Решение пришло само собой. Сменить населенный пункт и уйти туда, где их никто не знает. Сестры и еще одна девочка сказав в детдоме, что пойдут в Бобруйск к родственникам, направились в противоположную сторону. Дорога заняла много дней. Идти было тяжело. Спасибо добрые люди в окрестных деревнях пускали переночевать. Правда и им говорили, что идут в Могилев и что родители их погибли. Предосторожности соблюдались из опасения попасть в руки к полицаям.

В Гомеле оказались в июле 1942 года, и обратились в местный детдом. Здесь и жили вместе со своими страхами и опасениями. Когда советская авиация, развивая наступление Красной Армии, приступила к планомерным бомбардировкам Гомеля, их перевели в деревню недалеко от города.

Ближе к осени 1943 года фашисты решили прихватить обитателей детдома с собой в Германию. Узнавшие об этом

воспитатели, собрав всех, сказали, что им лучше уходить пока не поздно. Сестры Кредо опять должны были бороться за жизнь. Зина просила милостыню и ей еще маленькой девочке кое-что перепало. Так и существовали пока сердобольная женщина не приютила их у себя в местечке Уваровичи Гомельской области. У нее они и дождались прихода Красной Армии. Потом пути сестер разошлись. Старшая, которой исполнилось шестнадцать, осталась в воинской части, освобождавшей Уваровичи, а Зина попала в спецдетдом местечка Поддобржанка, где находилась до 1949 года.

Дети военного времени. Они раньше выросли, испытав до срока горечь потерь и боль страданий. Смерть не раз пыталась осушить ручеек жизни, продвигавшийся вперед так неуверенно-робко. Всевышнему было угодно сохранить им жизни.

Память не утратила свежести воспоминаний о войне, так грубо вломившейся в их жизнь.

Мальчик из гетто.

Проходят годы. Проходит и жизнь, но боль людская не утихает, наполняя глаза слезами. Сколько трагедий произошло во Вторую мировую войну, сколько растерзанных судеб разбросано по свету. Память возвращает людей снова и снова к этой боли. Память высвечивает события, давно ушедшие в небытие. О них, о тяжелых испытаниях еврейского народа, о судьбе родного человека и пойдет речь. Нижеследующее записано со слов моего отца, Винницы Рувима Гедальевича.

Местечко наше было довольно живописным. В нем, т.е. в Оренграде, проживало более тысячи человек. Здесь рядом жили русские, немцы, поляки, чехи, словаки, украинцы, которых конечно, было больше. Еврейских семей насчитывалось примерно, двадцать, но несмотря на это, у нас была своя синагога. Как сейчас помню это красивое кирпичное здание, куда в свободное время приходили молиться и отмечать праздники. А работали евреи сапожниками, портными, мясниками, арендаторами и т.д. Война пришла к нам на третий день от ее начала. Украинские националисты встречали немцев хлебом, солью и вышитыми рушниками. Уже через несколько дней они обрядились в ОУНовскую черную форму с трезубцем. Старший полицай Тодос пришел к нам и увел отца Гедалия Рувимовича, якобы по важному делу. А дело было такое, что его и еще шестерых ремесленников-евреев на подводах отвезли прямо на окраину Ровно, где в районе сахарного завода на Лысой горе расстреляли. Тех, кто сразу не умер, добивали прикладами. Один раненый смог убежать. Так они его нашли и добили палками, бросив затем в пустой колодец.

Вскоре после этого пришел полицай Прохор и сказал,

что отец просил его опекать нашу семью. Мы тогда не знали о смерти отца и о том, что этот мерзавец положил глаз на наш добротный дом, так как сам жил в развалюхе. Прохор вместе с семьей переехал к нам. Мама моя Сарра помогала им, да и я не отказывался пасти чужую корову. Так прошел месяц. В конце августа 1941 года евреев окрестных местечек сгоняли в районный центр Тучин. Попали туда и мы. В гетто фашисты собрали много евреев, наверное, несколько тысяч и, чтобы не разбежались, приставили для охраны полицаев. Помню, в гетто был юденрат. Всем нашили по два желтых кружка. Один на спине, второй – на груди. Жизнь нашу в то время радостной не назовешь, и вот однажды, осенью, когда меня, маму и сестру Милху отправили на работу подбирать ветки (мужчины в это время рубили лес), мы решили бежать и не вернулись. В Тучине в гетто остались мамины родные Брены. Это две тети с семьями, дядя-кожевник тоже с семьей и одна семья по отцу. Уже через три дня можно было увидеть зарево. Такое ощущение складывалось, что горело небо. Тогда я не знал, что палачи жгли гетто, замечая следы преступления. Слышали мы и стрельбу в Тучине. По прошествии времени мы узнали о гибели всех евреев, оставшихся в городе. Находясь в лесу, мы встретили родного брата отца – Аврума. Они с мамой посоветовались, поговорили, и она упростила его взять меня с собой. Мама и моя сестра Милха попрощались с нами. Увы, но я не знал тогда, что больше их не увижу. (Не знал он и о том, что восстало в Тучине гетто. - Г.В.).

Дядя Аврум в гетто в Тучин не пошел сразу и скрывался в лесу. Надо сказать, что он был отличным мастером-сапожником, да и все Винницы, насколько помню, сапожничали. После скитаний по лесу мы оказались в украинской семье. Хозяин дома оставил нас у себя на

определенных условиях. А условия были такими, что всю брошенную в еврейских хатах обувь хозяин дома привозил к себе, где дядя перешивал и подгонял под размеры домочадцев. Укрывали нас до той поры, пока мы их (я помогал дяде) не обшили. После чего нас запросто выгнали на улицу. Не выдали, и на том спасибо. Что оставалось делать? Отвел меня дядя в лес, где мы вырыли нору, в которой прятались. Днем в ней отсиживались, а ночью выходили к знакомым и просили еду. Затем опять укрывались в украинской хате пока нужда была в сапожной работе, а закончив снова отправлялись на поиски хлеба и крова. Следующий хозяин дома после того, как мы обшили все семейство, из дома нас не выгнал. Мы прятались у него в стогу сена. Сколько это продолжалось, точно сказать не могу, но помню, что здесь нас схватили бандеровцы. Хозяина дома пытали, все выясняли, дали ли мы ему золото за то, что укрывал нас. Ничего не добившись, они его убили. Хороший дядька был, а ведь даже имени его не запомнил. Нас бандеровцы перевезли в подвал и что-то очень долго держали. По нужде под конвоем водили. Потом привезли в село. Тут, конечно, дядька работал на них сапожником, и я помогал ему. А дальше было так, что меня переодели в украинскую одежду и отправили пасти лошадей. Что было потом? А потом нас отвезли в бандеровский лагерь и тут дядя Аврум работал сапожником. Находились мы в лагере довольно долго. Помню, дядька и еще один еврей-сапожник поехали обшивать большую украинскую семью. Поработав, они уехали, оставив меня и сына другого сапожника Ицика. Здесь мы оба и дождались освобождения. Правда, годы скитаний сказались на здоровье, и я, и Ицик заболели. Хозяин ходил в советскую воинскую часть, просил лекарства. Там сказали, чтобы он нас привел. Так я стал

воспитанником войскового подразделения, с которым дошел почти до Берлина. Да, и еще о больном. Где-то в феврале 1942 года я узнал, что один украинский националист по имени Вакула увидел, как в стогу соломы прячутся моя мама и сестра. Недолго думая, он выдал их немцам, получив за свою подлость два килограмма соли.

Нелегко возвращаться в прошлое, но должен рассказать еще об одном эпизоде. Спустя три дня после того как дядя Аврум увез меня из бандеровского лагеря там начался еврейский погром. Всех евреев, а их было что-то около трехсот у бандеровцев, перебили. Причем убивали топорами, косами, вилами. Пулю жалели, а людей нет. Хозяин избы, в которой мы с Ициком прятались, говорил, что врача-еврея не раз спасавшего жизни раненым бандеровцам сожгли на костре будто полено, а молодую женщину привязали к двум березам и разорвали, словно тряпичную куклу.

Завершая свой рассказ о мальчике из гетто, хотелось бы отметить, что он раскрывает один из малоизвестных эпизодов в жизни евреев оккупированных немцами территорий, утверждая стремление к жизни, через боль и страдания.

У черты.

Жизнь. Она сложна и извилиста. Для людей это всегда испытание. Порой бывает, что какой-то период ее ставит нас у черты. Шаг, еще шаг и падаешь в бездну. Каждый решает для себя как выстоять и не сломаться. Это может продолжаться и год и два, но надо обязательно выдержать. Война. Она всегда непрошенная гостья, ломающая судьбы. Лишь мы сами способны выбирать путь достоинства и чести, и хотя бы, такой как у Лазаревой (Маркман) Фаины Ефимовны 1924 г.р. Маленький человечек появился на свет в селе Юрьево Смолевичского района Минской области. Девочку больше рады видеть в мечтах мамы, а по рождении она как правило становится любимицей отца. Так случилось и в этой еврейской семье. Летело время. Вот уже дочь сделала первый шаг по земле, безмерно радуя родителей. Пошел человечек. Жизнь идет своим чередом и кроха, еще вчера носившаяся по улице в вихре увлекательных детских игр, чинно шествует в школу, гордо неся портфель. До войны Фаина успела закончить девять классов в местечке Уречье, располагавшееся в Слуцком районе. Здесь успешно действовали оборонный кружки, позволившие заполучить заветные для многих молодых людей того времени значки: ПВХО, ГСО, БГТО, "Юный ворошиловский стрелок". Война разорвала в клочья мечты о светлой радости будущего. Казалось, что все трагическое может случиться, но не в ее, а в какой-то другой жизни.

Семья Фаины жила в военном городке, где ее отец Ефим Гаврилович работал начальником электростанции. Тяжелая весть обрушилась на всех совершенно неожиданно. Весь личный состав полка находился в Западной Белоруссии в передвижных лагерях. В городке оставалась лишь караульная рота. Многие были просто уверены, что враг

далеко не пройдет и его отбросят если не в первый день, то на второй точно. После того как 27 июня немцы высадили десант надежды растаяли словно дым и жители военного городка стали срочно эвакуироваться. Местный колхоз выделил семь подвод, на которые погрузили свои вещи и маленьких детей. Далеко уйти не удалось. Колонну остановили и обстреляли гитлеровцы. Путь на восток был закрыт. Пришлось возвращаться назад.

Военный городок нашли совершенно опустошенным и разрушенным будто после набега кочевников. В Уречье в брошенном доме поселилась семья Фаины и еще две женщины. Отец ушел в лес, создав из окруженцев и местных жителей боевую группу. Фашисты уже в первые дни своего пришествия отобрали двадцать пять мужчин-евреев и расстреляли. Злобствовали и коллаборационисты, особенно Рухло и Грузд. Гетто сразу не создавали, но дома евреев поместили звездами. Желтые знаки принуждали носить и на одежде. Каждый день под конвоем евреев гоняли на изнурительные работы, заставляя копать оборонительные укрепления, убирать территорию местечка, расчищать от снега дороги. Для голодных и полураздетых людей это было суровым испытанием. Евреям даже по тротуарам ходить запрещалось, а разрешалось передвигаться только по проезжей части.

Местное население не имело право не только помогать евреям, но и даже общаться с ними. Пока семья находилась в Уречье Ефим Гаврилович тайно навещал ее, а старшая дочь Фаина также тайком пробиралась в лес и сообщала о положении в местечке, принося назад новости Совинформбюро. Интересную версию того, что евреев немцы не расстреляли и не загнали в гетто сразу, предлагает Фаина Ефимовна – корыстолюбие коменданта, которое позволило евреям Уречья несколько отсрочить

кончину. Сие претворялось посредством периодического сбора драгоценностей и вручения их мздоимцу. Подобное должно было когда-нибудь закончиться по причине истощения запасов фамильных драгоценностей у евреев или терпения их вымогать у коменданта. Почему бы не хапнуть все сразу? Февраль 1942 года и разрешил эти проблемы. В этом месяце еврейское население Уречья согнали в гетто на улице Тальской, обнесенной предварительно колючей проволокой.

В мае того же года из домов гетто, а проживало в каждом из них приблизительно 15-18 человек, выгнали всех евреев, построили в колонну и повели под конвоем в сторону торфоразработок. Там и полегло в землю примерно 300 узников. Всех расстреляли. Никто не уцелел. Фаина Ефимовна вспомнила некоторых погибших: Любецкая Сарра, Домнич Броня, Горелик Бася, Львович Аня, Канцельсон Гриша. Удивительны судьбы еще двоих. Фишман Саша решил убежать, когда колонна следовала к месту казни мимо леса. Погнавшийся за ним полицейский догнал-таки беглеца, но в обоюдной короткой схватке Саша погиб, успев уничтожить врага, перерезав ему бритвой горло. С Басей Безручкиной все обстояло иначе. Природа наградила ее удивительной красотой и не увидеть это мог только незрячий. Комендант Уречья ее хорошо рассмотрел и потому пообещал ей жизнь в обмен на плотские утехы с ним. Бася-красавица, мечтавшая, как и все девушки о чудесно-светлой любви, отвергла притязания похотливого самца, предпочтя смерть грязи. Фаина Ефимовна по праву гордится своими одноклассниками, достойно встретившими погиль.

Примерно за три месяца до этой трагедии 2 февраля 1942 года Ефим Гаврилович Маркман вывел свою семью, а также семьи Потехиных, и Калман в лес. Всего

одиннадцать человек. Ночь 2 февраля была морозная и звездная. Группа продвигалась осторожно. Впереди отец Фаины, а за ним все остальные. Обходили опасные места - немецкие посты и дороги. Лишь раз, выйдя к шоссе, проследовали по нему с километр, после чего свернули опять в лес. Здесь шли по снежному насту, проваливаясь в него. Проще было идти в след двигавшемуся впереди цепочки и торившему для группы дорогу. Первым, как Вы понимаете, шел отец Фаины. К тому же он нес на себе шестилетнюю дочь Калмана. Прямо скажем нелегкий путь, наполненный нервом ожидания, уничтожавший немим вопросом - "а вдруг не получится?" - закончился у деревни Верхутино, что в десяти километрах от Уречья, где группу ждал партизанский связной Солонец. Он привел всех в свой дом. Тепло деревенской хаты, после тяжелого перехода, вмиг усыпило людей. В предрассветный час Ефиму Гавриловичу с трудом удалось их разбудить. Снова дорога. Снова страх и опасения. Двое суток пути по лесистой местности. Ближе к ночи отец Фаины уходил в ближайшую деревню уточнить обстановку и договориться о ночлеге. С искренней благодарностью и теплотой вспоминает Фаина Ефимовна о людях дававших беглецам возможность обогреться и отдохнуть. 5 февраля группа пришла в полесскую деревню с названием то ли Бояново, то ли Бояничи. Здесь утомленные дорогой люди поселились в доме кузнеца-еврея, а отец Фаины отправился в деревню Живунь. Спустя семь дней он вернулся за ними, чтобы отвести в партизанский лагерь. Так одиннадцать евреев спаслись от гибели. Ефим Гаврилович предлагал уйти из Уречья многим, но те опасались за жизнь остающихся родственников и отказывались.

Воспоминания об отце у Фаины Ефимовны наполнены огромной любовью и гордостью. Он, будучи в мирное

время заядлым охотником прекрасно ориентировался в лесу и частенько водил партизан тайными тропами, что позволяло сократить путь, незаметно подобраться к деревне, занятой фашистами или оторваться от погони. Им же были сконструированы и изготовлены два автомата, а также множество ручных гранат. Ефим Гаврилович вместе с сыном Борисом восстановил в лесу мельницу недалеко от деревни Зорька Глусского района, где сельчане мололи потом зерно, а помольный сбор отдавали партизанам. Только авторитет отца Фаины позволил парням бежавшим из Варшавского гетто остаться в отряде, хотя командир его Цикунков Б.М. поначалу был против, мотивируя отказ отсутствием у новоприбывших оружия. Ефим Гаврилович убедил, что оружие они добудут в первом же бою. Так впрочем и случилось. С ходом времени четыре брата Сагалович и молоденький Гуринович (имен не помнит. - Г.В.) зарекомендовали себя храбрыми бойцами и по праву были в числе лучших.

Между тем Фаина, ставшая как мы знаем партизанкой в феврале 1942 года, рвалась в бой, но в свои семнадцать выглядела хрупкой пятнадцатилетней девочкой и поначалу ей пришлось готовить еду на партизанской кухне. Жизнь партизана нелегка и насыщена ратным трудом. Приобщиться к нему рвалась Фаина. В июле 1942 года, когда каратели вторглись в партизанскую зону, она сменила поварешку на карабин, врученный ей отцом. Потекли суровые будни, наполненные участием в боевых операциях, рельсовой войне. Приходилось ходить и в разведку. Непростой оказалась и повседневная партизанская служба. Отряд "Буденного" базировался среди болот, окружавших лагерь. Вымощенная в одном месте гать служила дорогой, связывавшей партизан с внешним миром.

Правда, по ней могли пробраться и немцы, поэтому два

отделения, созданные из молодых бойцов вели здесь наблюдение круглосуточно. Воцарилась осень и заступавшему на пост хоть и не жарко было, но следовало обратиться вслух, всматриваясь до боли в глазах вдаль. Задача ставилась следующая: в бой не ввязываться, а при появлении немцев просигналить ракетой. Тем не менее, ответственность, возложенная на парней и девушек, обязывала к бдительному несению службы. Партизаны совершали диверсии и на железной дороге или, как принято, было говорить "ходили на железку". Нечасто молодую партизанку Маркман включали в подрывные группы. Вот один из эпизодов. Как-то разведка донесла, что на железной дороге наблюдается усиленное движение эшелонов, набитых техникой и живой силой. В отправляемую группу включили и Фаину к ее великой радости. Это происходило зимой. Проводник вывел партизан к "железке" недалеко от станции Верхутино. Завидев немецкий патруль все спрятались. Пропотевшие в пути ноги сковал мороз, но ни шевельнуться, ни постучать одну о другую нельзя - услышит враг. Час пролежали. Только патрули разошлись, взводный командир схватил мешок с толом и уложил на шпалы. Тем временем Фаина с еще одним партизаном разматывали веревку, так как бикфордова шнура не было. Обычно копали ямку для мешка, но время убывало с катастрофической быстротой и как уже сказано, тол уложили открыто. Взводный едва вставил взрыватель, как показался поезд. Ему хватило времени лишь на то, чтобы кубарем скатиться с насыпи. Приблизившийся состав, достигнув места с уложенной взрывчаткой, вздыбился от взрыва, ломая вагоны и переворачивая их. Взрывной волной контузило и командира взвода, которого потом в отряд несли на руках. Его вскоре наградили орденом Красной Звезды, а бойцы

участвовавшие в операции были горды этим.

Молодая партизанка Фаина метко стреляла, как оказалось, а посему ее включали в боевые группы, отправляющиеся в засаду. Она и сейчас хорошо помнит участие в одной из них. Ночью отправились на задание, рассчитывая поутру быть у шоссе Глусск-Бобруйск. Выйдя к установленному месту залегли. Вскоре со стороны Бобруйска показались два грузовика, наполненные немецкими солдатами. Командир группы Иван Болтушкин приказал пулеметчикам открыть огонь по второй машине. Удар, нанесенный по грузовику, был весьма точным и он сразу загорелся, опрокидываясь в канаву. Гитлеровцы, находившиеся в первой машине отстреливались, но спустя некоторое время пали сраженные партизанскими пулями. После этой операции пару зарубок на своем карабине сделала и Фаина.

Вспоминается Фаине Ефимовне и то, как она ходила в разведку. Почему она выделила именно этот случай, трудно ответить. Впрочем, обратимся к памяти. Находившаяся недалеко от расположения отряда "Буденного" деревня Зорька была спокойным местом, а посему там размещался партизанский госпиталь. Все бы ничего, но однажды со стороны деревни послышалась стрельба. Командир отряда Цикунков, обеспокоившись, послал в разведку Фаину, чтобы она выяснила происходящее. Партизанка, пришедшая в дом связной Махонько, чуть не довела ту до обморока. Оказывается в деревню вошли немцы и Фаина лишь чудом на них не наткнулась. Связная сообщила, что раненых переправили в надежное место, после чего осторожно, опасаясь ежеминутно встречи с врагом вывела партизанку из деревни. Смерть была рядом, но все же обошла стороной.

За участие в вооруженной борьбе с врагом Фаина

Ефимовна Лазарева награждена медалями “За отвагу” и “Партизан Великой Отечественной войны” II степени.

Война оставила глубокий след в ее душе. Да разве судьбу изменишь. Горько, когда женщина берется за оружие.

Праведники

Светало. Парнишка выбрался из стога сена и огляделся. Кажется никого нет. Пустынно. Чутко вслушался в тишину. Сердце учащенно забилось. Он весь напрягся, но ничего такого, вызвавшего бы опасения не доносилось.

Сколько уже дней и ночей приходилось метаться в поисках убежища. Вдруг вспомнилось 28 февраля. Взволнованное лицо отца, когда он выдохнул: “Беги, спасайся”. Каратели, прибывшие в Лепель убивать евреев, открыли огонь по нескольким узникам гетто, бросившимся врассыпную. Засвистели пули совсем рядом. Он с разбегу плюхнулся в снег и замер. Немцы протопали мимо вслед другим убежавшим. Когда шаги их затихли, приподнял голову. Осмотрелся. Недалеко лежали застывшие навечно, распластавшись, три знакомых парня. Снег возле них окрасился в красный цвет. Что-то будто подтолкнуло. Он пополз по снегу. После чего вскочил и задыхаясь, бросился к реке.

Теперь, спустя некоторое время, это спасение казалось чудом. “Да находился и натерпелся – подумалось ему, когда вернулся к дням скитаний. Сегодня он ночевал в стогу, а вот вчера удалось пробраться в неприкрытую баньку. Припомнился и позавчерашний ночлег – хлев. Вдруг сердце сковало болью при мысли о погибшей семье. Слезы потекли, туманя глаза. Тяжело. Некоторое успокоение пришло с осознанием того, что он то живой и должен жить дальше. Однако как? Как выжить, когда вокруг шныряют немцы и полицаи. Попасть в их лапы – означало только одно – смерть. Беспокоили обмороженные ноги. Совсем ослабел от недоедания и еще эти противные красные круги в глазах. Страх за будущее переполнял душу. Отчаяние овладело им. Он стал лихорадочно отряхиваться, а затем

еще раз осмотревшись, побежал к чернеющему стеной лесу. Передвигаться пришлось по снежному насту, частенько проваливаясь в него. Дорога до ближайшей деревни совершенно вымотала. В сумерках, изнемогая от усталости и от мучившего чувства голода, он постучался в крайнюю избу. Открывшей женщине пробормотал: “Пустите переночевать, пожалуйста” - с мольбой взглядываясь в ее глаза и рухнул, теряя сознание. Очнулся в постели. Взгляд его блуждал по чистой и светлой хате пока не остановился на добродушном лице, сидевшего неподалеку мужчины средних лет. Как будто издали донесся вопрос: “Ты откуда, хлопец? Как зовут?”. Подросток весь сжался. Накатились воспоминания. Почему то всплыл эпизод, когда в один из вечеров в их переполненный дом в Лепельском гетто вошел эсэсовец. По заведенному извергами порядку все вскочили. Он же измученный голодом, не смог встать. Кружилась голова и подкашивались ноги. Фашист вцепился в него и потащил на улицу. Плач и мольбы о пощаде, бывших здесь евреев, на него не действовали. Он просто не слышал, а скорее всего не хотел слышать. Вытолкнув его на пустынную улицу в метрах десяти от места проживания садист стал избивать мальчишку резиновой дубинкой, причем бил с каким-то остервенением, пока он не отключился.

Вот и сейчас ему показалось, что произойдет что-то страшное. Его испуг заметил собеседник и догадался успокоить: “Да ты не бойся. К своим попал”. Паренек почувствовал, что перед ним не враг. Недоверие уходило. “Имя то у тебя есть? – продолжал мужчина”. “Сеня... Семен! – несколько замешкавшись ответил он”. “Из каких краев? – последовал новый вопрос”. “Я... я из Саратова-проговорил Сеня. После, словно почувствовав внутренний толчок, он оживился и торопливо заговорил: “Дядечка

возьмите меня. Буду все-все делать. Коров пасти, свиней кормить, выполнять любую работу”. Мужчина, явно тронутый его порывом, произнес: “Ну, пастух из тебя сегодня никакой. А вообще собирайся, поедем ко мне”. Жизнь делала крутой поворот. Мужчина, а это был Никита Васильевич Гриц, повез парнишку на свой хутор близ деревни Угляне Глубокского района. Конечно, он понимал, кого берет под опеку, а вскоре и сам Сеня рассказал свою горькую историю. В деревне трудно что-либо скрыть. Все через некоторое время уже знали, что в семье Грицев объявился новый жилец. Появились доброхоты. Напомнили об опасности, которой подвергал себя и свою семью Никита Васильевич. Да что с того. Он не колебался и тогда, когда решил спасти парнишку, не отступит и теперь. Правда, посоветовавшись с женой Евгенией Андреевной Никита Васильевич решил обратиться к старосте Бабичу за справкой. Справка та, по их замыслу, должна была подтвердить, что Сеня якобы из детдома. Староста отнесся к просьбе положительно, выдав документ без промедления и без лишних вопросов. Жизнь налаживалась, становясь другой. Появилась у Сени надежда. Страхи одолевали, но внутри, в душе у парня поселилось успокоение. Обрел новую семью. Хозяйский сын семилетний Вадим и тот считал его братом. Сдружился он и с племянником лесника Грица – Шипенком Василием. Вроде бы все хорошо, но тревога не покидала спасителей. Никита Васильевич и Евгения Андреевна, конечно понимали, какую судьбу себе выбрали, однако никогда они не испытывали сомнений в отношении совершенного. Да и никто в деревне как оказалось, не стал предателем, хотя все знали, что у лесника живет еврейский парнишка. Сельчане отнеслись к Сене с пониманием, создав в отношениях с ним атмосферу дружелюбия. Не будь этого кто знает, как бы все

повернулось. Долгие два года ожидания растворились, канули в Лету. Пришли светлые дни и в Угляне. Война откатилась на Запад. Встал с июля 1944 года в ряды армии-освободительницы и Семен, простившись со ставшей ему родной семьей. Отправили его на Север в стрелковый полк. Попав в армию, он так в ней и остался, выбрав профессию военного. Уже после войны в свой отпуск ежегодно Семен Фейгельман вместе с женой и детьми навещал своих названных родителей. Дети его звали их бабушкой и дедушкой. Никита Васильевич и Евгения Андреевна в разговоре со спасенным ими человеком не соглашались, что совершили настоящий подвиг. Да, рисковали жизнью, да тревожились, но ведь время было какое. Многие бы так поступили. Жизнь проходит. Она неотвратима. Нет уже среди живых супругов Гриц. отошли в лучший мир. Жаль, но никто не вечен. Вечны лишь дела и поступки. Их поступок дорогого стоит. Сейчас таким людям отдают должное. Награде нужно обрести своих героев. В далекий Иерусалим послано письмо Семена Климентьевича Фейгельмана, рассказывающее о подвиге Никиты Васильевича и Евгении Андреевны Гриц. Недолго осталось ждать, когда их внучка Татьяна получит награду бабушки и дедушки – медаль “Праведник мира”.

Ветераны

Отгремела, отгрохотала война в том далеком полувековом прошлом. Сполохи ее и сегодня бередят, не отпускают ветеранов, поседевших и изморщившихся. Там, в годах тех огненных осталась их молодость – сильная и красивая. Дорога она им еще и тем, что нелегко досталась, совпав с годиною суровых испытаний. Обращаясь к ней, к опаленной войной юности мы отдаем дань им, солдатам, вынесшим на своих плечах эту тяжесть.

Рассказ первый о Лосиковой (Шулькиной Рахиль Юрьевне 1924 г.р.): “Родилась она в Полоцке, приходя в этот мир за своим маленьким счастьем, чтобы жить, радоваться и любить. Годы пробегают свою дистанцию, сходя с нее и вот уже семья Шулькиных переезжает в Ленинград, в эту северную Венецию и обосновывается здесь. Мама воспитывала дочерей, следила за порядком в доме, словом вела домашнее хозяйство, а отец, как и положено мужчине обеспечивал семью, работая парикмахером.

К началу войны ей исполнилось 17 лет. Разве мы не знаем что такое этот возраст. Юность, пора взросления, мечты и любовь. Разве не создан весь мир для этого высокого чувства. Кому не хотелось испить эту чашу с дурманящим напитком блаженства. А ведь любовь для женщины это и есть жизнь. Правда, необходимо добавить сюда и мир, время, когда люди и не помышляют о том, чтобы придти в другую страну и убивать других людей, чтобы заполучить свой кусок хлеба, покрытый слоем масла с кровью.

Да, время, когда хочется обнять весь мир и вся жизнь впереди вдруг из цветного стало блекло-серым. Война наполнила собой судьбы многих, разрывая, коверкая,

испытывая. Враг уже был на подступах к городу, бомбя архитектурный шедевр. Совсем еще юная Рахиль часто навещала госпиталь, предлагая свою помощь по уходу за ранеными. Приходилось выезжать и к передовой для постройки оборонительных укреплений, что тогда называлось просто – “рыть окопы”. Между тем немецкие части приближались к городу, сжимая кольцо блокады. Не стало света, воды, перестали ходить трамваи. Голод – это страшно-жуткое состояние медленного умирания – воцарился в городе. Радио прямо на улице предупреждало о бомбежках, обстрелах и наличии убежищ. Выдавали по 125 граммов хлеба, по виду напоминавшего жмых и больше ничего. Зима нагрянула с сорокоградусными морозами, а людям нечем было ответить. Топливо отсутствовало напрочь. Вскоре смертность от голода принимает массовый характер. Все надежды возлагались на замерзшее Ладожское озеро, ставшее дорогой жизни, ибо по нему доставлялись в блокадный Ленинград продукты и все, что представлялось нужным. По Ладоге в марте 1942 года вывезли и Рахиль, заболевшую дистрофией. Так она оказалась в г. Черниковке Башкирской АССР, где тогда проживала ее семья. Выздоровев, девушка с утра до вечера трудилась на военном заводе, а после работы посещала вечерние курсы медсестер. Успешное завершение учебы на этих курсах стало отправной точкой призыва в Красную Армию. Так молоденькая медсестра оказалась на 3 Белорусском фронте, в 39 армии, запасном полку откуда она попадает в 91 гвардейскую стрелковую дивизию, 279 гвардейский стрелковый полк в санроту. Уместно ли применить к девушке выражение первый бой, но он состоялся в ее жизни в Литве. Части Красной Армии вели наступление и несли значительные потери. Санрота была загружена работой настолько, что весь этот период не знала

ни сна, ни отдыха, и буквально все валились с ног от усталости. Ратный труд имеет разные воплощения. Часто он сопряжен с огромным напряжением сил, человеческих жизней ради. Вскоре на гимнастерке сестры милосердия Шулькиной засверкала новенькая медаль “За боевые заслуги”. После некоторого спада активности на фронте, а вернее периода оборонительных боев, части Красной Армии перешли в решительное контрнаступление, устремляясь к границе Восточной Пруссии.

Жаркие баталии перерастали в тяжелые и затяжные бои, уносившие множество человеческих жизней с обеих сторон. Отчаянное сопротивление противника затрудняло продвижение вперед, но, тем не менее, 91 гвардейская дивизия вышла на побережье Балтики.

За весь временной отрезок контрнаступления на плечи медиков легла нелегкая ноша по выполнению своих прямых обязанностей. Оказание помощи раненым и их эвакуация с поля боя, производилась под огнем врага, не выбиравшего где солдат, а где санитар. Изнурительная военная работа с риском для жизни и направленная на спасение живых опустошала, но привносила в души радость осознания выполненного долга.

Когда обескровленную в боях дивизию отвели на отдых, где часть пополнялась людьми и техникой, Рахиль узнала о награждении ее “Орденом Славы” 3 степени. Война продолжалась, хотя все понимали, что победа близка, а с ней и конец баталиям, ранам и смертям до срока. Последней боевой операцией для медсестры Шулькиной на германском театре боевых действий стал штурм Кенигсберга. Ее назначили в 97 гвардейский отдельный противотанковый дивизион на замену раненого санинструктора. В ожидании штурма новоиспеченный санинструктор занималась обычной работой. Ей следовало

посещать батареи, расчеты, выявляя раненых, больных и бороться со вшами, одолевавшими бойцов в окопах. Путь на батареи пролегал по ходам сообщения. Идти приходилось пригнувшись, чтобы не стать мишенью для немецких снайперов. Загишье на фронте заканчивалось и уже с рассветом однажды исчезло, уступив место мощному артиллерийскому огню орудий частей Красной Армии. Вскоре к этому сильнейшему удару подключилась авиация, превращая все в грохот, мерное содрогание земли, зарево пожарищ. После того как первая линия обороны противника понесла значительный урон и огонь был сосредоточен на втором рубеже укреплений последовала атака пехоты, поддерживаемая танками.

“Это было ужасно” – говорит сестра милосердия, вспоминая как под шквальным огнем противника приходилось оказывать помощь раненым. Смерть ходила за ней по пятам, но Всевышнему угодно было сохранить ей жизнь. Город мощным приступом взяли, а после дивизия могла и отдохнуть. Еще одна награда появилась на гимнастерке санинструктора Шулькиной – медаль “За отвагу”. Казалось эта война закончилась и все уже надеялись на демобилизацию и скорое возвращение домой, но части доукомплектовывались людьми, техникой и были погружены в эшелоны. Куда везут никто не знал. Так и проехали всю Россию и лишь на станции Борзя за городом Чита выгрузились, отправившись своим ходом в Монголию. Путь нелегкий и долгий. Преодолели приблизительно 350 километров. Местность своеобразная. Сплошная ковыльная степь, необъятных размеров. Ни деревца, ни реки. Специально для частей Красной Армии на пути движения вырыли колодцы. В городе Танцаг-Булаг передохнули несколько дней, после чего началось наступление на Квантунский полуостров. Двигались по

горам и болотам, по бездорожью.

Бойцам приходилось частенько толкать застревавшие машины и артиллерийские орудия. Боевая техника двигалась довольно медленно из-за большой высоты. Сплошного фронта обороны не было. Японцы на сопках делали укрепрайоны. Поначалу они отчаянно сопротивлялись, но после капитуляции Квантунской армии сдавались в плен. Вторая мировая война закончилась. Из порта Дальний личный состав на теплоходе “Двина” отправлялся во Владивосток, а оттуда поездом по домам.

Имя первой женщины означает жизнь. Война же несет смерть. Женщина на войне нонсенс. Когда же все люди поймут это.

Рассказ второй об Обезгаузе Файвеле Евновиче 1923 г.р.: “Родился он в Лепеле. Населенных пунктов с небольшим количеством жителей, среди которых немалую часть составляли евреи в Белоруссии было множество. Их называли местечко или “штетл” на языке идиш, что переводится как городок.

В этом городке портняжил его отец Евна Меерович, обеспечивая свою семью из троих детей и жены Рахиль Павловны, занимавшейся домашним хозяйством. Наверное, так и должно быть, когда женщина все время дома, следит за детьми и очагом, чтобы семья жила вечно. Ведь как же тяжело ей, работающей целый день и приходящей в семью с грузом усталости на плечах и отдающей остаток сил домашнему труду. Не потому ли старится жена и мать раньше срока. Все-таки была в довоенное время такая возможность побережь женщину и многие из них посвящали себя семье. Это происходило во всех местечках и в Лепеле тоже. Правда, не только этим жив человек. Ему еще и учиться следует. Для этого была еврейская семилетняя школа. В свободное время евреи ходили в двухэтажное

деревянное здание недалеко от рынка, бывшее синагогой, которую в 30-х годах закрыли, сделав в том помещении кинотеатр. Грустно, а ведь раньше евреи приходили туда и обращались к Всевышнему, советовались с ним, просили прощения и отмечали праздники. Между тем жизнь не стоит на месте. Она будто река течет дальше, унося нас от детства, которое для многих словно светло-розовый сон, который так хочется увидеть хотя бы еще раз. Да время. Оно неумолимо, Вот уже Файвель Обезгауз, закончив девять классов, поступает на курсы техников, а спустя 6 месяцев работает в бюро Технической инвентаризации. Мирная жизнь в его воспоминаниях возрождается в тихих рассветах над местечком, туманом над Лепельским озером, по которому катался на лодке с друзьями и подругами, забыв обо всем на свете. Правда война – эта хитрая и подлая ведьма незаметно подкралась, разрушив сказочный дворец радости и покоя. То был шок истошным криком женщин прорвавшийся в подсознание. В тот же день пожаловали с воздуха непрошенные гости, оставив в подарок разрушенный военкомат и погибших комсомольцев, которых принародно хоронили назавтра. А еще через пару дней в семье Обезгауз состоялся серьезный разговор о будущем. Родители говорили, что две войны пережили, да и еще одну осилим. Вы же сыновья комсомольцы. Мало ли чего. Надо бы вам уходить. Попрощавшись с семьей, ушли к Витебску Файвель с братом Залманом, оставив как оказалось навсегда отца, мать и четырнадцатилетнюю сестричку Дору в Лепеле, где вскоре они погибли, как впрочем и все попавшие в гетто. Дорога на Витебск была заполнена беженцами, колоннами отступающих красноармейцев, всякой живностью, ведомой заботливыми хозяевами. Немцы наведывались иногда и с воздуха – расстреливали всех без разбору, оставляя после

себя кровавый след из убитых людей и животных. Ближе к Витебску их уже обгоняли гитлеровцы на мотоциклах, стремившиеся в город. Город же горел вовсю, щедро поливаемый огнем наступавшим врагом. Витебск, охваченный пламенем и уже занятый немцами, обошли стороной, направившись к Смоленску. 2 июля 1941 года подошли к этому старинному русскому городу, который вздрагивал от разрушения зданий и пылал охваченный пожарами, из-за беспрестанной бомбардировки вражеской авиации. На станции Смоленск они, сев в уходящий на Восток поезд, добрались в город Чкалов Оренбургской области, откуда 7 декабря 1941 года Файвеля Евновича призывают в Красную Армию. Комиссия сразу же направляет его в Бердичевское пехотное училище, базировавшееся в Чкапове. Что это было за время. Народы СССР в едином порыве встали на защиту своей Родины, сдерживая могучего, жаждущего крови и рвущегося к Уралу врага. Конечно, они учились, но времени катастрофически не хватало и уже спустя 6 месяцев ускоренный выпуск училища, погрузившись в эшелоны, отправился навстречу войне. Сержант Обезгауз попадает на Калининский фронт, в 133 дивизию, 55 гвардейский стрелковый полк и назначается зам.командира минометного взвода. Часть занимала оборону у деревни Погорелое Городище, что под Ржевом. То была обычная фронтовая жизнь. Утром, дабы держать немцев в напряжении ходили в атаку, а после того как ее отбивали, наступало затишье, как время для дальнейшего накопления сил. В одной из первых атак взвод попал под минометный обстрел противника. Командир взвода вместо того, чтобы вывести солдат из зоны обстрела по неопытности уложил людей на землю и как результат потеряли половину состава, в том числе и командира. Командиром стал сержант Обезгауз.

Вспоминается ветерану бой, когда его минометный взвод приданный стрелковому батальону участвовал в атаке на врага. Когда захватили позиции немцев обнаружили брошенные 81-миллиметровые орудия. Надо сказать, что взвод был оснащен 50-миллиметровыми минометами и более мощное оружие пришлось весьма кстати. Вскоре противник перешел в контрнаступление. Вот когда понадобилось трофейное оружие. Нанесенный удар был столь сокрушительным, что немецкое подразделение с большими потерями отступило. Вскоре грудь солдата украсила первая награда “За боевые Заслуги”. Фронтовая жизнь продолжалась и уже потом в бою Файвель Евнович получил ранение, после которого оказался в госпитале в Загорске. Потом служил в 7м запасном полку в городе Бронницы под Москвой. Здесь как минометчик учил военной профессии других. Затем учеба в Тульском оружейно-техническом училище, а после в Ленинском артиллерийско-техническом училище зенитной артиллерии. После его окончания с весны 1944 года служил в 603 зенитно-артиллерийском полку техником дивизиона. В его обязанности входило следить за исправным состоянием зенитных орудий, которым он и посвящал все время. Его часть защищала воздушный рубеж железнодорожных станций, через которые следовали тяжелогруженные эшелоны, спешившие к наступавшей Красной Армии. На станциях разгружались эти самые эшелоны, оставляя технику, боеприпасы, горючее, которое затем попадало в войска. Словом было что оборонять. Немецкие стервятники частенько прилетали и работы зенитчикам хватало.

С улыбкой вспоминает солдат как командир дивизиона на машине традиционно спешил к сбитому самолету и выставлял в охрану своего автоматчика, чтобы соседи

неошиблись.

Закончил войну лейтенант Обезгауз в Восточной Пруссии. После войны охранял мирное небо страны и только в 1969 году уволился в запас в звании майора и в должности начальника службы ракетного вооружения ракетного полка.

Рассказ третий о Фельдмане Станиславе Абрамовиче 1926 г.р.: “Появился на свет, оглашая криком-приветствием факт своего рождения, мальчик Станислав в белорусском городе Гомеле. В 1939 году он подрос и окреп, вступив в пору религиозного совершеннолетия, открывающуюся обрядом бар-мицва. Бар-мицву проходят мальчики по достижении 13 лет, когда они уже могут самостоятельно читать Тору в синагоге. Эта самостоятельность религиозная сказалась и на ощущении самого себя достаточно взрослым, чтобы отправиться из Могилева, где тогда проживала семья, в северную столицу государства – Ленинград. Что такое эти тринадцать лет. Возраст романтических грез, желания быть большим и взрослым, построения жизненных планов на близкую и далекую перспективу. Стать моряком, обойти на корабле земной шар, увидеть своими глазами как же они живут там в другой стране и на другом континенте эти такие разные и такие похожие люди. Ведь все так интересно для пытливого ума и глаза широко открыты в мир окружающий нас. “Здравствуй жизнь” - кричит душа, переполненная ожиданием встречи с неизведанным. Мотивация для поступления в мореходку куда как весомая. Так оно и случилось и совсем еще молодой человек становится курсантом училища морского транспорта, обучаясь по специальности судовой машинист. Недолго длилось время беззаботных грез. Война вздыбила размеренную жизнь страны. Уже летом 1941 года пятнадцатилетний курсант

баржи швыряло будто щепки. Порывы сильного ветра осыпали десант веером брызг. Дополнял удовольствие и сильный холодный дождь, ливший беспрестанно. Немецкие стервятники налетели с воздуха, развешивая осветительные ракеты на парашютах и имея хорошее освещение бомбили. Было прямое попадание в одну из пяти барж, которая будто захлебываясь стала уходить под воду.

Погибло много людей и оружия. Оставшиеся четыре баржи все-таки на рассвете пристали к желанному берегу. Здесь десант уведомили, что их задача остановить прорвавшиеся к городу Тихвину вражеские части. Следует оговориться, что железнодорожная станция Тихвин была последним путем от Ладоги вглубь страны, не перешедшая к немцам. Отряд № 200 трое суток занимал оборону под Тихвином. Затем его все же решили использовать по прямому назначению, заменив солдатами другой воинской части. Перебазировались на станцию Андреево, где, оказывается, также наступали немцы, рвавшие к деревне Шум, в которой размещался штаб армии. Отряд № 200 от станции Андреево отступал совместно с другими подразделениями. Отходили, постоянно сталкиваясь с наступавшим противником и ведя оборонительные бои. В одной из деревень молодой солдат, а проще совсем еще мальчишка Стасик заболел. Его оставили в какой-то избе, где хозяйка быстренько уложили его на печку. Надо же было такому случиться, что буквально через несколько мгновений наступавшие немцы захватили населенный пункт. Около полуночи группа вражеских солдат вошла в дом, где как мы уже знаем находился молоденький красноармеец. Те, пробыв приблизительно часа полтора ушли и что совсем хорошо ничего не искали, а потому и не нашли. Поутру части Красной Армии контратакуя освободили деревню. Сразу появились ребята из отряда

№ 200, которые и отвезли бойца Фельдмана в деревню Шум, где он вдохновленный счастливым исходом событий быстро поправился. Вскоре подразделение, по прежнему называвшееся отряд № 200, перевели в распоряжение 21 танковой дивизии. Собственно название было число символическим, так как танки вышли из строя еще летом. Отряд поступал в распоряжение разведотдела дивизии. Место дислокации отряда находилось на удалении пятисот метров от переднего края и представляло собой большую землянку, обложенную сухими торфяными плитами. Работу же подразделение получило самую подходящую. Ратный труд нелегок, а у разведки он куда как тяжел. Постоянный риск, смерть рядом ходит, но задание выполнить должен. Порой погибали товарищи, и плакать хочется и сердце разрывается. Придадут земле тело, вытрут слезы и опять за дело. Прежде чем идти за линию фронта обязанность разведки изучить расположение противника. Тот в свою очередь особенно не изощрялся, выстроив линию обороны из отдельных опорных пунктов, заполнив промежутки минными полями. Ночью саперы проделывали в минных полях ходы, по которым шли на задание разведчики. Сутки, а то и трое вынуждены были они находиться на территории занятой врагом. После захвата “языка” отправлялись назад. Бывало выходили к позициям своих не там, где предполагалось. Те, приняв их за финнов, так же одетых в белые балахоны, открывали огонь. Район действия разведотряда определялся в треугольнике Мга-Невская-Дубровка-Синяино, в самой гуще немецкой группировки, вышедшей на побережье Ладожского озера и города Шлиссельбурга и рвавшей к Ленинграду. К концу января 1942 года отряд, потерявший половину состава, отвели в Ленинград на переформирование. У молодого солдата Фельдмана были обморожены обе ноги, а находясь на

излечении в госпитале в связи со скудностью питания он заболел дистрофией. В марте 1942 года его эвакуировали по льду Ладоги. Видел, как машины проваливались под лед, привнося напряжение и страх в сердца переправлявшихся. Судьба все же проявила благосклонность к Станиславу и после того как грузовик, где он находился, добрался к санитарному поезду тот через некоторое время тронувшись с места застучал по рельсам, увозя погруженных раненных в тыл. В госпитале в Ярославле разведчик Фельдман находился на излечении до июля 1942 года. Здесь ему ампутировали кончики мизинцев на обеих ногах, а после выздоровления отправили в отпуск. Отдыхал он пока по возрасту не был призван в армию. Произошло это в 1943 году. Служба в запасном полку вскоре закончилась и рядовой Фельдман в составе маршевой роты отправляется на 1 Прибалтийский фронт под Витебск.

Так он оказался в 204 стрелковой дивизии, 706 полку в роте автоматчиков. Вспоминается ветерану эпизод, когда 7 июля 1944 года его включили в подвижную рейдовую группу, состоящую из дивизиона противотанковых 76-мм орудий на бронетранспортерной тяге и роты автоматчиков.

Группа углубилась в тыл противника на 60 километров и без боя ворвалась в литовский город Утена, где располагались немецкие тыловые службы, готовившиеся к эвакуации. Взятых в плен немедленно рассадили по подвалам домов, что оказалось весьма кстати, так как 10 июля к городу подошли отступавшие части противника. Бой грянул. Он был тяжелым, упорным и для части наших бойцов смертельным. Станислав получил ранение в ключицу, однако лишь спустя сутки, с подходом своих, появилась возможность отправиться в госпиталь. Вылечившись, молодой солдат попадает в 208 стрелковую дивизию, наступавшую на Ригу. Вскоре его часть

перебрасывают к Шауляю. Вспоминается Станиславу Абрамовичу как в октябре 1944 года он как пулеметчик принимал участие в продвижении к Мемелю (Клайпеда). Юго-западнее города во время оборонительных боев на реке Скирвит солдат Фельдман был ранен в колено. Ранение оказалось не тяжелым, что позволило в декабре 1944 года вернуться в часть. Дивизию тем временем переводят на 2-й Белорусский фронт под Варшаву, где до середины января 1945 года войска Красной Армии вели тяжелые оборонительные бои, сдерживая напор, ошалело бросавшегося в наступление противника. Тяжело раненый, умирающий Третий Рейх ожесточенно сопротивлялся, отдавая свою кончину. Впрочем, участь его как мы знаем, была предрешена. Между тем 17 февраля 1945 года во время очередной атаки Станислав был ранен в ногу разрывной пулей. На этом война для него закончилась. После излечения дослуживал в Кинешме. Вернулся в Могилев после восьмилетнего отсутствия в 1947 года. 50 лет минуло с той поры, но и сейчас болит душа ветерана, когда он разглядывает боевые награды. Будто только вчера закончилась эта проклятая война.

Рассказ четвертый о Юдине Борисе Яковлевиче 1919 г.р.:
“Те, кто хотя бы немного знаком с историей обратят внимание на дату рождения. Да, еще всю громаду гражданской войны, сеявшая смерть, а в Орше в семье ломового извозчика или балагулы жизнь неудержимо заявила о себе криком новорожденного ребенка. Оглядываясь назад в ту далекую пору вполне можно увидеть нелегкую судьбу простой еврейской семьи. Конечно много детей: четыре мальчика и три девочки. Еврейская женщина-мать занимается только домашним хозяйством, да и наверное трудно представить себе как бы выглядела забота о детях имея она еще и работу. Отец, состоявший на службе

в артели ломовых извозчиков, был добытчиком для своей большой семьи. Дети подрастали и шли учиться. Благо в Орше находились две еврейские школы-семилетки. В одну из них, а именно во вторую пошел учиться маленький Боря. Сейчас он вспоминает это большое двухэтажное здание, выложенное красным кирпичом, и находившееся на месте нынешней третьей средней школы с чувством некоторой грусти. Уж очень оно похоже было на сохранившееся до сих пор здание педколледжа. Правда пообъемнее. Вспомнил Борис Яковлевич и директора школы Плоткина и еще одного руководителя, но на сей раз начальной еврейской школы, находившейся у самого рынка, Тиханского. В районе базара, на месте теперешней химчистки, располагалась белокаменная синагога Кацовичей-мясников, а напротив украшала собой улицу еще одна и самая большая в городе деревянная в два этажа. У самого элеватора находилась вторая деревянная и двухэтажная, но поменьше. Столько лет прошло. Сейчас уж и не припомнит Борис Яковлевич всех религиозных сооружений.

А жизнь шла своим чередом все дальше и дальше. Большая семья, большие заботы. Окончив четыре класса 13-летний Борис поступает учиться в только, что открывшуюся ШУМП (школу массовых профессий), где и это радовало мальчика, наверняка мечтавшего о сытой еде, кормили бесплатно и два раза. После завершения учебы Борис начинает работать слесарем в артели “Красный металлист”, располагавшейся рядом с заводом “Красный борец”.

Артель была как артель. Производили гвозди, кровати, военные кухни, и даже пулеметные тачанки. В 1939 году Бориса Яковлевича призывают в ряды Красной Армии, где он попадает в Архангельск в 12 запасной артиллерийский

полк – разведчиком. Первая война, участником которой он стал, была советско-финским конфликтом. Часть находилась недалеко от Кандалакши.

Перед разведкой стояла задача проникнуть в тыл противника, выявить стратегически важные объекты и скорректировать огонь артиллерии. Обычно ходили на задание группами по 3-4 бойца. Случалось и “языков” брали. Нормальная работа на войне, сопряженная подчас с невероятными усилиями и риском. Уже после финской, разведчик Юдин продолжал службу в составе 149 артиллерийского гаубичного полка в Литве у Шауляя, в семи километрах от границы с Восточной Пруссией. Здесь его часть и приняла первый бой, начавшейся Великой Отечественной. 22 июня 1941 года около 4.00 на позиции полка вражеская армада обрушила шквал огня, пытаясь сравнять с землей обороняющуюся часть. Ожесточенный бой длился где-то два дня. Превосходящие силы противника стремились разорвать в клочья оборону артиллеристов, встречавших непрошенных гостей залпами 122 и 152 миллиметровых орудий. Скоротечен был бой. Гибли люди, лошади, оружие приходило в негодность. Значительно поредевшая часть вынуждена была отступить на Старую Руссу, Псков.

В сентябре 1941 года у озера Ильмень 149 артиллерийский полк попал в окружение. Здесь следует очевидно остановить повествование.

Когда прозвучал вопрос “Как же вы выбрались?” Борис Яковлевич широко улыбнулся и просто ответил: “Разведчикам совсем не трудно. Все же имели какой-никакой опыт”. Впрочем не совсем все происходило так легко, однако вместе с еще пятью разведчиками зам. комвзвода разведки старший сержант Юдин пробираясь через леса, болота, а иногда и вовсе по открытой местности

вышел к озеру Селигер у города Бологое на сборный пункт. А отсюда уже в качестве командира взвода разведки он попадает в 84 стрелковую дивизию, 74 артиллерийский полк. Еще раньше под Старой Руссой солдат получил ранение в ногу и две недели в медсанбате понадобилось, чтобы вернуться в строй. Между тем время двигалось вперед. Артполк занимал оборону у деревни Бологижа, что недалеко от Ленинграда, да и весь Северо-Западный фронт сдерживал яростные атаки, рвавшегося к северной столице СССР врага. Проникновение в тыл противника с целью выполнения поставленной задачи – работа разведчика. Вспомнились ветерану, то и дело поправлявшему свои усы, эпизоды войны. Обычно, накануне операции бойцы трое суток вели наблюдение за районом предстоящих действий, изучали проходы в минных полях. Как правило, ночью лучше в сырую, дождливую погоду группа в 5-6 человек отправлялась в тыл. Дабы упростить задачу искали телефонный провод, перерезали его и ждали прихода связистов. Немцы появлялись вскоре вдвоем. Разведчики, чтобы исключить непредвиденные ситуации и провести все без шума, вдвоем или втроем набрасывались на одного солдата, связывали его, естественно кляп в рот и попластунски на себе назад. Так под Бологижей 3 раза успешно доставляли “языков” в штаб полка. Где-то в апреле 1942 года уже под Старой Руссой авиаразведка выявила крупный склад боеприпасов противника, однако, точно определить его местонахождение и уничтожить никак не удавалось. Ночью группа из 4 разведчиков и радиста под командованием старшего сержанта Юдина отправилась в тыл врага. Шли долго и осторожно, стараясь себя не обнаружить, и оказались у предполагаемого объекта на рассвете. Днем Борис Яковлевич направил двух бойцов разведать местность. Те, вернувшись, доложили, что

обнаружили ветку железной дороги бегущую в лес. Кроме того, выяснилось совсем недавнее ее происхождение, так как на карте сей путь совсем не обозначен. Отправились немедля в направлении искомого леса, но пройдя километра два нарвались на немцев. Пришлось дать бой и отойти в болото, чтобы оторваться от преследования. В болоте просидели двое суток, а уже потом опять искали пути к складу боеприпасов, к которому подошли днем оставшись на расстоянии восьмисот метров от объекта. Некоторое время ушло на подготовку данных, а затем радист стал передавать. Вскоре артполк нанес удар по указанной цели. После того, как четыре снаряда точно поразили склад, комвзвода Юдин отдал команду отходить, ведя беглый огонь. Вернувшись к линии фронта ждали ночи и лишь с ее наступлением ползком перебрались к своим. Спустя некоторое время на груди солдата появилась медаль “За боевые заслуги”, как признание тяжести ратного труда.

В июне 1942 года 84 стрелковую дивизию перебросили в Сталинграду, где уже всюю схлестнулись мощь, надвигавшейся вражеской армады и стойкость, самопожертвование, героизм Красной Армии.

Побывать в такой мясорубке, когда смерть ходит за тобой по пятам, тяжелое испытание для солдата. Разведчикам хватало работы. Частенько брали “языков”, пробираясь вглубь обороны противника. Ветерану вспоминается и довольно отчетливо январь 1943 года. Тогда командованию нужны были сведения о дислокации частей и естественно “язык”.

Старший сержант Юдин вместе со своими бойцами дважды брал в плен солдат противника. Ими оказались румынский и немецкий солдаты, совсем немного знавшие о расположении своих подразделений. Нужен был офицер. Опять в темную морозную ночь группа разведчиков

отправилась на задание.

Действие происходило в районе тракторного завода. Недалеко от него находился подбитый паровоз, куда забралась и просидели там наблюдая противника наши солдаты. Ничего не обнаружив за день, ночью разведчики продолжили поиск, приведший из к красному телефонному проводу. То был толчок к действию и группа продолжила движение в надежде на удачу. Сия капризная дама вскоре улыбнулась им, выведя к целому клубку проводов, свидетельствовавшему о близости штаба какой-то части. Верно выбранный путь привел разведчиков к небольшой деревне недалеко от разъезда Кононово. Весь следующий день наблюдали. Определили таки этот самый штаб. Он располагался на окраине деревни. Ждали, когда стемнеет. С наступлением ночи ползком к дому. Дом охраняли двое часовых. Правда и менялись каждые два часа. После смены приступили к решительным действиям. Когда часовые сошлись и стали закуривать их тут же бесшумно “сняли ножами”. Быстро вошли в дом. Спавшего телефониста отправили туда же куда и охранников. Лежавшего на постели немца, довольно внушительной комплекции, моментально связали. Глянули сразу и на мундир, висевший на стуле. Радость захлестнула. Вот это везение. Костюмчик то был генеральский. Медлить нельзя, а посему накинули на генерала белую простынь да и потащили к своим. В феврале Борис Яковлевич узнал, что за успешно выполненное задание награжден Орденом Красной Звезды. Взвод разведки 74 арtpолка, которым командовал старший сержант Юдин принимал участие и в ликвидации вражеской группировки в Сталинграде. Участвовали в уличных боях. Дрались же тогда за каждый дом с утра до вечера. Опасное и трудное то испытание. Сплошной грохот, напряжение сил и нервов, постоянный риск, особенно

когда сходились в рукопашной с противником. Непросто и нелегко, но всему приходит конец. Окончен бой, за который на груди солдата засияла медаль “За боевые заслуги”.

После Сталинградской битвы дивизию, обескровленную в боях, отвели в тыл на отдых. Затем перебросили на Степной фронт под Воронеж. Часть была некоторое время в резерве, но не долго. Контрнаступление Красной Армии на Курской дуге проводилось силами нескольких фронтов. Ветерану вспоминаются сражения за Белгород (благодарность Сталина), Харьков (орден Красной Звезды), Полтаву (благодарность Сталина). Брать каждый из названных городов приходилось штурмом, в тяжелом изматывающем бою. Форсирование реки Днепр вывело часть старшего сержанта Юдина к Кременчугу, где он в пылу сражения был ранен и лишь спустя месяц, подлечившись, вернулся в свое подразделение. Много затем было освобожденных городов, стран. Еще одно ранение в Молдавии.

А после Румыния, Венгрия, Югославия, Австрия. Войну заканчивал под Прагой в Чехословакии. Двухнедельный кровопролитный бой стал уже наконец последним. Наступил долгожданный праздник – победа. В 1950 году старшина Юдин возвратился в Оршу.

Источники

1. Из беседы с Зайцевой Марией Степановной, состоявшейся 28 июля 1998 года. Личный архив автора.
2. Из беседы с Кнотько Владимиром Максимовичем, состоявшейся 28 июля 1998 года. Личный архив автора.
3. Из беседы с Шаньковой Людмилой Андреевной, состоявшейся 28 июля 1998 года. Личный архив автора.
4. Из беседы с Ивановичем Леонидом Ефимовичем, состоявшейся 28 июля 1998 года. Личный архив автора.
5. Из беседы с Жидковой Людмилой Моисеевной, состоявшейся 23 июня 1998 года. Личный архив автора.
6. Из беседы с Казаченок Галиной Викторовной, состоявшейся 23 июня 1998 года. Личный архив автора.
7. Из беседы с Бодушанской Софьей Моисеевной, состоявшейся 23 июня 1998 года. Личный архив автора.
8. Из беседы с Попкович Виктором Игнатъевичем, состоявшейся 23 июня 1998 года. Личный архив автора.
9. Из беседы с Цветинской Розалией Казимировной, состоявшейся 23 июня 1998 года. Личный архив автора.
10. Из беседы с Крыловой Марией Викентьевной, состоявшейся 23 июня 1998 года. Личный архив автора.
11. Материалы Национального архива Республики Беларусь. ф. 861. оп.1 д.13. л.85.
12. Из беседы с Долженковой Варварой Ильиничной, состоявшейся 26 марта 1997 года. Личный архив автора.
13. Из беседы с Фроловым Александром Ивановичем, состоявшейся 26 марта 1997 года. Личный архив автора.
14. Из беседы с Борисовой Лидией Борисовной, состоявшейся 13 мая 1997 года. Личный архив автора.
15. Опыт описания Могилевской губернии в трех книгах. Под ред. Дембовецкого А.С. Т.2. Могилев. 1884. С.72-73.
16. Были... Есть... Будем? Мишпоха. №2. Витебск. 1996. С.125.
17. Государственный архив Российской Федерации. ф.7021. оп.84.д.6.л.3-4.
18. Воспоминания Золотарской Марфы Васильевны. Из личного архива Коптика Юрия.
19. Из беседы с Арутюновой Екатериной Ивановной, состоявшейся 12 марта 1997 года. Личный архив автора.
20. Воспоминания Семенова Афанасия Евсеевича. Газета Западного фронта "Красноармейская правда". Статья Б.Юнусалиева "Трагедия местечка Ляды". 31 октября 1943 года.
21. Воспоминания Тамаркина Вячеслава Львовича. Из личного архива Эренбурга Льва Соломоновича.
22. Воспоминания Чванова Луки Ивановича. Из писем в Ляднянскую среднюю школу.
23. Газета "Дняпроуская прауда" 21 июня 1991 года. С.2.
24. Из беседы с Борисовой Лидией Борисовной, состоявшейся 13 мая 1997 года. Личный архив автора.
25. Государственный архив Российской Федерации. ф.7021. оп.84. д.6.л.3.
26. Зональный государственный архив в городе Орше. ф.778. оп.3, д.1а. л.2.
27. Из беседы с Лахмотко Марией Васильевной, состоявшейся 14 июля 1998 года. Личный архив автора.

28. Из беседы с Овсовой Ульяной Федоровной, состоявшейся 14 июля 1998 года. Личный архив автора.
29. Из беседы с Дмитриевой Евдокией Михайловной, состоявшейся 14 июля 1998 года. Личный архив автора.
30. Из беседы с Петрише Марией Болеславовной, состоявшейся 24 июля 1998 года. Личный архив автора.
31. Из беседы с Ярошевской Татьяной Петровной, состоявшейся 24 июля 1998 года. Личный архив автора.
32. Из беседы с Зябко Анастасией Кузьминичной, состоявшейся 24 июля 1998 года. Личный архив автора.
33. Из беседы с Кумышевой Надеждой Кирилловной, состоявшейся 24 июля 1998 года. Личный архив автора.
34. Национальный архив Республики Беларусь. ф. 861. оп.1. д.8. л.222а.
35. Там же. л.224.
36. Там же. л.225.
37. Там же. л.226.
38. Из беседы с Шалаумовой Софьей Яковлевной, состоявшейся 7 июля 1998 года. Личный архив автора.
39. Из беседы с Асташко Натальей Антоновной, состоявшейся 7 июля 1998 года. Личный архив автора.
40. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Visuelle Konzeption und Gestaltung der Ausstellung: Christian Reuther und Johannes Bacher. Leitung: Hannes Heer. Hamburg. 1996. С. 114.
41. Из письма Фейгельмана Семена Климентьевича. Личный архив автора.
42. Из беседы с Титарович Раисой Ивановной, состоявшейся 15 июня 1998 года. Личный архив автора.
43. Из беседы с Буйницкой Марией Марковной, состоявшейся 17 июня 1998 года. Личный архив автора.
44. Национальный архив Республики Беларусь. ф. 845. оп.1. д.7. л.77.

45. Государственный архив Российской Федерации. ф. 7021. оп.84., д.7., л. 104об.
46. Из беседы с Дехтярь Семеном Моисеевичем, состоявшейся 17 июня 1998 года. Личный архив автора.
47. Национальный архив Республики Беларусь. ф.845.оп.1.1.д.7. л.24.
48. Из беседы с Гордоном Монасом Гершиновичем, состоявшейся 19 июля 1998 года. Личный архив автора.
49. Национальный архив Республики Беларусь. ф.845.оп.1.д.63.л.18.
50. Из беседы с Шукело Эдуардом Антоновичем, состоявшейся 19 июля 1998 года. Личный архив автора.
51. Из беседы с Колосовской Ядвигой Антоновной, состоявшейся 19 июля 1998 года. Личный архив автора.
52. Из беседы с Климович Еленой Казимировной, состоявшейся 19 июля 1998 года. Личный архив автора.
53. Из беседы с Левиным Борисом Михайловичем, состоявшейся 5 сентября 1997 года. Личный архив автора.
54. Из беседы с Хенкиным Самуилом Айзиковичем и Винницей Татьяной Айзиковной, состоявшейся 25 декабря 1994 года. Личный архив автора.
55. Из беседы с Левиным Ефимом Петровичем, состоявшейся 11 января 1998 года. Личный архив автора.
56. "Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР".(15-29 января 1946г.). Госполитиздат БССР. Мн.1947. С.52-53.
57. Там же. С.58.
58. Там же. С.42-43.
59. Из беседы со Старостенко Эдуардом Ефимовичем, состоявшейся 19 мая 1998 года. Личный архив автора.

60. Касперский В.А. Оршанские очерки. (Рукопись).
61. Из беседы с Гульцовой Евгенией Константиновной, состоявшейся 27 июля 1996 года. Личный архив автора.
62. Национальный архив Республики Беларусь. ф.845. оп.1.д.7.л.49.
63. Из беседы с Постниковой Евгенией Егоровной, состоявшейся 4 февраля 1997 года. Личный архив автора.
64. Из беседы с Пикман Басей Цуриэльевной, состоявшейся 19 ноября 1995 года. Личный архив автора.
65. Из беседы с Леенсон Варварой Михайловной, состоявшейся 1 марта 1998 года. Личный архив автора.
66. Из беседы с Короткевич Еленой Михайловной, состоявшейся 12 апреля 1998 года. Личный архив автора.
67. Из беседы с Малыгиной Анной Ивановной, состоявшейся 14 октября 1995 года. Личный архив автора.
68. Зональный государственный архив в городе Орше. ф.27.оп.3.д.3.л.228-248,275-276.
69. Из беседы с Ефременко Клавдией Васильевной, состоявшейся 27 июля 1996 года. Личный архив автора.
70. Из беседы с Клочковой Валентиной Васильевной, состоявшейся 27 июля 1996 года. Личный архив автора.
71. Из беседы с Куроедовой Ольгой Филипповной, состоявшейся 15 апреля 1997 года. Личный архив автора.

72. Из беседы с Даниловым Иосифом Флориановичем, состоявшейся 27 апреля 1995 года. Личный архив автора.
73. Из беседы с Илюхиной Верой Исааковной, состоявшейся 12 июля 1995 года. Личный архив автора.
74. Из беседы с Певзнером Матвеем Рафаиловичем, состоявшейся 14 мая 1997 года. Личный архив автора.
75. Из беседы с Марцинкевич Полиной Борисовной, состоявшейся 3 июня 1997 года. Личный архив автора.
76. Зональный государственный архив в городе Орше. ф.27.оп.3.д.3.л.14.
77. Национальный архив Республики Беларусь. ф.845.оп.1.д.7.л.11.
78. Из беседы с Постниковой Евгенией Егоровной, состоявшейся 4 февраля 1997 года. Личный архив автора.
79. Из письма Шапиро Якова Исааковича. Личный архив автора.
80. Из беседы с Дроздовым Антоном Никаноровичем, состоявшейся 11 февраля 1996 года. Личный архив автора.
81. Из беседы с Ледневой Ефросиньей Андреевной, состоявшейся 11 февраля 1996 года. Личный архив автора.
82. Из беседы с Винарской Екатериной Кирилловной, состоявшейся 11 февраля 1996 года. Личный архив автора.
83. Из беседы с Каганом Наумом Рафаиловичем, состоявшейся 27 декабря 1995 года. Личный архив автора.
84. Из беседы с Шибeko Юлией Григорьевной, состоявшейся 19 мая 1997 года. Личный архив автора.

85. Национальный архив Республики Беларусь. ф.861., оп.1., д.,13., л.117.
86. Из беседы с Поздняком Вацлавом Адамовичем, состоявшейся 5 июля 1998 года. Личный архив автора.
87. Из беседы с Будько Юзефой Ивановной, состоявшейся 5 июля 1998 года. Личный архив автора.
88. Из беседы с Поздняк Анной Юлиановной, состоявшейся 5 июля 1998 года. Личный архив автора.
89. Из беседы со Стефанович Иваном Болеславовичем, состоявшейся 10 июля 1998 года. Личный архив автора.
90. Из беседы с Савицкой Ядвигой Станиславовной, состоявшейся 10 июля 1998 года. Личный архив автора.
91. Национальный архив Республики Беларусь. ф.845., оп.1., д.63., л.45.
92. Из беседы с Григорович Юлией Антоновной, состоявшейся 30 июня 1998 года. Личный архив автора.
93. Из беседы с Якубовской Татьяной Александровной, состоявшейся 30 июня 1998 года. Личный архив автора.
94. Из беседы с Тиско Марией Хасеньевной, состоявшейся 30 июня 1998 года. Личный архив автора.
95. Из беседы с Голубей Ульяной Семеновной, состоявшейся 30 июня 1998 года. Личный архив автора.
96. Из беседы с Воротынской Верой Эдуардовной, состоявшейся 22 мая 1998 года. Личный архив автора.
97. Из беседы с Демьяненко Марией Исааковной, состоявшейся 22 мая 1998 года. Личный архив автора.
98. Из беседы с Савитковой Полиной Николаевной, состоявшейся 22 мая 1998 года. Личный архив автора.
99. Зверства немецко-фашистских захватчиков. М.1945. Вып.14. С.42.
100. Из беседы с Гарнак Марией Тимофеевной, состоявшейся 1 июля 1997 года. Личный архив автора.

101. Из беседы с Шерстневым Николаем Васильевичем, состоявшейся 1 июля 1997 года. Личный архив автора.
102. Из беседы с Быковым Иваном Анисимовичем, состоявшейся 1 июля 1997 года. Личный архив автора.
103. Из беседы с Хейфицем Хаимом Исааковичем, состоявшейся 5 июня 1997 года. Личный архив автора.
104. Государственный архив Российской Федерации. ф.7021. оп.84. д.11. л.96.
105. Из беседы с Синицкой Екатериной Ивановной, состоявшейся 5 июня 1997 года. Личный архив автора.
106. Из беседы со Шлапаковой Верой Степановной, состоявшейся 5 июня 1997 года. Личный архив автора.
107. Из беседы с Дунец Марией Евдокимовной, состоявшейся 5 июня 1997 года. Личный архив автора.
108. Из беседы с Головиновой Ираидой Савельевной, состоявшейся 5 июня 1997 года. Личный архив автора.
109. Из беседы с Василевским Георгием Петровичем, состоявшейся 24 января 1996 года. Личный архив автора.
110. Из беседы с Соловьевой Эсфирь Израилевной, состоявшейся 7 апреля 1998 года. Личный архив автора.
111. Государственный архив Российской Федерации. ф.7021. оп.84. д.14. л.12.
112. Из беседы с Иофик Анной Семеновной, состоявшейся 11 сентября 1996 года. Личный архив автора.
113. Из письма Когана Леонида Борисовича. Личный архив автора.
114. Из беседы с Бородой Марией Павловной, состоявшейся 27 июля 1996 года. Личный архив автора.
115. Из письма Погорелой Веры Григорьевны. Личный архив автора.

116. Зональный государственный архив в городе Орше. ф.162.,оп.,7.,д.2.,л.77.
117. Из письма Беленькой Любови Григорьевны. Личный архив автора.
118. Из письма Ермолович Ольги Васильевны. Личный архив автора.
119. Из беседы с Каждан Беллой Борисовной, состоявшейся 10 июня 1997 года. Личный архив автора.
120. Материалы зонального государственного архива в городе Орше. ф.162.,оп.,7.,д.2.,л.77.
121. Там же.л.81.
122. Из беседы с Гляком Владимиром Павловичем, состоявшейся 10 июня 1997 года. Личный архив автора.
123. Из беседы с Алексеевой Софьей Карловной, состоявшейся 26 июня 1998 года. Личный архив автора.
124. Из беседы со Свидлером Николаем Федоровичем, состоявшейся 26 июня 1998 года. Личный архив автора.
125. Государственный архив Российской Федерации. ф.7021.,оп.84.,д.1.,л.82.
126. Там же.л.83.
127. Там же.л.84.
128. Из беседы со Свидлер Антониной Яковлевной, состоявшейся 26 июня 1998 года. Личный архив автора.
129. Материалы Государственного архива Российской Федерации.ф.7021.,оп.92.,д.223.,л.10.
130. Из беседы с Василевским Евгением Петровичем, состоявшейся 7 июня 1998 года. Личный архив автора.

131. Из беседы с Кулач Татьяной Николаевной, состоявшейся 7 июня 1998 года. Личный архив автора.
132. Из беседы с Бутовской Лилией Григорьевной, состоявшейся 7 июня 1998 года. Личный архив автора.
133. Государственный архив Российской Федерации. ф.7021.,оп.92.,д.223.,л.4.
134. Там же.л.33.
135. Из беседы с Суриным Зиновием Давыдовичем, состоявшейся 5 мая 1998 года. Личный архив автора.
136. Из беседы с Медведевым Евгением Владимировичем, состоявшейся 5 мая 1998 года. Личный архив автора.
137. Из беседы с Поленковой Анной Петровной, состоявшейся 5 мая 1998 года. Личный архив автора.
138. Из беседы с Цукерман Марией Исааковной, состоявшейся 5 мая 1998 года. Личный архив автора.
139. Трагедия евреев Белоруссии в 1941-1944гг. Под ред. Черноглазовой Р.А. Мн.1997.С.202.
140. Из беседы с Шуминой Александрой Борисовной, состоявшейся 20 августа 1997 года. Личный архив автора.
141. Из беседы с Ревяко Александром Андреевичем, состоявшейся 20 августа 1997 года. Личный архив автора.
142. Из беседы с Цейтлиной Асей Борисовной, состоявшейся 20 августа 1997 года. Личный архив автора.
143. Из беседы с Малиновской Валентиной Ивановной, состоявшейся 20 августа 1997 года. Личный архив автора.
144. Государственный архив Российской Федерации. ф.7021.,оп.88.,д.50.,л.1.

145. Из беседы с Альтшулер Кларой Захаровной, состоявшейся 20 августа 1997 года. Личный архив автора.
146. Из беседы с Мильто Надеждой Ивановной, состоявшейся 20 августа 1997 года. Личный архив автора.
147. Из беседы с Пушилиной Татьяной Наумовной, состоявшейся 20 августа 1997 года. Личный архив автора.
148. Из письма Цейтлиной Аси Борисовны в музей "Яд Вашем" (Иерусалим). Личный архив автора.
149. Из беседы с Демченко Дмитрием Акимовичем, состоявшейся 15 июля 1998 года. Личный архив автора.
150. Из беседы с Ковалевским Анатолием Степановичем, состоявшейся 15 июля 1998 года. Личный архив автора.
151. Из беседы с Зимяниной Александрой Кирилловной, состоявшейся 15 июля 1998 года. Личный архив автора.
152. Национальный архив Республики Беларусь. ф.845, оп.1, д.7, л.14.
153. Из беседы с Лишаковой Зинаидой Максимовной, состоявшейся 8 июля 1998 года. Личный архив автора.
154. М.Мишин, А.Нович. Праведники мира. Мишпоха. № 1. Витебск. 1995. С.96-97.
155. Из беседы с Кондратьевым Владимиром Максимовичем, состоявшейся 8 июля 1998 года. Личный архив автора.
156. Из беседы с Григорьевой Людмилой Никитичной, состоявшейся 8 июля 1998 года. Личный архив автора.
157. Национальный архив Республики Беларусь. ф.845, оп.1, д.7, л.14.

Содержание

От автора	3
Катастрофа	
Холокост в Бобре. (Крупский район).	7
Гетто в Дриссе. (Верхнедвинск).	10
Холокост в Дубровенском районе.	16
Гетто в Езерище. (Городокский район).	32
Холокост в местечке Камень. (Лепельский район).	35
Холокост в Крупках.	41
Лепельское гетто.	45
Холокост в Мяделе.	55
Оршанское гетто.	62
Гетто Оршанского района.	92
Гетто Поставского района.	99
Гетто в Россонах.	113
Холокост в Сенненском районе.	118
Гетто Толочинского района.	124
Гетто в Улле. (Бешенковичский район).	144
Ушачское гетто.	148
Холокост в Шкловском районе.	155
Гетто Шумилинского района.	168
Война	
Борьба за жизнь.	178
Мальчик из гетто.	182
У черты.	186
Праведники.	194
Ветераны	198
Источники	220

Contents

From author	3
The Catastrophe	
The Holocaust in Bobr (Krupki district)	7
The ghetto in Drissa (Verkhnedvinsk)	10
The Holocaust in the district of Dubrovno	16
The ghetto in Ezerische (Gorodok district)	32
The Holocaust in Kamen (Lepel district)	35
The Holocaust in Krupki	41
The ghetto in Lepel	45
The Holocaust in Myadel	55
The ghetto in Orsha	62
The ghetto in the district of Orsha	92
The ghetto in Postavy district	99
The ghetto in Rossony	113
The Holocaust in Senno district	118
The ghetto in the district of Tolochin	124
The ghetto in Ulle (Beshenkovichi district)	144
The ghetto in Ushachi	148
The Holocaust in Shklov district	155
The ghetto in Shumilino district	168
The War	
The Struggle for life	178
The boy from the ghetto	182
On the verge	186
The just men	194
The veterans	198
Sources and references.	220

The book "The Bitterness and The Pain" was written by Gennadiy Vinnitsa. This edition is devoted to the unknown or little known facts from the history of the Jews..

"The Catastrophe" is the title of the first section of the book. It is the result of the author's research work carried out during several years and the continuation of his first book "The Word of Memory". Actually, this part is about the mass destruction of the Jews during the World War II in 15 districts of Belarus.

The second part under the title "The War" tells you about the fates of different people during the World War II.

This book is the result of hard and tenacious work. The author is grateful for your interest to this edition.

Для заметок

Для заметок

Ошибки в тексте.

1. На странице 4 вверху пропущено:

судеб. Жизненный путь человека сложен и тяжел. В этом мы не раз убеждаемся, взирая на происходящее вокруг нас.

2. На странице 116 подпись под иллюстрацией следует читать:

Здесь покоится прах евреев Россонского района.

3. На странице 121 вверху пропущено:

жили на Голынке. Осенью 1941 года пришли

Научно-популярное издание.

Геннадий Винница
ГОРЕЧЬ И БОЛЬ

Ответственный за выпуск В.М. Лившиц.
Корректор Г.Р. Винница
Дизайн, оригинал-макет С.В.Щетинин

Подписано в печать 19.10.98. Формат 60x80/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95. Тир. 250.
Зак. 5387. Лицензия № 313.

Отпечатано в Оршанской типографии
с оригинал-макета-заказчика.
211030 Витебская обл., г. Орша, ул. Замковая, 3

ISBN 985-6120-33-0

9 789856 120339 >